ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

ОТТО СКОРЦЕНИ
ГЛАВНЫЙ РАЗВЕДЧИК ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Противника нельзя недооценивать: были свои асы разведки, профессионалы в сфере диверсионной и агентурной работы и в Третьем рейхе.

Отто Скорцени называли «личным диверсантом фюрера», что в целом соответствовало реальности, поскольку «диверсант рейха № 1» нередко получал задания от самого Гитлера. Именно его фюрер лично отобрал для освобождения итальянского диктатора Бенито Муссолини, находившегося в заключении после свержения. Но если операция «Дуб» увенчалась успехом, то «Длинный прыжок» благодаря информации, добытой нашим легендарным Николаем Кузнецовым, и действиям группы Геворка Вартаняна был сорван: вся немецкая резидентура в Иране была обезврежена и конференция союзников в Тегеране состоялась.

Об этих и других операциях, проводимых Отто Скорцени, новая книга Александра Севера.

- Александр Север
  - Вступление
  - Часть первая
    - Детство, отрочество и юность
    - От националистов к нацистам
    - Участвуя в путче 1934 года
    - Дипломаты и шпионы из Третьего рейха
    - Участвуя в операции «Отто»
  - Часть вторая
    - Сражаясь на передовой
    - Командуя диверсантами
    - Операция «Ульм»: мертвая зона
    - Операция «Ход конем»
    - Кто спланировал спасение Дуче
    - Модернизируя «Фау-1»
    - «Вольный стрелок» служил на Лубянке
    - Убить товарища Сталина
  - Заключение
  - Приложения
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5
    - Приложение 6

○ Примечания
○ Список источников

Александр Север
Отто Скорцени. Главный разведчик Третьего рейха

Вступление

В неофициальной народной галерее «Супердиверсантов Второй мировой войны из Германии и Италии» австриец Отто Скорцени занимает почетное место наряду с итальянским «черным князем» Валерио Боргезе (командовал «10-й флотилией МАС», укомплектованной подводными диверсантами и действовавшей в акватории Средиземного и Черного морей) и его немецким коллегой – вице-адмиралом Гельмутом Гейе (командир соединения «К» военно-морских сил Германии)[1].

Каждый из этой знаменитой троицы сам написал мемуары или принял активное участие в подготовке книг о своем участии в тайной войне. При этом если у военных историков книги того же Валерио Боргезе «Десятая флотилия» или Кайюса Беккера «Немецкие морские диверсанты»[2] не вызывают вопросов по поводу изложенных в них фактов, то мемуары Отто Скорцени, самого знаменитого из троицы, активно обсуждаются. Основная причина: с одной стороны, слишком много неправдоподобных деталей, а с другой – многие эпизоды боевой деятельности сознательно умалчиваются. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Отто Скорцени – одна из самых мифологизированных и «темных» фигур Второй мировой войны в современной России, образ которой начал создаваться еще в Советском Союзе.

По мнению историка Виталия Чернявского: «Как ни странно, но после войны фигуру Скорцени до невероятных размеров раздули средства массовой информации советского блока. У него взял интервью мэтр нашего шпионского детектива Юлиан Семенов. Беседу с “любимцем фюрера” опубликовал также ведущий кремлевский публицист Генрих Боровик, возглавивший в 1987 году Советский комитет защиты мира. В других странах Варшавского договора о Скорцени вышло несколько книг и написаны сотни очерков, статей, фельетонов, комментариев и заметок.

Советской пропаганде надо было скомпрометировать послевоенное неонацистское движение. Одиозная фигура “любимца фюрера” как нельзя лучше подходила для этой цели. К тому же кремлевские пропагандисты постарались как можно выгоднее для себя использовать ставший известным факт сотрудничества Скорцени с американской и западногерманской спецслужбами: видите, мол, каких крупных нацистских военных преступников взяли под свое крыло Вашингтон и Бонн. Вот где надо искать корни легенды о “диверсанте номер один Третьего рейха”»[3].

А помнишь, как все начиналось

В 1963 году в СССР была издан сокращенный перевод книги известного и популярного в годы «холодной войны» восточногерманского историка Юлиуса Мадера «По следам человека со шрамом (документальный рассказ о бывшем начальнике секретной службы СС Отто Скорцени). Процитируем аннотацию к этому изданию: «Автор книги – немецкий публицист Юлиус Мадер изобличает преступное прошлое и настоящее международного гангстера, бывшего эсэсовца Отто Скорцени, его связи с разведками США и ФРГ. Карьера этого фашистского убийцы и диверсанта раскрывается на широком историческом фоне событий Второй мировой войны и послевоенного периода».

Начинается книга с текста, оформленного под информационную листовку из серии «Их ищут правоохранительные органы»:

«Объявляется розыск преступника.

Аресту подлежит Отто СКОРЦЕНИ,

скрывающийся под фамилиями:

Мюллер (1938 г., Вена),

Доктор Вольф (сентябрь – октябрь 1944 г., Германия и Венгрия),

Золяр (ноябрь – декабрь 1944 г., Германия и Бельгия),

Мистер Эйбл (1947 г., «Исторический отдел» американской секретной службы, город Нёйштадт-на-Лане),

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург),

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция),

Антонио Скорба (1954–1955 гг., Австрия),

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания);

член нацистской партии с 1932 года (членский билет № 21083671),

член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579),

сотрудник службы безопасности (СД),

бывший военнопленный американской армии,

военный преступник, разыскиваемый для предания суду согласно спискам военных преступников, представленным Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

ПРИМЕТЫ

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое; выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: прямоугольное, лоб высокий, с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на левой щеке и подбородке – шрамы.

Цвет лица: сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, надо лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит “мушкой”.

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины; ноздри прямые, с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние вполне сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого угла к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки отлично, по-английски и по-испански – с немецким акцентом.

ПОДЛЕЖИТ АРЕСТУ ЗА:

соучастие в подделке и распространении фальшивых денежных знаков,

изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов,

разбой и грабежи,

вымогательство,

членство в преступных организациях,

государственную (1938 г., Австрия) организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления)

ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!
ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!»

Так выглядел бы приказ об аресте Отто Скорцени – бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года специального агента Гитлера. В 1948 году Скорцени при таинственных обстоятельствах скрылся из Западной Германии, избежав наказания за свои преступления. Ныне он держит в своих

руках нити подпольной армии фашистских убийц и диверсантов, орудующей в государствах нескольких континентов.

Юлиус Мадер – автор книг «Серая рука» и «Убийцы в засаде» – шел по следам Скорцени и в этом документальном рассказе раскрывает «одно за другим его преступления»[4].

Книга «По следам человека со шрамом» переиздавалась в СССР еще два раза – в 1964 и 1965 годах. Затем наступило затишье на несколько десятилетий. Разумеется, имя Отто Скорцени периодически появлялось в различных художественных романах и повестях, не забывали о нем и авторы многочисленных публикаций, посвященных неонацизму в Западной Европе. Так, в свою повесть «Лицом к лицу» Юлиан Семенов включил интервью с Отто Скорцени.

Вот только монографий больше не выходило. Объяснение этому простое. На Западе этот персонаж был малоинтересен, и про него не писали. А издавать в СССР воспоминания «человека со шрамом» не могли позволить по идеологическим причинам. Слишком яркими и значимыми были мифологизированные достижения «диверсанта № 1» и меркли на фоне реальных побед его советских противников по фронту «тайной войны». Поясним, что речь идет лишь о тех операциях советской разведки, о которых в то время можно было рассказывать. Вот почему к началу девяностых годов о нем в Советском Союзе стали забывать.

Когда закончилась «холодная война»

Спустя 10 лет после окончания «холодной войны» фигура Отто Скорцени снова стала популярной. Регулярно переиздаются написанные еще в 1951 году мемуары, а также появилось несколько монографий, которые посвящены этому человеку. И если во времена СССР существовал «заказ» со стороны государства на «раскрутку» этого человека, то сейчас он стал одним из брендов периода Второй мировой войны. Что же, запущенный в советское время проект оказался куда более жизнеспособным, чем предполагали его создатели.

В современной России издано два варианта мемуаров Отто Скорцени. Первый – сокращенный. В нем, как минимум, отсутствуют главы, посвященные жизни «человека со шрамом» до того момента, когда ему предложили возглавить диверсионное подразделение РСХА. Второй – полный. О нем будет рассказано ниже. Также изданные в России мемуары различаются по первоисточнику. Это перевод с немецкого, английского или французского изданий. Впрочем, в отличие от воспоминай начальника Отто Скорцени – руководителя внешнеполитической

разведки Третьего рейха (VI Управление РСХА) Вальтера Шелленберга, чья книга «Лабиринт» имеет различные версии (в зависимости от той из западноевропейских, где была опубликована), мемуары Отто Скорцени почти что идентичны.

В 1997 году был опубликован сборник с громким названием «Короли диверсий». В него было включено всего лишь два произведения: «Секретные задания РСХА» Отто Скорцени и «10 флотилия МАС» Валерио Боргези.

Вот как в предисловии к сборнику был представлен «человек со шрамами»:

«Отто Скорцени – родоначальник нацистских коммандос. Прежде всего очень сложно найти как в реальной жизни, так и в художественной литературе более невероятные приключения, чем те, что выпали на долю этого офицера СС – личности, к счастью союзников-англичан и американцев, так и не сумевшей реализовать себя до конца. Освобождение Муссолини и занятие Замка на Горе в Будапеште сделали бы честь героям Дюма и гангстерских романов тридцатых годов. Редкий кинобоевик содержит столько приключений, сколько их пережил Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы.

Во-вторых, редко когда человек, не занимавший каких-либо значительных постов в иерархии государственной власти, в армии, играл такую роль в истории Второй мировой войны. Скорцени, один из сотен тысяч обычных немецких офицеров, на какое-то время сковал действия целой армии союзников!

И вместе с тем Скорцени не герой “в чистом виде” – это самый настоящий эсэсовец, фанатично преданный Фюреру и рейху. И это третья причина, по которой мы взялись за публикацию его мемуаров. Феномен Скорцени – кристаллизация духа национал-социализма в самой опасной и заразной форме»[5].

Отметим, что этот текст был позаимствован из предисловия к французскому варианту мемуаров Отто Скорцени.

В 1999 году был опубликован английский вариант мемуаров Отто Скорцени[6]. Как и предыдущая версия – в сокращенном виде.

В 2000 году в сборнике «Отто Скорцени и секретные операции Абвера»[7] снова опубликован сокращенный вариант мемуаров «человека со шрамами».

В 2001 году была опубликована немецкая версия мемуаров «Диверсия – мое ремесло»[8].

В 2004 году снова был напечатан сокращенный вариант мемуаров «человека со шрамами»[9].

И наконец, только в 2012 году в России была опубликована полная версия мемуаров Отто Скорцени «Неизвестная война»[10]. Как ни странно, но это название достаточно точно отражает

содержание книги. Примерно 1/3 текста не имеет прямого отношения к секретным операциям, а посвящена малоизвестным, по мнению самого Отто Скорцени, эпизодам Второй мировой войны.

Если говорить о монографиях, то в России было издано 4 произведения.

В 2000 году была опубликована книга Вадима Телицына «Отто Скорцени, или Коммандос – опасное ремесло». Вот как звучит аннотация: «Отто Скорцени – одна из наиболее загадочных легендарных фигур военной машины Третьего рейха. Он был основателем германских войск специального назначения, разрабатывал и руководил крупнейшими военно-диверсионными операциями в Южном Иране, во Франции, Италии и Югославии. В его послужном списке еще и участие в разработке и испытании секретного оружия Вермахта, создание диверсионных отрядов на территории Вермахта и многое другое»[11].

В 2003 году была издана книга Жань-Поль Паплю «Арденны. Пейпер и Скорцени»[12]. В аннотации к ней было написано: «При планировании контрнаступления немецких войск в Арденнах Гитлер обратился к мысли о создании особой части, солдаты которой были бы одеты в американскую форму и использовали американское вооружение и транспортные средства, изображая из себя отступающих американцев. Об этой, возглавляемой О. Скорцени части, а также о боевой группе СС под командованием Пейпера рассказывает книга Паллю. Текст сопровождается уникальными фотографиями и прекрасно выполненными цветными иллюстрациями, составленными на основе архивных материалов».

В 2012 году опубликована монография Грега Аннусека «Операция “Дуб”. Звездный час Отто Скорцени»[13]. Она, как следует из названия, посвящена освобождению из-под ареста Бенито Муссолине в 1944 году.

В 2014 году была опубликована еще одна монография, посвященная главному герою нашей книги: «Скорцени. Загадки “человека со шрамами”»[14], которую написал Константин Семенов. Вот как звучит аннотация к ней:

«Жизнь немецкого диверсанта № 1 была полна тайн и загадок. Гитлер доверял своему любимцу-земляку самые трудные операции – освобождение Муссолини, захват Миклоша Хорти и диверсионный рейд в ходе Арденнского наступления. До сих пор идут горячие споры, готовил ли Скорцени операцию “Длинный прыжок”, была ли операция “Вольный стрелок” триумфом немецких спецслужб или успешной радиоигрой советских разведчиков? В послевоенные годы Скорцени обвинялся в

создании и финансировании тайных нацистских обществ – “Паук” и “ОДЕССА”. В своих воспоминаниях он умолчал о многом. Так что же в жизни удачливого австрийца было правдой, а что вымыслом?»

В реальности Отто Скорцени был скорее нежелательным свидетелем, чем активным участником или организатором многих событий сначала в Австрии – в период с 1934 года по 1938 год, а затем во время Второй мировой войны – с весны 1943 года по май 1945 года. Действительно, о многих событиях он скромно умолчал или значительно исказил, когда писал свои воспоминания. Мы частично исправим этот недостаток его мемуаров и расскажем о том, что же произошло на самом деле и о чем главный герой нашей книги предпочел не вспоминать.

Часть первая
На тайной службе у Третьего рейха

Детство, отрочество и юность

Отто Скорцени родился 12 июня 1908 года в Вене в семье Антона и Флоры Скорцени. Предки Антона Скорцени жили в Познаньском воеводстве. Позже из Польши они перебрались в город Егер (чешский город в Австро-Венгрии). Антон Скорцени, в прошлом офицер австро-венгерской армии, архитектор, отличался тихим нравом и питал склонность к либерализму. Несмотря на свое польское происхождение, Антон Скорцени воспринимал себя австрийцем, как и его сын. Это важный момент в биографии Отто Скорцени, т. к. позволяет понять мотивы множества его поступков, которые он совершил до начала Второй мировой войны и которые в конечном итоге фактически позволили ему «оказаться в нужном месте и в нужное время» и стать «диверсантом № 1».

Два государства – одна нация

До 1806 года существовала «Священная Римская империя германской нации», которая объединяла в своем составе два крупных государства – Австрию и Пруссию – и множество более мелких княжеств, герцогств (Баварию, Саксонию и др.) и вольных городов (Бремена, Гамбурга и др.). После поражения Бонапарта Наполеона ситуация резко изменилась. Возник свободный Германский Союз, а входящие в его состав государства получили право свободного развития[15]. В результате немецкая нация оказалась «распределенной» по множеству государств, которые регулярно вели между собой войны. Понятно, что в такой ситуации сложно было говорить о единстве немецкой нации.

Начались попытки объединения всех германских земель в единое федеративное образование. На роль лидеров претендовали две страны: Пруссия и Австрия. Другие государства были более слабыми в экономическом, политическом и военном плане. Мы не будем подробно рассказывать об этом процессе, отметим лишь ключевые события.

В 1866 году между Австрией и Пруссией вспыхнула война, которую Вена проиграла и была вынуждена подписать позорный для нее Пражский мир. Согласно его условиям, она признавала главенство Пруссии в Германском союзе, сама выходила из этого союза и выплачивала победителю огромную контрибуцию. С этого момента Германия и Австрия до 1938 года существовали как два независимых государства.

В обеих странах существовали политические силы, которые мечтали об объединении.

В Австрии этой силой была большая часть проживающих на ее территории этнических немцев. Обеспокоенные возможностью утраты своего языка, а также культуры и обычаев в результате отрыва от Германии, австрийские немцы различными способами старались сохранить свою самобытность, хотя дело ограничивалось не только проблемами языка и культуры. Владимир Ленин писал:

«Австрия была не только долгое время государством с преобладанием этнических немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта “претензия”… разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась за пределами самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно в 1871 году»[16].

Одним из движущих мотивов поступков Отто Скорцени было стремление быть первым и доказать своим германским коллегам, что он лучше их.

С другой стороны, он всегда подчеркивал свою принадлежность к немецкой нации. Ведь никакой австрийской нации не было, как не было баварской, гессенской или прусской. Об этом свидетельствует горькое замечание, которым Франц Грильпарцер, австрийский «национальный поэт», отреагировал на прусский, «узконемецкий» вариант создания рейха:

> Вы мните, что страну создали,
> На деле же разрушили народ![17]

После поражения в Первой мировой войне, когда Австро-Венгерская империя была насильственно «расчленена» на части, идея объединения с Германией стала популярной не только среди австрийских немцев, но и среди представителей других национальностей. Это был один из способов защиты от агрессивных соседей. Например, 12 ноября 1918 года австрийский парламент принимает единогласное решение: «Австрия является частью германской республики»[18]. Вот только страны-победительницы не позволили ей реализовать ее намерение. Дело в том, что международные договоры 1919 года – Версальский (80-й параграф) и Сен-Жерменский (88-й параграф) – прямо запрещали аншлюс Австрии. Правда, этот запрет не уменьшил желания молодой республики присоединиться к «старшему рейху». И Отто Скорцени принял непосредственное участие в реализации этой идеи.

В Германии идею воссоединения с Австрией поддерживало множество граждан, которые считали, что все немцы должны

жить в одном государстве. Их душу грели мифы и легенды о средневековой Священной Римской империи германской нации – сильном государстве, которое не терпело унижений от соседей. В данном случае от стран– победительниц в Первой мировой войне.

Отто Скорцени в своих воспоминаниях хотя лаконично, но затронул тему воссоединения Австрии и Германии.

«Мне было десять лет; недавно распалась империя Габсбургов. Австрия превратилась в страну с 6-миллионным населением (почти 2 миллиона жили в Вене) и площадью 83 тыс. кв. км, лишенную чешской промышленности, аграрных ресурсов Венгрии и выхода к морю. Она была обречена на гибель или на союз с Германией»[19].

Он затронул важную тему – экономическую необходимость объединения двух стран. И большинство австрийцев со свойственной им, как и немцам, прагматичностью понимали этот факт. Другой важный факт – Австрийская республика, которая появилась на политической карте в 1918 году, была значительно слабее Австро-Венгерской империи. И ей требовался надежный союзник. Далее он объясняет необходимость воссоединения этих двух стран.

«Постоянно говорят о “совершении насилия над Австрией”, проведенном фюрером в марте 1938 года, хотя так же, как и рожденный в Австрии Гитлер, мы были немцами! Так же, как жители Саксонии, Баварии, Швабии, Вюртемберга и другие члены Немецкого союза, из которого Австрию исключили лишь после поражения в битве под Садовой (1866 год).

В течение девяти с половиной веков Австрия (Österreich – Восточная империя) была частью Германии, поэтому подавляющее большинство австрийцев поддержало аншлюс. Инстинкт самосохранения стал причиной того, что, находясь в отчаянии после поражения, мы обратились в 1918–1922 годы к Германской империи. Все политические партии так решительно агитировали за присоединение к Германии, что австрийское Национальное собрание дважды, 12 ноября 1918 года и 12 марта 1919 года, постановило, что “Австрия является интегральной частью Германской империи”. Это предложение было записано в конституцию, а новое государство с этого времени стало называться Немецкая Австрия (Deutsche Österreich). Филателисты до сих пор, наверное, хранят наши почтовые марки, выпущенные в 1918 году с надписью Deutsche Österreich, которые страны-победительницы в Первой мировой войне не разрешили распространять.

Во имя “права наций на самоопределение” государства Антанты в Версале и Сен-Жермене не обратили внимания на волю

австрийцев и не присоединили нас к Германской империи. В сентябре и октябре 1919 года Немецкая и Австрийская республики под давлением Антанты были вынуждены исключить из своих конституций статьи, говорящие о союзе наших государств»[20].

Первый интерес к политике

В 1919 году, после окончания народной школы, Отто Скорцени поступил в гимназию. Во время учебы он активно занимался спортом – легкой атлетикой, лыжами, футболом. Позже он увлекся плаванием на каяке по Дунаю. Уже в то время молодой австриец живо интересовался политикой и, как многие немцы, мечтал о том, что Австрия и Германия объединятся.

В 1922 году он вступил в прогерманский Немецкий союз учеников средней школы в Вене. Назвать этот поступок проявлением интереса к политике было бы неверно. Скорее всего, он поступил так, следуя примеру своих одноклассников. К тому же хотя эта организация выступала за сближение с Германией, но активной роли в политике в тот момент она не играла. Ведь тогда у власти находились социал-демократы, которые, как и сменившие их христианские социалисты, не спешили присоединять Австрию к Германии.

«Во всех школах, лицеях и университетах мы изучали историю Германии как свою собственную. В Венском лицее великолепный преподаватель истории, профессор, католический священник доктор Биндер восхвалял более чем тысячелетнюю Германскую империю, его любимым героем был Оттон I Великий (912–973 гг.). Все школьные и университетские организации с их традициями и спортивными соревнованиями носили австро-немецкий характер и являются такими до сих пор»[21], – вспоминал позднее Отто Скорцени.

Поэтому легко объясним такой факт, который он привел в своих мемуарах, когда доказывал, что аншлюс Австрии был не насильственным действием со стороны Германии, а жестом доброй воли.

«Австрийское правительство организовало региональные референдумы в Тироле и Зальцбурге в апреле и мае 1921 года. 145 302 жителя Тироля проголосовали за аншлюс, 1805 – против. В Зальцбурге 98 546 голосов было отдано за присоединение к Германской империи, а 877 – против. Все напрасно. Хотя надо отметить, что эти национальные референдумы не “контролировались нацистами”»[22].

«Его университеты»

В 1926 году, идя по стопам отца, Отто Скорцени поступил в Венскую высшую техническую школу. Там он «оказался в обществе бывших солдат, людей, зачастую старших по возрасту, которые заканчивали обучение, прерванное войной и ужасным послевоенным кризисом. Эти люди, прошедшие войну и имеющие жизненный опыт, которого нам, молодым, недоставало, оказали на нас большое влияние. Мой отец, человек либеральных взглядов, считал, что демократическая система более прогрессивна, по сравнению с анархической двойной монархией. По его мнению, политикой должны заниматься избранные специалисты с высокой квалификацией и моралью, чтобы граждане не вмешивались в управление государством. Но такого идеального правительства не создали ни социал-демократы (находились у власти в 1918–1920 годах), ни сменившая их Общественно-христианская партия (находилась у власти в 1920–1938 годах). Я должен сказать, что политика, которую они осуществляли, не интересовала меня и мое поколение»[23].

Это не значит, что главный герой нашей книги, а также его сокурсники все время посвящали исключительно учебе. В учебном заведении, где учился Отто Скорцени, как и в других университетах Австрии и Германии, существовал свой студенческий союз-братство, т. н. бурш – Schlagende Burschenschaft Markomannia – фехтующее братство Маркоманния. Оно было создано в 1920 году и в видоизмененном виде существует и в наши дни. Слово фехтующие в названии было не случайно – члены организации регулярно участвовали в дуэлях. Например, главный герой нашей книги участвовал, как минимум, в 14 поединках. Справедливости ради отметим, что такое специфичное времяпровождение было свойственно не только для этой, но и для других германских и австрийских неформальных организаций студентов.

Первое студенческое братство было образовано в 1815 году в Йенском университете. Позже возникло деление братств на корпуса (немногочисленные объединения студентов-аристократов), бурши, землячества, гимнастические общества, певческие общества, религиозные братства.

Братства славились своими традициями, в том числе и совсем не мирными. Среди их участников были популярны дуэли, поэтому все братства подразделялись на фехтующие и нефехтующие; к последним относились в основном религиозные братства. Нередко дуэли возникали из-за сущих пустяков, но длились до первой крови. Лицо, не принявшее вызова, исключалось из братства.

Дуэлянты перед поединком располагались таким образом,

чтобы можно было обмениваться ударами, не сходя со своего места. Отступать на этих дуэлях считалось непозволительным, более того, дуэлянты сражались, наклонив голову вперед, навстречу рапире противника, правда, на тело при этом надевались защитные доспехи – стеганый жилет и небольшой стеганый фартук, доходивший до середины бедра. Вооруженная рука дуэлянта защищалась стеганым рукавом и накладным кожаным нарукавником, а другая рука, защищенная лишь небольшим наплечником, закладывалась за спину. Голова при этом оставалась незащищенной, за исключением глаз, на которые надевались особые металлические очки с сеткой, и шеи, которую закрывал стеганый шарф.

Поэтому неудивительно, что лица многих дуэлянтов украшали многочисленные шрамы. Не был исключением и Отто Скорцени. У него отметины были на левой щеке и подбородке. Аналогичные отметины на лицах имели окончивший университет в Граце (Австрия) Эрнст Кальтенбруннер (начальник Главного управления имперской безопасности) и выпускник Йенского университета Гейнц Рейнефарт (один из высших офицеров СС, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции (1 августа 1944)), Франц Зельдте (один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 – 23 мая 1945 года)). Имелись «носители» шрамов и в рядах вооруженных сил[24].

По мнению Отто Скорцени, дуэли были «школой мужества, хладнокровия и сильной воли». И когда в 1935 году в Германии традиционные союзы студентов были ликвидированы по предложению тогдашнего руководителя гитлерюгенда и будущего гаулейтера Австрии Бальдура фон Шираха, главный герой нашей книги был сильно возмущен этим решением. Он даже высказал предположение, что основная причина запрета студенческих союзов была местью Шираха «за давнее исключение из родной студенческой корпорации после того, как он отказался принять участие в дуэли».

«Человек со шрамом» предпринял несколько попыток вновь разрешить деятельность студенческих союзов. Вот как он написал об этом в своих мемуарах:

«Я был разочарован “национал-социалистской” реформой Шираха и сказал ему об этом после претворения ее в жизнь в Австрии в 1938 году, позже я повторил это рейхсштудентенфюреру Густаву Шеллу (руководитель национал-социалистского Союза студентов, который был в партийной структуре так называемым звеном НСДАП. – *Прим. ред.*). Он согласился, что старинные студенческие корпорации должны

возродиться, так как реформа фон Шираха не внесла ничего позитивного в образование австрийской молодежи.

Этот вопрос не переставал волновать меня, и я позволил себе кратко остановиться на этой теме во время приема у Гитлера в конце 1943 года. Я напомнил фюреру, что студенческие корпорации возникли в 1848 году во всей Германской империи как подтверждение воли немецкой молодежи к свершению революции, и эту традицию активно поддержали в Австрии. Члены корпораций в подлинно национал-социалистском духе добровольно и безвозмездно работали во время каникул; они сражались на улицах с Красным фронтом, не предполагая даже, что их считают снобами.

В присутствии Гитлера нельзя было высказывать мнение, которое противоречило бы его взглядам. Однако он внимательно выслушал меня и сказал: “Ваши аргументы, Скорцени, верны и принимаются. Благодарю вас за искренность. Но пока дуэль происходит в другом масштабе – необходимо выиграть войну. Позже мы обсудим эти вопросы”»[25].

Вернемся обратно в конец двадцатых годов. В феврале 1927 года националистически настроенные студенты организовали «Академический легион», к которому присоединился и Отто Скорцени. Он активно участвовал в жизни легиона и потому стал знаменосцем организации на сентябрьской манифестации в Вене. Впрочем, вскоре эта организация оказалась под контролем «хеймверов» – отрядов «вооруженной самообороны».

Датой официального рождения этих военизированных организаций следует считать октябрь 1918 года. Венская газета «Нойе фрайе прессе» сообщала 2, 4 и 5 ноября 1918 года о создании в Вене, Зальцбурге и Инсбруке отрядов «Бюргервер» («Гражданской обороны») для защиты частной собственности, а также об организации полицейской службы на вокзалах Вены силами 500 студентов из буржуазной среды. Статс-секретарь внутренних дел доктор Матайя пытался создать из буржуазных элементов отряды государственной охраны как своего рода противовес республиканскому Фольксверу (аналог вооруженных сил Австрии, большей частью укомплектованный рабочими).

В провинциях под самыми различными названиями создавались местные добровольные вооруженные формирования, которые должны были обеспечить защиту границ и целостности Австрии от угроз со стороны венгерской и баварской советских республик, а также югославов и итальянцев.

В двадцатые годы, когда угроза извне для страны ослабла, отряды «Хеймвера» продолжали существовать – сохранились в отдельных землях Австрийского союза в виде обмундированных,

отчасти вооруженных формирований. Правительства более или менее открыто поддерживали и развивали их как противозаконное орудие власти во внутриполитической борьбе с социал-демократами – главной оппозиционной силой на тот период времени. Справедливости ради отметим, что последние располагали своими собственными вооруженными силами – «Шуцбундом», которые были укомплектованы преимущественно рабочими.

Можно утверждать, что в начале двадцатых годов отряды «Хеймвера» были силами самообороны, призванными компенсировать слабость австрийской армии и органов правопорядка. Поэтому власти спокойно смотрели на вооружение этих военизированных формирований, в т. ч. за счет хищений из государственных арсеналов.

В октябре 1928 года Отто Скорцени вступил в студенческий добровольческий корпус штирийского хайматшутца (структурная часть «Хеймвера», образованная в провинции Нижняя Штирия под руководством Вальтера Пфримера). Именно в этой организации впервые проявился талант организатора главного героя нашей книги. А если быть точнее, то стремление совершить значимое дело. В данном случае – поучаствовать в государственном перевороте.

Путч Пфримера

Советская газета «Правда» 14 сентября 1931 года написала об этом событии так:

«ВЕНА, 13 сентября. (ТАСС). Австрийское телеграфное агентство сообщает:

“Сегодня ночью в некоторых местностях Северной Штирии, а также в некоторых мелких областях Верхней Австрии и Зальцбурга «Хеймвер» (фашистская боевая организация), возглавляемая Пфримером, мобилизовала своих сторонников. В Бруке «Хеймвер» блокировал железную дорогу.

Пфример выпустил прокламацию, в которой доводит до сведения населения, что подчиненный ему «Хеймвер» взял в свои руки власть в государстве…

Австрийское правительство и провинциальные правительства приняли все меры для полного восстановления порядка, что будет достигнуто в ближайшее время. За исключением вышеназванных местностей, во всей Австрии и в Вене царит полное спокойствие…”»[26]

А вот более подробное описание путча. «В этот день фюрер “Хеймвера” Штирии адвокат Вальтер Пфример собрал своих подчиненных, после чего они заняли вокзалы, здания, где

размещались начальники округов, жандармерия и другие учреждения. Правительственные власти нигде не приняли мер против такого захвата власти. Бургомистры социал-демократы были арестованы.

Организатор путча издал прокламацию, в которой утверждалось, будто народ Австрии в час величайших испытаний… призвал его для своего спасения в качестве верховного хранителя народных прав. “В конституционном патенте” Пфример объявил, что взял на себя в качестве “фюрера государства” законодательную и исполнительную власть в стране и в землях, отменил суды присяжных и ввел осадное положение…»[27].

После этого колона из более 10 тыс. человек двинулась по направлению к Вене. В тот же день австрийская армия без особого сопротивления остановила колонну путчистов у городка Амштеттен. Пфример бежал заграницу, 14–18 декабря 1931 года состоялся судебный процесс над вернувшимся в Австрию Пфримером и 7 его соратниками.

Одновременно с этим событием Отто Скорцени был вынужден покинуть студенческий сою, т. к. в декабре 1931 года закончилось его обучение в университете. И что самое интересное, несмотря на повышенную политическую активность, у него хватало времени на учебу и занятие спортом. Он окончил вуз с результатом «очень хорошо». Темой его дипломной работы была «Стоимость и постройка дизельного двигателя». За спортивные достижения в годы обучения студент Скорцени был награжден австрийским академическим спортивным знаком в бронзе.

Получив диплом, Скорцени столкнулся с проблемой трудоустройства. Ему с трудом удалось получить скромную должность инженера. Однако вскоре ему повезло, возможно с помощью соратников по политической деятельности, – ему удалось получить должность директора строительной фирмы. Фирма имела свое «ноу-хау» – изготовление строительных лесов с помощью креплений на болтах. Дела молодого инженера пошли в гору.

От националистов к нацистам

В НСДАП (Национал-социалистическую рабочую партию Германии) Отто Скорцени вступил только в 1932 году, хотя эта политическая партия действовала на территории Австрии уже более 10 лет. До начала тридцатых годов идеи нацизма не пользовались популярностью среди жителей этой республики. Хотя, по утверждению главного героя нашей книги:

«Многие молодые сторонники объединения с Германией оценивали это движение положительно. Иначе не могло быть: Гитлер, который во время Первой мировой войны служил в баварском полку, решительно высказывался за объединение всех немецких народов. Можно сказать, что в этом почти все мы были солидарны с Гитлером, и этим объясняется успех национал-социализма в Австрии с 1929 года»[28]. Правда, другие политические лозунги НСДАП, кроме необходимости объединения Австрии и Германии, вызывали антипатии его земляков. «По правде говоря, я сомневался тогда, в состоянии ли мои земляки принять такую фундаментальную революцию, к которой призывали агитаторы, позиция и язык которых многих приводили в ужас. Некоторые считали их своего рода коммунистами. Интересы, которым они угрожали, казались мне очень могущественными, а организация национал-социалистов у нас была слабой, чтобы можно было одновременно сражаться и с марксистами, и с христианскими демократами»[29]. И такого мнения придерживался не только Отто Скорцени.

Ситуация начала кардинально меняться в 1932 году. Одна из причин – разочарование жителей Австрии в других политических партиях (Социал-демократической и Христианско-социальной), которые находились у власти с 1918 по 1938 год.

Лидер Социал-демократической партии Карл Реннер занимал пост канцлера и Главы государственного совета в 1919–1920 годах. В этот период времени в стране была нестабильная политическая обстановка: антиправительственные демонстрации, столкновения с полицией, захват рабочими металлургических заводов в городе Донавиц, «голодные бунты» в городах Вена, Линц, Нейкирхен, крестьянские волнения в Восточной Штирии.

Отдельно следует отметить подписание в сентябре 1919 года т. н. Сен-Жерменского мирного договора. Этот документ был подписан в Сен-Жерменском дворце (парижское предместье Сен-Жармен-ан-Ле) по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия.

Согласно условиям этого документа, Австрия признала

отделение от неё Венгрии, Чехословакии, части польских территорий. Также она согласилась на территориальные уступки в пользу Королевства сербов, хорватов и словенцев и Румынии. К Польше была присоединена Западная Галиция, к Чехословакии – Закарпатская Украина. Трансильвания и часть Баната, входившие ранее в состав Австро-Венгрии, были переданы Румынии. Румынии была передана и Буковина. Австрия также теряла Южный Тироль и Истрию, отходившие к Италии. К тому же Королевство сербов, хорватов и словенцев получило от Австрии Далмацию, части Западной Крайны, Каринтии и Штирии.

Кроме всего прочего, Австрия лишилась военного и торгового флота в Адриатике и на Дунае, обязалась выплатить репарации победителям и соглашалась на беспрепятственный транзит любых грузов союзников через свою территорию. Военные статьи договора (Military, Naval and Air clauses) ограничивали численность новой армии Австрии 30 тыс. человек, набираемых на добровольной основе. Кроме того, договор запрещал Австрии иметь химическое оружие, танки и боевые самолеты.

Члены Христианско-социальной партии были канцлерами Австрии с 1920 по 1938 год и президентами страны с 1928 по 1938 год. На время их нахождения у власти пришелся глубочайший экономический кризис. Экономический кризис, вызванный не только поражением в Первой мировой войне и потерей большинства территорий, продолжался.

К тому же на протяжении двадцатых годов социал-демократы активно сражались на политическом фронте с христианскими социалистами. Так, на прошедших 17 октября 1920 года выборах Христианско-социальная партия (ХСП) получила большинство мест в парламенте (79), тогда как социал-демократы (СДПА) – лишь 62. Последние перешли в оппозицию, в которой находились в течение девяти лет.

В результате выборов в апреле 1927 года Социал-демократическая партия получила дополнительно 228 тыс. голосов (в целом 42,3 % всех голосов). Ее политика, казалось, торжествовала. Напротив, компартия, процесс консолидации которой еще не закончился, получила только 6 тыс. голосов. Но, с другой стороны, ослабление Христианско-социальной партии лишь укрепило ее стремление применять внепарламентские методы борьбы.

Австрофашизм

Еще одной причиной резкого повышения симпатий жителей Австрии к идеям национал-социализма в начале тридцатых годов было то, что в стране в 1933–1934 годах канцлером Энгельбертом

Дольфусом был установлен ультраправый авторитарный политический режим, который вошел в историю под названием австрофашизм. Этот термин ввел в оборот генеральный секретарь Социал-демократической партии Австрии Отто Бауэр.

Термин австрофашизм применяется, как правило, левыми историками и политиками Австрии и Германии, тогда как представители правых партий предпочитают нейтральное Ständestaat (буквально – сословное государство, в реалиях XX века – корпоративное государство).

В экономике австрофашисты проводили курс на «всесословное примирение» и отказ от классовой борьбы. Независимые профсоюзы были заменены объединениями рабочих и работодателей, а в 1935 году были воссозданы цехи по средневековому образцу. Официально признанная безработица в 1933 году достигла пика в 26 % (557 тыс. человек) и за время правления австрофашистов снизилась примерно вдвое (без учёта скрытой безработицы). Примерно так же снизилась и доля социальных расходов государства. Правительство, как могло, защищало внутренний рынок таможенными барьерами и вводило ограничения во внутренней торговле, но не имело долгосрочных экономических планов.

Свободные выборы народных представителей были заменены внутренней конкуренцией внутри Отечественного фронта и Австрийского картельного союза (АКС) (нем. Österreichischer Cartellverband) – союза студенческих организаций под опекой церкви. В обмен на политическую поддержку режима студентам гарантировались трудоустройство и помощь с жильём. И партийные функционеры АКС, и его рядовые члены были широко представлены в органах власти и правлениях предприятий; от членов АКС требовались отказ от национал-социалистической, коммунистической идеологий и присяга на верность национальному сословному государству. Следует отметить, что репрессиям подвергались лишь наиболее злостные противники режима. Так, лидеры социал-демократов Карл Реннер и Фридрих Адлер продолжали жить в Австрии.

Дольфус был наиболее стойким врагом германского влияния и, по его собственным словам, поставил цель «перегитлерить» (нем. «überhitlern») Гитлера в борьбе за умы и симпатии австрийцев. Однако в июле 1934 года Дольфус был убит австрийскими эсэсовцами при попытке нацистского переворота. Используя противоречия между Гитлером и Муссолини, его преемник Курт Шушниг сумел на время приостановить попытки захвата власти со стороны германских и местных национал-социалистов. Однако в 1936 году Муссолини, предвидевший

неминуемый аншлюс, отказался от споров с Германией из-за Австрии, тем самым «сдав» независимую Австрию. Режим агонизировал до 12 марта 1938 года, когда Австрийская республика перестала существовать юридически.

Австрофашисты приходят к власти

Низкая популярность австрофашистов в Австрии объяснялась не только тем, что они выступали против объединения Австрии и Германии (а насколько важно это было для первой – мы рассказали в предыдущей главе), но и тем, что к власти они пришли, мягко говоря, недемократичным путем. Вот как это произошло.

В феврале 1933 года произошёл парламентский кризис в связи с принятием закона о минимальной оплате труда, после того как парламентские слушания зашли в тупик и три спикера подряд подали в отставку, несмотря на сохранившуюся возможность преодолеть кризис парламентскими методами.

4 марта 1933 года канцлер Энгельберт Дольфус (Христианско-социальная партия) распустил парламент. Затем последовала череда действий, установивших корпоративную диктатуру группы консерваторов, равноудалённых и от австрийских левых, и от германских националистов:

7 марта – возобновлено действие принятого в 1917 году закона военного времени (нем. Kriegswirtschaftliches Ermächtigungsgesetz), запрещавшего массовые шествия, собрания, устанавливавшего цензуру и государственный контроль над экономикой;

12 марта – венский кардинал Инницер публично призвал католиков поддержать переворот. Церковь, с несущественными оговорками, стала одной из опор нового режима;

15 марта, прикрываясь законом 1917 года, полиция воспрепятствовала воссоединению парламента (христиане-социалисты бойкотировали воссоединение, и к парламенту пришли только левые и «великогерманцы» – сторонники объединения с Германией);

31 марта – объявлен вне закона «Республиканский союз обороны» (Шуцбунд);

10 апреля – отменён республиканский закон об отделении школы от церкви; автор этого закона, министр образования Отто Глокель, оказался в концлагере Вёллерсдорф и умер вскоре после освобождения в 1935 году;

10 мая – отменены все выборы, от муниципальных до федеральных;

20 мая – основан «Отечественный фронт», широкая коалиция

правых сил и церкви, опора режима Дольфуса, ультраправая австрофашистская (но не нацистская) политическая партия;

26 мая – запрещена деятельность коммунистической партии;

19 июля – запрещена деятельность НСДАП;

16 августа – государство и церковь заключили конкордат (отменён германской стороной после аншлюса). Поясним, что конкордад – по канонической терминологии, договор между Папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом;

сентябрь – срочная постройка концентрационных лагерей;

28 октября – папа Пий XI заявил поддержку «выдающимся государственным мужам Австрии»;

11 ноября – восстановлена смертная казнь за убийство, поджог, вандализм, уничтожение чужого имущества.

В связи с тем, что австрийские левые были наиболее явной угрозой для власти, режим Дольфуса немедленно арестовал множество левых активистов. После запрета всех других политических партий, ликвидации парламента и демократии «Отечественный фронт» занимал монопольное положение в австрийской политике. Деятельность коммунистов была прочно загнана в подполье, но социал-демократы и профсоюзы всё ещё оставались влиятельной силой.

12 февраля 1934 года обыск в штаб-квартире социал-демократов в Линце спровоцировал вооружённое столкновение между правительственными силами и боевиками запрещённых левых организаций. Конфликт охватил крупные города Австрии, прежде всего Вену, где левые боевики забаррикадировались в рабочих кварталах. В 1920-е годы в Вене было построено много дешёвого муниципального жилья (нем. Gemeindebauten), и перенаселённые рабочие новостройки, такие как Карл-Маркс-Хоф, Зандляйтенхоф, стали опорными пунктами восстания. Полиция и боевики ультраправых («Отечественного фронта») заняли соседние кварталы, началась перестрелка – вначале из стрелкового оружия.

13 февраля в конфликт на стороне ультраправых вмешалась армия. Левые силы были разгромлены артиллерийским огнём. К ночи 13 февраля опорные пункты социал-демократов в Вене и Верхней Австрии прекратили сопротивление.

14 февраля сдался венский район Флоридсдорф, где к восставшим присоединилась пожарная дружина во главе с Георгом Вейселем, которую правительственным войскам удалось разбить только после применения удушающих газов.

До 15 февраля продолжалось сопротивление левых в Юденбурге и Брук-ан-ден-Муре.

Считается, что к 16 февраля все очаги восстания были подавлены.

В Вене только на стороне левых погибло свыше 200 человек, а всего по стране с обеих сторон погибло и пропало без вести до 1600 человек. Правительство провело массовые аресты, заполнив построенный ещё в 1933 году концлагерь Вёллерсдорф. По следам восстания была запрещена и разгромлена Социал-демократическая партия и связанные с ней организации. Лидеры социал-демократов бежали в Чехословакию. Оставшихся в стране социал-демократов арестовывали и затем казнили по приговору принявших массовый характер военно-полевых судов. Последние имели право наказания смертью через повешение. Первым повешенным стал обвинённый в поджоге слабоумный карлик Петер Штраус; за ним были повешены десятки видных социал-демократов и профсоюзных чиновников. Для отдельных обвиняемых, имевших ценность для христиан-социалистов, была сохранена возможность помилования.

Устранив социал-демократов и профсоюзы с политической сцены, правительство Дольфуса консолидировало союз консервативных сил и церкви. 30 апреля – 1 мая 1934 года состоялось последнее в истории первой республики собрание законодателей, полностью подконтрольных режиму Дольфуса, на котором была принята так называемая «Майская конституция», заимствованная у режима Муссолини. Конституция, одобренная 1 мая 1934 года, заменила государственный лозунг первой республики «Австрия – демократическая республика. Право принадлежит народу» лозунгом сословного клерикального государства: «Во имя Бога Всемогущего, дарующего все права, австрийский народ получил эту конституцию для своего христианского немецкого союзного государства, построенного на сословном принципе».

В своих воспоминаниях Отто Скорцени утверждает, что в 1934–1938 годах национал-социалисты, австрийские коммунисты и социал-демократы в какой-то мере объединились в борьбе против общего противника.

«Я не щадил себя, когда требовалась помощь многим находящимся под угрозой членам “Шутцбунда” – они были очень храбрыми ребятами. Речь шла не о защите марксистской идеологии, а о спасении порядочных людей, втянутых в мрачную авантюру. Один из моих мастеров, Оэлер, страстный коммунист, сражавшийся на баррикадах, позже выполнил свой патриотический долг в России простым солдатом и был

награжден Железным крестом I степени. В 1934–1938 годы мы стали свидетелями начала нелегального сотрудничества между преследуемыми марксистами и национал-социалистами»[30].

Они «сражались» с нацистами

На самом деле большинство тех, кто приветствовал смену режима с австрофашиского на национал-социалистический, не были идейными нацистами и поклонниками Адольфа Гитлера. Да, они были рады тому, что Австрия и Германия стали единым государством. На такие «мелочи», как утеря суверенитета первой, они не обращали внимания или еще не успели осознать этого факта. Также они надеялись, что смена режима благоприятно отразится на их экономическом положении. Еще было желание вновь ощущать себя гражданином сильного государства, которое, как минимум, уважают соседние страны. Но при всем этом они так и не стали идейными нацистами.

Достаточно сказать, что в Берлине знали, что результаты плебисцита не отражали истинной ситуации в Австрии. В документе, поступившем из Инсбрука, сообщалось, что после марта 1938 года в настроении населения ничего не изменилось. Например, только 15 % чиновников были идейными нацистами. А вот причины, по котором австрийцы сказали «Да» аншлюсу на референдуме:

30 % – из соображений экономической или личной выгоды, а не из-за приверженности нацизму;

10–20 % – из-за недовольства своим положением;

35–40 % – марксисты или клерикалы, которые таким вот образом выразили свое отношение к австрофашизму. В лучшем случае они будут нейтральны к нацистскому режиму.

С осени 1938 года началось пассивное сопротивление режиму. В первую очередь этим занялись рабочие, так как возрос объем работы, а реальная заработная плата уменьшилась. Недовольство проявилось в виде отдельных актов саботажа и распространения листовок.

А к концу тридцатых годов прошлого века последствия аншлюса ощутили на себе представители всех слоев австрийского общества. Интересную информацию о положении в Вене поместила газета «Times» (Лондон) 7 ноября 1940 года. В статье корреспондент нейтральной страны пишет:

«Вену трудно узнать… Город мрачен и апатичен. Люди выглядят утомленными. Служащие магазинов стоят праздно за своими прилавками. Даже на Кертнерштрассе в самых элегантных магазинах выставленные в витринах товары имеют карточку “распродано”… Столики в кафе, раньше переполненные

посетителями, сейчас в большинстве своем пустуют… Один официант объяснил положение так: “У нас теперь постоянных посетителей, как прежде, нет. Здесь много немцев, и венцам тут нечего делать. Кроме того, вот уже год, как нет настоящего кофе. Зачем им читать газеты? Они знают заранее, что в них напечатано, а поговорить с друзьями здесь невозможно, так как везде подслушивает гестапо”. Собеседник мой, бизнесмен, на мой вопрос, как можно провести вечер, ответил: “Моя жена и я никуда не выходим. В нашей столице мы теперь не чувствуем себя как дома. Куда бы мы ни пошли, мы наталкиваемся на пруссаков. А Вы знаете, что пруссаки и австрийцы никогда не были хорошими друзьями”».

Корреспондент приводит высказывания отдельных людей, с которыми он говорил. Вот, например, что сказал швейцар:

«Как я могу быть пронаци (т. е. настроенным нацистстки. – *Прим. ред.*)? Я не знаю, когда они придут ко мне домой и заставят меня пойти на дорожные или другие работы или отправят в Германию, хотя у меня здесь жена и ребенок. Это уже случалось со многими моими друзьями».

Девушка рассказала:

«Сегодня в учреждении, где я работаю, произошло следующее. Пришел немец и сказал: “Вы, Вы и Вы, – показывая на трех девушек, – поедете в Германию для работы на военных заводах”. Для этого мы окончили коммерческое училище?»

Служащий выразил свои настроения так:

«В связи с обменом шиллингов на марки реальная ценность нашего жалованья уменьшилась на 1/3. Говорили, что будут соответственно снижены цены, но этого не произошло…»

Одна работница рассказала: ее родственник – рабочий зарабатывал в неделю только 19 марок, после разных вычетов и взносов. Он просил надбавки, указывая, что содержит мать, братьев и сестер, но его хозяин отказал ему, заявив, что это будет незаконно. Тогда он бросил работу и отправился на биржу труда просить другую. На следующий день пришли агенты гестапо, заставили его вернуться на старое место, и теперь он работает за то же жалованье и под надзором гестапо.

Автор статьи пишет, что самой серьезной проблемой является молодежь. Она «находится под влиянием нацистской пропаганды с ее расизмом, восхвалением войны. Учащиеся в школах приучаются быть шпионами гестапо и следить даже за своими родителями. Их спрашивают, «слушают ли родители иностранные радиопередачи?»[31].

К этому следует добавить, что Вена стал самым дорогим городом в Третьем рейхе.

А что происходило в сельской местности? О настроениях крестьян свидетельствует следующее донесение из Тироля от 3 ноября 1939 года:

«Аресты в населенных пунктах, находящихся под влиянием клериканов, за враждебные государству высказывания дают свои положительные результаты, поскольку это показывает, что государство действует энергично. Однако для свидетелей это влечет за собой обычно неприятные последствия. Свидетелей после их допроса считают агентами, и клерикально настроенное население избегает их».

А попытки провести митинги в поддержку политики новых властей оказываются обреченными на провал. Например, 15 октября 1939 года, в воскресенье группа НСДАП в Вильдендюрнбахе организовала собрание. Из тысячи жителей пришло только 15 человек[32].

Понятно, что в такой ситуации должно было возникнуть движение Сопротивления. Оно появилось и развивалось двумя путями: стихийно – среди монархистов, католиков и социалистов и организованно – по инициативе местных коммунистов. Отметим сразу, что ни те, ни другие не достигли значительных успехов в своей подпольной деятельности[33].

Одна из причин этого – эффективная работа немецких правоохранительных органов. Достаточно сказать, что осенью 1938 года была арестована половина членов ЦК Коммунистической партии Австрии (ЦК КПА), еще несколько коммунистических функционеров были вынуждены покинуть страну. ЦК КПА переместился в Париж, а в Цюрихе (Швейцария) была создана организация для руководства коммунистическим подпольем в Австрии. В декабре 1939 года гестапо разгромило венское руководство компартии. Было арестовано 206 человек, в т. ч. руководитель центра Людвиг Шмидт. С июня 1940 года вновь созданный подпольный центр КПА возглавил Эрвин Пушман. В конце того же года центр был разгромлен, а его руководитель арестован. В октябре 1941 года центр возглавил Лео Габлер (Гейне), который тоже вскоре попал за решетку. В феврале 1943 года центр был воссоздан под руководством Германа Келлера (Конрада Гермеса), который прибыл из СССР. Через месяц его арестовало гестапо. С осени 1943 года больше не предпринималось попыток восстановить центр. Все указания коммунисты получали через радиостанцию «Свободная Австрия».

Также важную роль в движении Сопротивления играли католические организации и монархисты. Из организаций монархистов следует назвать группы Карла Буриана (раскрыта и ликвидирована гестапо в октябре 1938 года), Вильгельма Хебра

(ликвидирована 23 марта 1939 года) и Вилли Цемляка (прекратила свое существование 9 ноября 1939 года). Все трое руководителей были казнены.

В 1940 году начали возвращаться из концлагерей те, кого нацисты арестовали в марте 1938 года. Эти люди начали создавать новые подпольные организации. Среди них можно назвать группу Ганса Беккера (руководил пропагандой в «Отечественном фронте»); Иозефа Хофера (бывший чиновник полицейского управления в Линце); трактирщика Фердинанда Ройтингера и др. Хотя эти группы себя не проявили.

Первой большой нелегальной группой католиков была организация «Австрийское освободительное движение», созданная священником, профессором теологии Карлом Шольцем. В группе было около 400 человек. Была и еще одна группа, которая носила аналогичное название. Ею руководил чиновник Карл Ледерер. А адвокат Якоб Кастелич руководил «Великоавстрийским освободительным движением», которое выступало за создание Дунайской федерации (включая Баварию). Группа священника Гейнриха Майера насчитывала 12 членов. Ее руководитель через генерального директора завода «Земперит» в Вене Франца Месснера установил в 1942 году связь с американской разведкой. Он передал сведения о месторасположении военных заводов, их состоянии, о работе над германскими боевыми ракетами «Фау-2» и танками.

На территории Австрии также действовали различные подпольные группы социал-демократов. Их точное количество и политическую принадлежность определить трудно, поскольку все политические заключенные (кроме членов католических и буржуазных групп) считались коммунистами[34].

Странно, но обо всем этом Отто Скорцени не написал в своих мемуарах. Хотя до сентября 1939 года жил и работал в Вене в качестве директора строительной компании. Даже если не знал о деятельности подполья, то точно видел происходящее на улицах Вены. Возможно, что он принадлежал к той категории жителей Австрии, что с радостью приняли систему ценностей Третьего рейха.

На службе у нацизма

Об этой статистике в современной Австрии предпочитают не вспоминать. Например, о том, что в 1945 году почти все мужское население страны (в возрасте от 18 до 60 лет) служило в германской армии. При этом большинство австрийцев-солдат долгое время считало дело гитлеровской Германии своим делом. Добровольно австрийцы начали сдаваться в плен только в 1943

году. Хотя количество таких пленных измерялось всего сотнями человек. А вот весной 1945 года в Вене, по разным оценкам, скрывалось от 10 до 30 тысяч дезертиров. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что общее число дезертиров в Вермахте в феврале 1945 года оценивалось в районе 600 тысяч человек.

А вот другие цифры. В 1928 году, по официальным данным НСДАП, в Австрии было только 4466 членов нацистской партии. К январю 1933 года их количество увеличилось до 43 129, к концу 1938 года – 207 095, а к концу войны на 7 миллионов населения Австрии нацистов было около 600 тысяч[35].

При этом многие из них занимали руководящие посты в Вермахте и РСХА. Достаточно сказать, что 80 австрийцев-генералов верой и правдой служили Адольфу Гитлеру. Например, генерал-лейтенант Франц Беме, который начал войну в качестве командира 23-й пехотной дивизии, а закончил ее в качестве командующего всей германской армией в Норвегии; Александр Лер, начавший войну в Югославии в качестве командующего 4-й военно-воздушной армией, а закончивший главнокомандующим 12-й армией в Югославии; Лотар фон Рендулич, в 1938 году начальник штаба 17-го армейского корпуса, генерал-майор, в 1945 году – генерал-полковник и командующий германскими войсками в Хорватии и Сербии.

Значительную роль в боях в Югославии, а затем в Италии играли дивизии, в составе которых преобладали австрийцы. В Югославии «отличались» своими зверствами 718-я дивизия, в которой австрийцы составляли 80 % состава, и добровольческая дивизия СС «Принц Евгений»; первой командовал австриец генерал Фортнер, второй – некоторое время командовал австриец генерал Шмитгубер (до него – немец из Румынии Артур Длепс, после него – «германский» (имперский) немец Отто Кумм).

Почти весь руководящий аппарат управления оккупированных земель Югославии состоял из австрийцев.

Пауль Нейбахер являлся специальным уполномоченным гитлеровского министерства иностранных дел на юго-востоке Европы и его представителем при марионеточном сербском правительстве генерала Милана Недича (являвшегося военным министром Югославии) в Белграде.

Глэйзе-Хорстенау, являвшийся в Австрии до аншлюса министром внутренних дел в правительстве Шушнига, а в ходе самого аншлюса – вице-канцлером в правительстве Зейсс-Инкварта, был назначен главнокомандующим всеми германскими вооруженными силами в северной части Хорватии.

Август Мейсснер, обергруппенфюрер СС и генерал полиции, был с 1941 по 1944 год начальником гестапо в оккупированной

Сербии.

Роберт Кронгольц, занимавший до аншлюса пост австрийского генерального консула в Белграде, выполнял во время оккупации особо секретные поручения на оккупированной территории; при его содействии было создано марионеточное правительство генерала Недича.

Константин Каммергофер, группенфюрер СС и генерал полиции, занимал во время оккупации пост командующего всеми полицейскими силами в Хорватии, в том числе и германского гестапо, и хорватской усташской полиции.

Весь германский оккупационный аппарат в Югославии состоял из австрийцев. Полицейский аппарат гестапо вербовался также из них. Неудивительно, что из 4433 военных преступников, зарегистрированных Государственной комиссией Югославии, 2062, то есть около половины, составляли австрийцы. Одно из самых страшных зверств за время оккупации Югославии – расстрел 7 тысяч граждан в Крагуевце 22 октября 1941 года – было совершено по приказу австрийца Рудольфа Берга, начальника гестапо в Крагуевце[36].

Почему так много австрийцев поступило на службу к нацистам? Австрофашизм и традиционная немецкая педантичность способствовали появлению нового типа функционеров Третьего рейха – исполнителей, добросовестно служивших государству, которое считали своим Отечеством. Формально все они были членами НСДАП и СС (без этого невозможно было двигаться вверх по служебной лестнице), но считать их убежденными нацистами или австрофашистами было бы не совсем корректно. Для них такое мировоззрение было одним из необходимых условий карьерного роста. Возможно, что Отто Скорцени относился именно к этой категории австрийских подданных.

Участвуя в путче 1934 года

В феврале 1934 года Отто Скоцени вступил в «89-й штандарт СС». Правда, об этом событии в своей жизни, а также об участии в июне 1934 года в неудачной попытке вооруженного государственного переворота он старался вспоминать как можно реже. И дело даже не в том, что австрийские нацисты пытались захватить власть в стране вопреки мнению Берлина. Там справедливо опасались, что если Третий рейх попытается провести аннексию Австрии даже путем насильственной смены правительства, то Италия применит силу против агрессора. А летом 1934 года Германия была значительно слабее, чем 5 лет спустя. Причина в другом. Вместо бескровного переворота, когда под угрозой оружия канцлер Австрии Энгельберт Дольфус должен был подписать заявление о своей отставке, получилась кровавая бойня, в которой количество погибших и раненых, согласно утверждению Отто Скорцени, достигло 480 убитых и 960 раненных. Плюс ничем не мотивированное убийство руководителя страны. Как говорится, гордиться нечем.

Да и с «89-м штандартом СС» тоже получилась не очень красивая история. Мало того, что именно его бойцы оказались основными участниками этой трагедии, но и история создания какая-то странная. На фоне других военизированных подпольных подразделений, которые находились в подчинении у Берлина.

Как появился 89-й штандарт СС

Официальной датой появления австрийского национал-социализма принято считать 1918 год, когда австрийская Немецкая рабочая партия (НРП, «Deutsche Arbeiterpartei») стала называться Немецкой национал-социалистической рабочей партией (ННСРП, «Deutsche National-sozialistische Arbeiterpartei»); т. о., первые нацисты появились в Австрии на год раньше, чем НСДАП в Германии.

В августе 1920 года состоялась совместная конференция ННСРП и НСДАП, на которой была достигнута договоренность о тесном сотрудничестве. А в 1921 году в Зальцбурге началась организация подобия штурмовых отрядов. Назвать это сотрудничество эффективным сложно. Дело в том, что в то время отношения между национал-социалистическими группами Судетской области и Чехии, Австрии, с одной стороны, и Мюнхена – с другой, были довольно натянутыми, так как каждая из них хотела руководить всем движением.

В итоге Адольф Гитлер подчинил себе как австрийцев, так и

немцев, живших в Чехословакии. С 1926 года он руководил всем движением из Германии и назначал территориальных вождей (ландесляйтеров) для руководства восемью австрийскими «гау».

На созданный в 1926 году пост начальника штаба СА в Австрии был назначен один из руководителей австрийского шуцбунда Герман Решны. В начале февраля 1928 года в Вене общее количество штурмовиков достигло 800 человек.

Первая милиция австрийских национал-социалистов называлась «Фатерлендишер Шуцбунд», но позже, как и в Германии, были созданы СА, СС и Гитлерюгенд. Например, когда в 1928 году территориальные подразделения СА были выведены из подчинения местных гауляйтеров и вся территория Германии (плюс Австрия) была разделена на семь «групп» и каждую из них возглавил оберфюрер, то Австрию курировал капитан Герман Решни[37].

Весной 1933 года Адольф Гитлер назначил депутата рейхстага национал-социалиста Тео Хабихта инспектором Национал-социалистической партии Австрии. В мае 1933 года было запрещено использование коричневых рубашек и свастики, а ряд вождей НСДАП, включая германских представителей, были изгнаны из страны.

Преследуемые австрийской полицией, тысячи местных национал-социалистов бежали в Баварию, где сразу же попадали под опеку Генриха Гиммлера, который активно рекрутировал новых членов СС. Из беженцев сформировали «австрийский батальон», командовать которым в июне 1933 года доверили бригаденфюреру СС Альфреду Роденбюхеру. Подразделение дислоцировалось в военном лагере Клостер Лехфельд[38]. Оно входило в VIII абшнит (одно из основных территориальных подразделений в структуре СС, которое по численности соответствовало бригаде), входивший в оберабшнит «Дунай»[39]. На вооружении «Австрийского легиона» находились стрелковое оружие, пулеметы и минометы.

Легионеры придерживались строгой военной дисциплины, многие жили в лагерях и серьезно готовились к войне с собственным правительством. Австрийский канцлер Энгельберт Дольфус заявил протест германскому министерству иностранных дел, обвинив Германию в пособничестве австрийскому легиону, на что то ответило, что Германия «не может вмешиваться во внутренние дела суверенного государства». Однако Берлин также добавил, что австрийские нацисты имеют право избирать Адольфа Гитлера своим фюрером[40].

Оставшиеся в Австрии нацисты обратили свои взоры на СС. Вахмистр Фридолин Гласс, создавший в своей части национал-

социалистическую солдатскую группу, после запрета партии был уволен из армии.

Тогда из членов своей бывшей группы и примкнувших к ним демобилизованных солдат вахмистр сформировал «Штандарт» (полк), состоящий из шести рот. Вначале он передал свой полк в распоряжение австрийских штурмовых отрядов НСДАП местного руководства СА. Однако ему очень быстро надоели характер службы и настроения, царящие в СА. И он поехал в Берлин, где предоставил свой полк в распоряжение руководства СС. Весной 1934 года его идею поддержал руководитель Управления СС (с 30 апреля 1935 года – Главное управление СС, руководящее всей административной структурой СС) группенфюрер СС Курт Виттйе, и Генрих Гиммлер распорядился оформить полк в качестве «89-го штандарта СС»[41].

Стычки между социал-христианами и национал-социалистами стали повседневными. Во время шествия спортсменов, принадлежавших к Христианско-социальной партии, 19 июня 1933 года, нацисты бросили в них несколько гранат. В результате один человек погиб, а семнадцать получили ранения. После этого теракта НСДАП и ее организации были запрещены и распущены. По утверждению историка Уайтсайда:

«Было арестовано столько нацистов, что пришлось создать концлагеря для их содержания. Дольфус устроил чистку среди чиновников и во многих секторах промышленности, энергично преследуя все нацистские организации. Следующие пять лет стали для нацистов годами нелегальной деятельности».

В ответ на это гитлеровская Германия ввела в действие особый налог в размере 1000 марок за получение визы на въезд в Австрию. В результате поток туристов из Германии в Австрию, который был важной составной частью индустрии туризма, почти прекратился. Отсутствие немецких пеших туристов особенно сказалось на доходе мелких крестьян, потенциальных сторонников национал-социалистов. Туризмом дело не ограничилось.

В Германии практически был введен бойкот австрийских товаров, который привел к чувствительному снижению экспорта из Австрии. Так, полностью прекратился вывоз леса – с 27 тыс. вагонов в 1932 году до одного-единственного (!) вагона в 1933 году. Все это дало новый импульс австрийским нацистам, которые указывали, что аншлюс к Германии сразу бы разрешил все эти экономические трудности.

Военизированная структура нацистской партии, созданная в период между 1926 и 1930 годами, позволила движению национал-социалистов, несмотря на жестокие преследования, не

только не исчезнуть, но и продолжать свою деятельность. Репрессии не смогли подавить национал-социализма. Вооруженные группы нацистов бросали бомбы и устраивали покушения по всей стране, а их пропагандисты вели агитацию на улицах и находили самые оригинальные методы: рисовали гигантские свастики на склонах гор вблизи городов или на фабричных трубах. Правительству пришлось умерить пыл своих полицейских, так как «оно боялось, что слишком суровые меры спровоцируют восстание, которое может охватить всю страну», – писал Уайтсайд.

А 3 сентября 1933 года австрийские национал-социалисты совершили неудачное покушение на Энгельберта Дольфуса, в результате которого он был легко ранен. Разразился громкий международный скандал, который удалось уладить лишь при активном вмешательстве Бенито Муссолини. Один из заговорщиков, Альфред Фрау Энфельд, был арестован[42].

Мюнхен стал не только центром антиправительственной пропаганды, но и источником поступления в Австрию оружия и взрывчатки. Занимались этим члены СС – немцы и австрийцы. Их деятельность носила столь наглый характер, что 12 июля 1934 года австрийское правительство было вынуждено издать указ о введении смертной казни за контрабанду и хранение взрывчатых веществ. Под действие этого правового акта сразу же попали семь национал-социалистов. Тогда мюнхенская радиостанция сообщила, что если суд (назначенный на 20 июля) вынесет им смертный приговор, то канцлер Австрии и члены его правительства будут убиты[43].

Участвуя в путче, Отто Скорцени серьезно рисковал: ведь в случае провала попытки вооруженного госпереворота он, как и другие активные участники, мог бы быть арестован и приговорен к смертной казни или длительным срокам тюремного заключения. Рассчитывать на заступничество Берлина им не приходилось. Руководство Третьего рейха участвовало в путче, но только в качестве «зрителя». В случае победы заговорщиков оно бы воспользовалось результатами их труда, а при поражении – объявило о том, что заговор – инициатива группы австрийских нацистов. Такая позиция официального Берлина легко объяснима.

Еще в начале 1934 года Адольф Гитлер запретил проводить в Австрии мероприятия по насильственной смене правительства. Третий рейх тогда был слишком слаб, чтобы защитить себя от возможного возмездия за попытку государственного переворота. Фюрер предложил австрийским нацистам сконцентрировать свои усилия на организационных вопросах партии и консолидации ее сил. Также они должны были пропагандировать успехи, которых

достигли их однопартийцы в Германии. Более того, 16 марта 1934 года в беседе с министром иностранных дел Германии Константином фон Нейратом Адольф Гитлер заявил: «Мы не хотели аншлюса и не добивались унификации. Надо подождать, пока в Австрии не определится, кто может возглавить правительство»[44].

Поэтому возникает вопрос: кто спланировал эту операцию и какую роль сыграл в ней Отто Скорцени?

Подготовка путча

Имя разработчика операции известно – командир «89-го штандарта СС» вахмистр Фридолин Гласс. С помощью находившихся в его подчинении 150 боевиков он планировал арестовать правительство, которое должно было собраться в ведомстве канцлера в Вене, одновременно захватить радиостанцию и объявить всей стране о своих успехах. Он искренне верил, что после радиообращения восстанут нацисты по всей стране – в первую очередь отряды СА.

В начале июня 1934 года автор плана встретился в Мюнхене с инспектором Национал-социалистической партии Австрии Тео Хабихтом (германским подданным) и пообещал последнему, что значительная часть венской полиции и отдельные войсковые части поддержат путч. Насчет полиции он не ошибся (еще летом 1933 года группа национал-социалистических чиновников полиции Вены попыталась сместить канцлера со своего поста). Хабихт поддержал этот план и познакомил Фридолина Гласса с нужными людьми – бывшим капитаном Рудольфом Вайденхаммером (начальником штаба СА) и штурмбаннфюрером СС Отто Вехтером (оба – германские подданные), своим заместителем в Вене. Оба они загорелись этой идеей и поспешили распределить обязанности. Отто Вехтер взял на себя политическое руководство, Фридолин Гласс – военную подготовку, а Рудольф Вайденхаммер – контакты с внешним миром.

На второй встрече (в Цюрихе 25 июня 1934 года) с Теодором Хабихтом они обсудили детали предстоящей операции. Фридолин Гласс получил задание готовить акцию, заручившись поддержкой венской полиции и военных. Рудольф Вайденхаммер должен был обеспечить путчистов оружием и получить согласие австрийского посла в Риме, Антона фон Ринтелена, выступить в роли нового канцлера.

Все мероприятия прошли успешно. Дипломат с радостью согласился стать новым руководителем страны. Комендант Вены, подполковник Зинцингер не только был готов принять участие в

путче, но даже обеспечить людей Фридолина Гласса обмундированием. Ведь этим боевикам предстояло ворваться в ведомство канцлера и арестовать правительство.

На третьей встрече (в ночь на 16 июля в Мюнхене) заговорщики назначили время и дату мятежа – полдень 24 июля 1934 года. В этот день кабинет министров должен был собраться на последнее заседание перед летними каникулами[45].

Заговорщики еще не знали, что их план обречен на провал. И причина в этом – не бдительность австрийских правоохранительных органов (они-то как раз проигнорировали все сообщения о готовящемся заговоре), а интриги в самом Берлине.

Начнем с того, что Адольф Гитлер хотя и одобрил проведение этой акции (о ней ему доложил Теодор Хабихт), но одновременно сделал все, чтобы в случае провала выдать произошедшее за проявление самоуправства австрийских национал-социалистов. При этом он был уверен в успехе государственного переворота. Об этом свидетельствуют информационно-пропагандистские материалы, которые были заготовлены за несколько дней до 24 июля 1934 года. Когда иностранные журналисты обнародовали их, разразился большой международный скандал.

Из мероприятий, которые проводились с целью демонстрации политики «миролюбивого» отношения к Австрии, следует отметить инструкции, которые получал руководитель внешнеполитического ведомства Германии Константин фон Нейрат. Руководитель Третьего рейха просил своего министра, чтобы австрийские национал-социалисты не предпринимали ничего неразумного в отношении своего правительства. В то же время в Имперском министерстве иностранных дел знали о готовящемся путче. Об этом проинформировал его немецкий посланник в Вене Курт Рит.

О готовящемся заговоре он узнал от местного национал-социалиста, почтового служащего Ганса Келера из Хайнфельда. Этот человек написал послание, которое было адресовано самому Адольфу Гитлеру. В нем говорилось о необходимости ареста австрийского правительства.

Вот какие меры предпринял Курт Рит (согласно его сообщению в Берлин):

«Господину Келеру нами было сказано, что содержащиеся в его памятной записке идеи противоречат политике рейха и что он должен отговорить своих товарищей от исполнения изложенного плана. Сама записка оставлена у нас, чтобы не попала в ненужные руки. Поскольку не ясно, как поступит далее господин Келер, считаю необходимым принять соответствующие шаги, чтобы

предотвратить задуманную акцию».

Еще один источник информации – заместитель Габихта барон Вехтер. Он посетил 28 мая 1934 года заместителя директора второго департамента МИДа Германии Ренте-Финка и сообщил ему, что в Австрии неизбежны акты мятежа со стороны нацистов и «если так, лучше осуществить организованное восстание»[46].

Реакция германского МИДа последовала незамедлительно. Теодору Хабихту было направлено письмо, в котором ему предлагалось «предотвратить подобные планы, если они еще имеются». Неизвестно, зачитал ли он это послание заговорщикам. Сам он уже был настроен сорвать путч против канцлера[47].

Также не ясна роль германского военного атташе в Вене генерала Муффа. На второй день после провала путча он отрапортовал министерству иностранных дел:

«Я давно уже знал, что национал-социалисты обсуждают идею нападения штурмового отряда, переодетого в форму австрийской армии и полиции, против правительства во время заседания кабинета и что они уже сделали определенные приготовления».

Если был осведомлен, то почему не сообщил в Берлин? Хотя такое маловероятно. Скорее всего, он доложил, как и положено, своему начальству. А оно, скорее всего, сообщило об очередной инициативе австрийских нацистов фюреру. Как мы писали выше, он и так был осведомлен о ретивости нацистов в «альпийской республике».

Знали о готовящимся путче германский посланник Рит и советник посольства Альтенберг. Более того, когда 24 июля было решено перенести дату путча на следующий день, то на квартире у последнего Вехтер и Вейденхаммер «выработали для следующего дня необходимые распоряжения и объявления»[48]. Вот только немецкие дипломаты во время путча так и не получили поддержки от своей страны.

Фактически мятежники лишились поддержки официального Берлина. Как это повлияло на их боеспособность?

Если говорить о сфере планирования путча, то значительно, так как Фридолин Гласс не был специалистом по проведению подобных акций. Например, он не учел того, что нужно захватить все радиостанции в Вене, а не одну. И тем самым, с одной стороны, лишить правительство призвать на помощь, а с другой – объявить о своей победе. Также «ахиллесовой пятой» его плана можно назвать отсутствие мероприятий по парализации системы управления войсками венского гарнизона и столичными полицейскими отрядами. Сделать это удалось только частично.

Если говорить о материально-техническом снабжении (оружие, форма, транспортные средства и т. п.), финансировании

и обеспечении людскими ресурсами, то оно незначительно. Изначально план разрабатывался, исходя из ресурсов, которыми располагали австрийские национал-социалисты. Они и не рассчитывали на серьезную помощь извне. Этот феномен можно трактовать по-разному. Например, они считали, что смогут справиться собственными силами.

Другой, более значимый фактор, заставивший Фридолина Гласса постараться избежать помощи Берлина, – это надежда на лавры победителя. Ведь в случае победы он бы сделал стремительную карьеру в Третьем рейхе.

А вот борьба за право носить звание человека, который совершил аншлюс, спровоцировала интригу между австрийскими СС и СА. Причем ситуация усугубилась еще событиями «ночи длинных ножей», которые незадолго до этого произошли в Германии. Фактически австрийские «заговорщики» не только лишились части боевиков, которые должны были участвовать в перевороте, но и получили врага в лице австрийских СА. Только чудо спасло путчистов от «провала». Вот как это произошло.

Когда руководитель нелегальных нацистских штурмовых отрядов Австрии обергруппенфюрер СА Герман Решни ознакомился с планом мятежа, он обнаружил, что его людям отводится незначительная роль. Им было предложено выступить после того, как в Вене будет все решено. Он понимал, что следом за Германией в Австрии СС планирует разрушить монопольную власть СА. Чем это могло закончиться лично для него, он еще понял во время «ночи длинных ножей», когда лишь благодаря случайности избежал казни от рук эсэсовских палачей, которые расправились с его германскими коллегами по СА.

Мы не знаем, чем руководствовался он, когда размышлял о своем участии в предстоящем путче. Может, думал о том, что судьба посылает ему возможность отомстить за товарищей, погибших 30 июня 1934 года, тем более что СС вновь стремится к усилению своей власти. А может, просто решил, что это шанс ослабить конкурентов. В любом случае, его шаги поставили под угрозу саму операцию.

Герман Решни решил организовать «утечку информации» и сообщить австрийскому правительству о планах заговорщиков. При этом он не рисковал своими людьми. Дело в том, что штурмовики должны были действовать самостоятельно. А Отто Вехтеру приказал Тео Хабихт, чтобы последний:

«…Не контактировал с СА во время путча. Штурмовики должны были выступать отдельно под командованием обергруппенфюрера СА Решни».

Руководитель австрийского СА решил через двух своих

доверенных лиц – штурмбаннфюрера СА Фридриха Гамбургера и его друга ротмистра Шаллера – сообщить обо всем полиции. По утверждению Отто Вехтера, эти два человека и до этого оказывали услуги венской полиции. В частности, он утверждал, что они:

«…Информировали австрийские правительственные органы как в 1933, так и в 1934 годах о тех решениях партии, которые следовало держать в секрете».

Сложно сказать, насколько обоснованы были эти обвинения, но о путче сотруднику венской службы безопасности Цилару сообщил Шаллер. Также он назвал имена троих организаторов: Отто Вехтера, Фридолина Гласса и Рудольфа Вайденхаммера.

Среагировали ли правоохранительные органы на это сообщение? Советские историки однозначно утверждают, что нет. Их западные коллеги менее категоричны. Меры приняли, вот только исполнители оказались… национал-социалистами. Например, двое инспекторов полиции, которые следили за Отто Вехтером, были нацистами. Понятно, что свои доклады начальству они согласовывали с объектом слежки[49].

Хотя не все сотрудники правоохранительных органов были фанатичными нацистами. Например, инспектор полицейского участка XVI квартала Вены Доблер входил в группу заговорщиков. Он даже получил «официальное» приглашение: «Четверть первого, Зибенштернгассе, 11, Бундестурнхалле». В это время там должны были встретиться заговорщики. Вот только он почему-то вместо паба в указанное время находился в кафе «Вегхубер», где общался с Карлом Марером (член «Отечественного фронта», доверенное лицо Дольфуса). Свой рассказ он начал с заявления о том, что вечером канцлер будет убит, и он тоже должен участвовать в этой акции, но передумал, и поэтому он здесь. Собеседник, прекрасно понимая всю серьезность ситуации, позвонил из кафе статс-секретарю Эмилю Фею и сообщил ему о рассказе участника будущего путча[50].

Путч

Переворот в Вене начался ранним утром в среду, 25 июля 1934 года, когда в нескольких местах города начали собираться члены австрийских НСДАП и СС. В полдень свыше 300 человек (большинство из них было одето в мундиры полиции и «Хеймвера») находились в спортивном зале Немецкого гимнастического общества на Нойбаугассе, где размещался нелегальный склад оружия и взрывчатки. Взяв оружие и боеприпасы, заговорщики разделились на две группы.

Одна, насчитывающая 150 человек, направилась на

грузовиках к зданию «Равага» на Иоганнесгассе, где размещалась студия венского радио. Здесь прогремели первые выстрелы. Переданное спустя некоторое время по радио сообщение об отставке правительства Энгельберта Дольфуса было сигналом к началу нацистского мятежа во всей Австрии. Кроме того, оно преследовало цель дезориентировать австрийские власти. И нацистам это удалось. Почти все внимание правоохранительных органов было сосредоточено на этом объекте. Войска заняли расположенное напротив министерство финансов и начали обстреливать мятежников[51]. По данным отдельных историков, количество оборонявших радиостанцию не превышало 15 человек. Этим якобы и объяснялось то, что правительственные войска ее смогли легко освободить[52].

Управление венской полиции среагировало на произошедшее оперативно. Сказывался опыт прошлых лет – борьба с уличными беспорядками в «красной» Вене. Была объявлена тревога. Командование «Хеймвера» так же объявило о всеобщей мобилизации своих членов. Здание управления полиции окружил плотный кордон армейских и полицейских постов. На крыше установили пулеметы. Полиция и армия заняли также здания министерств и других государственных учреждений. На улицах появились вооруженные полицейские и армейские патрули и бронемашины[53].

Хотя основные события развивались в здании Дома правительства. Там в 11 часов утра началось заседание Совета министров под председательством канцлера Дольфуса. Это первая трагическая случайность в этот день. Дело в том, что именно сегодня канцлер планировал посетить Бенито Муссолини, но в последний момент отменил свою поездку[54]. Об истинных мотивах его поступка мы никогда уже не узнаем.

Еще до заседания министр без портфеля Эмиль Фей получил от нескольких членов «Хеймвера» известие о концентрации во многих пунктах Вены вооруженных групп, среди которых видели людей в мундирах армии и полиции. Также он узнал, что группы радикально настроенных нацистов намерены вторгнуться в здание ведомства канцлера. Вместо того чтобы доложить об этом Дольфусу, он вызвал подразделения «Хеймвера» и попытался выйти на заговорщиков. Только в полдень он поспешил в резиденцию канцлера, чтобы сообщить ему об опасности. Драгоценное время было упущено.

Появившись в зале заседаний, он шепотом сообщил Дольфусу об опасности. Собеседник посмотрел на него недоверчиво, однако тут же принял решение и заявил присутствующим министрам: «Фей только что сообщил мне кое-что, но я не знаю, соответствует

это действительности или нет. Будет, однако, лучше, если мы прервем заседание и каждый министр отправится в свое ведомство. О продолжении заседания я вас извещу». Покачав головами, чиновники разошлись[55].

Руководитель страны после этого перешел в свой кабинет, пригласив на совещание: Эмиля Фея, министра национальной обороны генерала Вильгельма Ценера и министра полиции и безопасности барона Карла фон Карвински. Генерал Ценер получил распоряжение провести надлежащую подготовку в министерстве национальной обороны, а Карвински – немедленно связаться с президиумом полиции для принятия необходимых мер предосторожности и проверки полученной Феем информации, который должен был также поднять по тревоге «Хеймвер».

Переговорив по телефону, Дольфус, Фей и Карвински продолжили совещание по поводу мер, которые необходимо было принять в случае подтверждения информации о начале мятежа национал-социалистов в Вене.

Вскоре Карвински решил проверить, какие из его указаний управление полиции уже выполнило и, главное, направило ли отряды полиции для обеспечения безопасности находящихся в канцелярии членов правительства и самого канцлера. С этой целью он вновь связался с управлением полиции. Однако оказалось, что президент венской полиции Иоганн Зейдль никаких подкреплений к федеральной канцелярии не выслал. Он объяснил, что сразу же после первого телефонного звонка от Карвински ему позвонил один из его постоянных информаторов, который предупредил его, что национал-социалисты готовят покушение на канцлера Дольфуса в районе Михаелерплатц, когда он будет возвращаться домой после окончания заседания Совета министров. Туда он и направил полицейские резервы.

Взбешенный Карвински еще раз категорически приказал Зейдлю выслать к дворцу отряды полиции и несколько агентов в штатском на Зибенштернгассе, где собирались подозрительные личности[56].

Единственный детектив Марек, который оказался в то утро около спортивного зала, наблюдал за тем, как в здание входят десятки людей в штатском, а через какое-то время они выходят одетые в форму австрийской армии и садятся на подъезжающие грузовики. Лжесолдаты грузили ящики с боеприпасами. Марек несколько раз звонил по телефону, сообщая о происходящем, но начальство никак не реагировало на его сообщения[57].

Спустя минуту снова позвонили. Карвински поднял трубку, но спрашивали Фея. После короткого разговора майор Фей

проинформировал собравшихся, что получил известие от агента, который доносил, что к зданию гимнастического зала на Зибенштернгассе подъехали грузовики, в которые садятся собравшиеся здесь люди[58]. Скорее всего, этим информатором был Марек.

Министр Карвински снова позвонил шефу президиума столичного управления полиции. Но оказалось, что Зейдль вышел, и его не могут найти. Карвински потребовал соединить его с директором департамента безопасности Штайнхойзлем, которому приказал выполнить свои предыдущие распоряжения. Затем Карвински вызвал начальника охраны дворца инспектора Вальтера Гёбля и предупредил его о возможности нападения гитлеровских мятежников на канцелярию. Время приближалось к 12.45. Во дворце умолкли телефоны, не поступали никакие известия и снаружи. Подкрепление не прибывало[59].

А события развивались своим чередом. Грузовики с заговорщиками уже выехали в направлении канцелярии. Другой отряд отправился к венскому радио. А третий, на легковой автомашине находился на пути к озеру Верти, где должен был арестовать президента Вильгельма Микласа[60].

В это время к резиденции канцлера подъехало три больших крытых брезентом грузовика. Площадь перед федеральной канцелярией заполнилась людьми в мундирах полиции, армии и «Хеймвера». Сбитая с толку охрана дворца, считая, что прибыло подкрепление для усиления охраны канцелярии, впустила внутрь группу численностью в 144 человека во главе с двумя лицами, одетыми в форму майора и капитана «Хеймвера». Ссылаясь на распоряжение начальника венской криминальной полиции Отто Штайнхойзля, мятежники разоружили солдат и полицейских из охраны, загнали их в несколько комнат и овладели зданием. Затем они собрали находящихся внутри здания чиновников, машинисток и секретарей и заперли их на заднем дворе.

В зале заседаний мятежники арестовали находившихся еще там нескольких членов правительства: министра юстиции Эгона Бергер-Вальденегга, Фея и Карвински. Тот, прежде чем покинуть кабинет канцлера, предложил канцлеру бежать через находившуюся на четвертом этаже раздевалку, в которую со стороны коридора вела хорошо замаскированная дверь. Здесь можно было на какое-то время спрятаться, дожидаясь прибытия подкреплений.

Руководитель страны прислушался к совету и направился было по лестнице вверх, но внезапно переменил свое решение и в сопровождении своего старого камердинера Хедвицека решил покинуть здание дворца. Он хотел спрятаться в здании

государственного архива, в которое можно было пройти через так называемый зал конгрессов и тайный коридор (потайная дверь была скрыта в стене). Однако когда Дольфус находился уже в зале конгрессов, ведущая в него большая дверь была взломана со стороны главного холла, и в зал ворвались 12 заговорщиков[61].

Командовавший ими Отто Планетта, увидев канцлера, несколько секунд стоял в нерешительности, а затем истерично закричал:

– Руки вверх!

Канцлер сделал порывистое движение рукой и спросил:

– Что вам от меня нужно?

Отто Планнета отпрянул назад и выхватил пистолет. Раздались выстрелы. В различных источниках их число колеблется от одного[62] до трех[63]. Одна из пуль попала политику в шею. Жертва, истекая кровью, упал на пол. Национал-социалист насмешливо спросил:

– Вы ранены? Вставайте!

– Не могу, – ответил тихим прерывающимся голосом лежащий.

Тогда убийца приказал своим подчиненным перенести тяжело раненного канцлера в его кабинет. Камердинер, ставший случайным свидетелем этой трагической сцены, заявил позднее во время следствия, что, если бы заговорщики ворвались в зал минутой позже, Дольфус успел бы покинуть здание канцелярии по тайному переходу и добраться до государственного архива[64].

В это время вторая группа заговорщиков под командованием эсэсовца Шредта захватывает здание венского радио. Они выбивают окна на первом этаже и врываются в студию. Угрожая оружием техническому персоналу, они заставляют прервать передачу и зачитать перед микрофоном следующее сообщение:

«Правительство Дольфуса ушло в отставку. Д-р Ринтелен принял дела».

Хотя его никто не услышал. Дело в том, что инженеры, работающие на биомбергской радиомачте, заподозрили что-то неладное и просто отключили передатчик[65]. Поэтому в регионах Австрии слишком поздно узнали о том, что происходит в Вене.

А вот что в это время происходило в канцелярии. Около 14.45 к потерявшему сознание канцлеру привели несколько полицейских из разоруженной охраны дворца, умевших перевязывать раны. Пострадавший лежал на полу, у него было сильное кровотечение. Его перенесли на диван; один из «санитаров» наложил ему временную повязку и, удостоверившись в серьезности состояния раненого и вместе с тем в возможности спасти ему жизнь, обратился к путчистам с просьбой привести

врача. Руководитель группы террористов категорически отказал. Через несколько минут Дольфус пришел в сознание[66]… Дальше версии историков расходятся.

Хайнц Хене в своей монографии «Черный орден СС. История охранных отрядов» пишет о том, что когда канцлер открыл глаза, то в замешательстве произнес:

«– Да что же это такое происходит? Появляется майор с капитаном и несколькими солдатами и начинает в меня стрелять.

Вскоре он понял, что это его конец. Затем между ним и мятежниками, как назвал ее биограф канцлера, Гордон Шеперд, началась “мирная политическая дискуссия”.

– Я всегда старался сделать наилучшим образом все, что было в моих силах, стремясь к миру, – произнес умирающий.

Один из боевиков ответил, что от канцлера зависело достижение мира с Германией, на что собеседник ответил:

– Ребята, вы этого не понимаете.

Эсэсовцы молча смотрели на свою жертву, больше ничего не говоря. Его последние слова, обращенные к ним, были:

– Ребята, вы очень милы по отношению ко мне. Почему же иные ведут себя иначе? Я всегда желал мира. Мы ни на кого не нападали, но были вынуждены защищаться. Да простит вас Бог.

Канцлер скончался в 15.45[67]».

По другой версии, которую изложил Францишек Бернась в своей книге «Убийцы с Вильгельмштрассе», раненый… попросил пригласить к нему арестованных министров. После некоторого колебания национал-социалисты позвали Фея. Дольфус попросил его добиться согласия отправить его в больницу или, по крайней мере, пригласить врача, а если это окажется невозможным, то католического священника.

Так как ни одна из них не была выполнена, то умирающий попросил министра позаботиться о его семье и сделать все, чтобы как можно скорее положить конец кровопролитию в столице. Во время этого разговора раненый слабел на глазах из-за усилившегося кровотечения, которое не могла остановить временная повязка. Через некоторое время Дольфус снова потерял сознание, изо рта его хлынула кровь. Руководители заговорщиков, Пауль Худль и Франц Хольцвебер, воспользовавшись тем, что Дольфус на какое-то время пришел в сознание, безрезультатно пытались добиться от него, чтобы он передал власть Антону фон Ринтелену. Политик, теряя все больше крови, не отвечал. Началась агония. В 15.45 канцлер Австрии Энгельберт Дольфус скончался[68].

Есть и третья версия того, как провел последние часы своей жизни канцлер. Вот какую картину «нарисовал» Янош Бачо в

своей книге «Нацизм»:

«…Дольфус все еще лежит у стены на мягком узком диване. Один из мятежников сидит у резного красного дерева письменного стола канцлера и, дымя сигаретой, сторожит умирающего. Путчисты разрешают двум чиновникам из канцелярии – Иоганну Грейфенедеру и д-ру Йеллинеку – оставаться около умирающего. Двое мужчин мокрыми полотенцами пытаются привести Дольфуса в сознание.

– Что с моими коллегами министрами? – раздается первый, заданный шепотом вопрос медленно приходящего в сознание канцлера. Он просит Грейфенедера позвать врача и священника. Однако мятежники отказываются выполнить просьбу. Он получает комочек ваты, которую кладут на шею на кровоточащую огнестрельную рану. Это все.

– Я очень хочу пить… – стонет умирающий Дольфус. Грейфенедер приносит воды, Йеллинек поддерживает Дольфуса, чтобы он смог напиться.

Дольфус желает говорить с главарем мятежников. Приглашают Пауя Худля. Тот склоняется к лицу Дольфуса, чтобы понять еле слышный голос. На мгновение кажется, что ему жалко лежащего перед ним человека.

– Если бы вы не защищались, никакой беды не произошло бы, – говорит он Дольфусу.

– Но ведь я был солдатом, – отвечает шепотом канцлер. Затем он просит Худля сделать так, чтобы он мог поговорить с Шушнигом.

– Об этом и речи быть не может! – отвечает уже грубо Худль. – Это не в наших интересах. Перейдем лучше к делу. Дайте указание, чтобы были прекращены все операции против дворца канцлера, пока д-р Ринтелен не сформирует правительство!

Но Дольфус и в предсмертные часы остается твердым.

– Врача… – шепчет он.

– Мы уже послали за врачом, – врет Худль.

– Я хотел бы поговорить с Феем, – говорит тогда канцлер. Через несколько минут мятежники вводят майора Фея. Он тоже должен наклонить ухо к лицу Дольфуса, чтобы понять что-нибудь из того, что он шепчет.

– Передайте привет жене… – вздыхает умирающий. – Попросите Муссолини… позаботиться… о моих детях…

После этого наступает минутная тишина. Дольфус лежит с закрытыми глазами. Но еще раз он снова открывает глаза. Он видит, что вокруг него стоят заговорщики, его убийцы. На его бескровном лице проскальзывает бледная улыбка. Еще раз, на

этот раз совсем чисто и внятно, он произносит:

– Ребята, вы так любезны ко мне. Почему другие не такие, как вы? Ведь я хотел только мира… Мы должны постоянно защищаться… Да простит вас Бог…

Это его последние слова. Время: 15 часов 45 минут[69]».

Сейчас уже сложно сказать, какая из версий истинная.

Расскажем теперь о том, что произошло дальше.

Отто Вехтер утром 25 июля расположился в трактире «Тишлера» на Шауфлергассе, неподалеку от ведомства канцлера. Его задача заключалась в ведении переговоров с арестованными министрами и назначении нового состава правительства. Когда он понял, что эсэсовцев недостаточно, чтобы взять под контроль ситуацию (министры на свободе, радиостанцию окружили верные правительству войска), то поспешил в гостиницу «Сент-Джеймс», где собралось руководство австрийских СА. Позднее он вспоминал:

«Когда я обрисовал положение дел бригаденфюреру СА Тюрку и потребовал выступления СА, тот в моем присутствии отдал приказ поднять по тревоге группы штурмовиков Вены и Северной Австрии и заявил мне, что через час они войдут в центр города».

Как только визитер покинул гостиницу, Тюрк отдал прямо противоположный приказ – всем штурмовикам вернуться на свои квартиры. Позднее он мотивировал этот поступок тем, что: «путч 25 июля являлся инициативой 89-го штандарта СС, за который СА не несет никакой ответственности».

В такой ситуации Отто Вехтеру лишь пришлось признаться после провала мятежа: «СА, стремившиеся установить свое преимущественное положение в Австрии, действовали запрещенными приемами, близкими к предательству общего дела, и от их руководства в связи с этим можно ожидать чего угодно…»[70].

А события в Вене развивались не в пользу мятежников. Дворец был окружен крупными подразделениями полиции и армии, оснащенными станковыми пулеметами и бронемашинами. Однако, опасаясь за жизнь находившихся в нем людей, части, окружившие дворец, не решались атаковать его и приступили к переговорам.

В то время как на Иоганнесгассе не прекращалась стрельба, а перед дворцом канцлера стояли в полной боевой готовности правительственные части, оставшиеся на свободе члены правительства собрались на совещание, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и предпринять необходимые шаги для подавления мятежа.

Вначале было зачитано письмо министра Эмиля Фея, в котором говорилось, что канцлер Дольфус согласится на любую кандидатуру своего преемника, утвержденную президентом Республики, если это предотвратит напрасное кровопролитие. Это письмо, в котором в завуалированной форме предлагалось произвести определенные изменения в составе правительства и государственной политике и начать переговоры по этому вопросу с заговорщиками, вызвало возмущение у членов правительства. Они связались по телефону с президентом Австрии Вильгельмом Микласом, отдыхавшим на курорте Вельден и чудом избежавшим ареста заговорщиками.

Президент заявил, что не намерен вести переговоры с людьми, которые силой ворвались в канцелярию, и проинформировал министров о назначении временным руководителем австрийского правительства министра просвещения, одного из ближайших соратников Дольфуса, Курта фон Шушнига[71].

К этому моменту фактически путч провалился. Заговорщикам не удалось арестовать правительство. Также их не поддержали регионы. Отряд СС под командованием Грилльмайера, который был послан арестовать Вильгельма Микласа, решил перекусить в клагенфуртской гостинице «Отель Триест». Здесь их и арестовали поднятые по тревоге полицейские. Так непосредственные разработчики плана переворота Густав Вехтер и Фридолин Гласс опоздали на утреннее сборище и поэтому не попали внутрь здания[72]. Находящиеся внутри руководители путчистов (в частности, Отто Планетта) не были готовы к тому, чтобы вести переговоры. Единственное, что они были способны сделать – так это вызвать к дворцу германского посла Рита, чем окончательно лишить себя всяких шансов на победу.

А армейские части и полиция после двухчасового боя смогли освободить радиостанцию и передать следующее сообщение:

«Группа численностью в 300 человек, часть которых была одета в военную форму, собралась в гимнастическом зале на Зибенштернгассе, где взяла оружие и боеприпасы. Один из отрядов этой группы был арестован на месте, а другой в 13.00 направился на грузовиках к “Равагу” на Иоганнесгассе и ворвался в студию во время трансляции.

Была прервана шедшая передача, после чего передано ложное сообщение об отставке канцлера Дольфуса. Полиция тотчас же захватила комплекс зданий на Иоганнесгассе и в 15.45 ликвидировала инцидент. Ворвавшиеся в “Раваг” террористы были арестованы. “Раваг” функционирует уже нормально».

После передачи сообщения по радио Шушнига пригласили к

телефону в соседнюю комнату. Разговор продолжался минут десять. Он вернулся с другим выражением лица и уже не пытался говорить банальные любезности. Шушниг только что переговорил с Бенито Муссолини, который пообещал ему, что в случае гитлеровской агрессии против Австрии Италия окажет ей любую политическую и военную помощь. Гарантией была начатая концентрация итальянских войск (пять дивизий) на перевале Бреннер[73].

Позднее римская газета «Стампа» опубликовала статью Уго Синьоретти «Предостережение». Вот ее фрагмент:

«Убийство Дольфуса является политическим событием, значения которого нельзя умалять. В исключительно запутанных отношениях в послевоенной Европе не зафиксировано ни одного случая смерти, который бы повлек за собой столь далеко идущие последствия и вызвал так много неуверенности. Следует знать, что в случае осложнений, которые могут подорвать принцип полной независимости Австрии, итальянские войска выступят немедленно, чтобы восстановить пошатнувшееся равновесие[74]».

Поэтому Шушниг решил перейти к решительным действиям против мятежников. Не было уже необходимости вести с ними переговоры или искать компромисс с Антоном фон Ринтеленом. Ему прямо заявили, что он арестован, поскольку самовольно покинул Рим и вступил в сговор с путчистами, что было расценено как государственная измена. Антон фон Ринтелен, поняв, что проиграл, хотел покончить с собой: быстро выхватил револьвер и выстрелил себе в голову. Но выстрел оказался несмертельным, его отвезли в военный госпиталь, где после оказания ему срочной помощи он должен был находиться длительное время под бдительным оком полицейской охраны. После этого состоялся резкий разговор по телефону с Феем, который, звоня из дворца канцлера, находившегося все еще в руках нацистских путчистов, пытался убедить Шушнига и остальных министров, что канцлер Дольфус действительно решил подать в отставку и передать власть Антону фон Ринтелену. Во время одного из очередных разговоров с Эмилем Феем около 16.05 генерал Ценер бросил, наконец, лаконично: «Нам не о чем разговаривать! Барон фон Ринтелен только что арестован».

Несколько позднее, в 17.00, венское радио передало второе сообщение по поводу актуальных событий.

«В 15.00 в Министерстве национальной обороны собрался Совет министров с участием бургомистра Рихарда Шмитца, президента полиции Зейдля и посланника фон Ринтелена.

Совет министров, в заседании которого не приняли участия члены правительства, захваченные во дворце канцлера, а именно:

канцлер Дольфус, министр Фей и министр Карвински, – решил, посоветовавшись по телефону с президентом Республики, отдыхающим на курорте Вельден, не вступать в переговоры с лицами, которые силой ворвались в здание дворца канцлера.

Решено направить второй батальон федеральной армии очистить здание на Бальхаусплатц. Террористам дан короткий срок, чтобы сдаться, после чего будет начат штурм».

В 17.30 перед дворцом канцлера министр социального обеспечения Отто Нойштедтер-Штюрмер зачитал в присутствии находившихся на балконе дворца заговорщиков ультиматум, в котором говорилось:

«По распоряжению президента Республики путчисты должны в течение пятнадцати минут покинуть дворец канцлера. Если среди интернированных членов кабинета не будет жертв, правительство предоставит мятежникам возможность беспрепятственно покинуть дворец и выехать за границу. Если же в назначенное время они не покинут дворец, то будут выдворены оттуда силой».

Когда был зачитан вышеупомянутый ультиматум, его авторы еще не знали об убийстве канцлера Дольфуса.

Сразу же после этого на балконе среди заговорщиков появился Фей. Между ним и Нойштедтером-Штюрмером произошла резкая перепалка:

– Где барон фон Ринтелен? Требую немедленно доставить его во дворец! – начал Фей.

– Фон Ринтелен не может прибыть сюда. Он арестован по обвинению в участии в заговоре против государства, – ответил Нойштедтер-Штюрмер. – Новое правительство решило предоставить мятежникам полную свободу, но, если они не покинут дворец в течение двадцати минут, будет отдан приказ атаковать его.

– Не смейте атаковывать дворец! Категорически запрещаю! – кричал Фей.

– Вы уже не можете приказывать! – прервал его Нойштедтер-Штюрмер. – Вы же подали в отставку.

– Как это, я пока еще федеральный министр!

– Да, но в каком правительстве – Республики или мятежников? – спросил Нойштедтер-Штюрмер.

– Я выполняю лишь волю канцлера Дольфуса, – заявил Фей, стараясь придать своему голосу патетический и возвышенный тон, – который поручил мне передать власть барону фон Ринтелену.

– Об этом не может быть и речи, – прервал его Нойштедтер-Штюрмер. – Сейчас 17.35. В 17.55 начнется штурм!

На этом разговор закончился. Нойштедтер-Штюрмер приказал сосредоточенным на Бальхаусплатц подразделениям армии и полиции готовиться к штурму. Солдаты начали демонстративно устанавливать станковые пулеметы. К воротам дворца подъехали полицейские бронемашины.

На балкон снова вышел майор Фей и потребовал разговора с генералом Ценером. Фей заявил, что заговорщики готовы покинуть дворец, но хотят получить конкретные гарантии беспрепятственного ухода и подробную информацию относительно технической стороны доставки их к германской границе.

Однако генерал Ценер не позволил втянуть себя в длительный разговор о деталях. Он повторил основные пункты ультиматума и уехал.

Один из предводителей мятежников, Хольцвебер, выступающий под псевдонимом «капитан Фридрих», во время разговора Ценера с Феем позвонил в германскую миссию в Вене и попросил посланника Германии в Австрии Курта Рита о поддержке. Через несколько минут тот был уже на Бальхаусплатц. Дипломат сказал полицейским, что прибыл сюда официально, чтобы проследить, не будут ли чиниться препятствия заговорщикам, когда те будут покидать дворец, как это обещало австрийское правительство. Собравшиеся жители Вены, возмущенные вмешательством германского посланника, стали выкрикивать враждебные возгласы и даже пытались избить его. В этой ситуации Рит после резкой словесной перебранки с Карвински и Нойштедтером-Штюрмером вернулся в миссию.

На Нюрнбергском процессе бывший посол США в Австрии, ставший свидетелем этой сцены, утверждал:

«Д-р Рит находился в тесном и постоянном контакте с австрийскими фашистскими агентами и агентами немецкого происхождения. Рит не мог не знать всех деталей путча. Помню, что высокопоставленные функционеры австрийского правительства сказали мне после путча, что д-р Рит поддерживал контакт с фон Ринтеленом».

В 19.30 истек продленный срок ультиматума. Заговорщики вывесили белый флаг и заверили, что не будут оказывать сопротивления. Члены правительства и представители командования правительственных войск знали уже из второго письма Фея Шушнигу, что канцлер Дольфус убит гитлеровскими мятежниками после захвата ими дворца. Незадолго до 20.00 ворота дворца распахнулись, и в здание вошла армия. Спустя некоторое время из дворца вывели 159 арестованных террористов. Среди них девять жандармов и шесть полицейских

из охраны дворца, которые присоединились к заговорщикам. Всех доставили в военные казармы на Марокканерштрассе, а 30 из них, которые вскоре должны были предстать перед военно-полевым судом, увезли в тот же день в центральную тюрьму столицы. Разумеется, в связи с убийством Дольфуса теперь не могло быть и речи о беспрепятственном выезде заговорщиков в Германию.

Первые часы после путча

После очищения здания от мятежников члены правительства тотчас же направились в комнату, где находился труп канцлера Дольфуса. Здесь уже были исповедник канцлера патер Отто Хартман, который следующим образом описал ситуацию прибывшим министрам:

«Когда я вошел в комнату, тело канцлера лежало на диване <…>, а на полу виднелись пятна крови. Тело было закрыто, и только лицо открыто <…>. На правой щеке от уха до рта виднелся отчетливый кровавый шрам – след издевательства над канцлером. Прежде чем попрощаться с умершим, я приподнял закрывавшее тело покрывало. Вид был ужасающим: из тела буквально вытекла вся кровь. Ясно было, что Дольфус очень мучился – духовно и физически».

Несмотря на подтверждение смерти канцлера, австрийские власти не решились сразу же проинформировать об этом общественность. В очередном официальном сообщении, переданном радиостанцией «Раваг» в 21.30, в частности, сообщалось:

«…проникнув в здание дворца канцлера, террористы обезоружили охрану, заняли лестницы и внутренние галереи и заперли членов правительства и чиновников в их помещениях.

Начинать в этих условиях операцию по их освобождению было невозможно, поскольку жизнь многих людей находилась в руках мятежников. Приходилось считаться с тем, что террористы после вступления армии будут мстить задержанным во дворце лицам. Это обстоятельство вынудило правительство начать переговоры с мятежниками.

Вначале они не принесли результата, и тогда мятежникам был предъявлен ультиматум, срок которого истекал в 19.30. Одновременно стягивались крупные армейские подразделения для захвата здания вооруженным путем.

Увидев подготовку к штурму, мятежники решили сдаться, поставив условие, чтобы им разрешили беспрепятственно выехать в Германию. Капитуляция произошла вскоре после 20.00. Здание Канцелярии было окружено кордоном армии и полиции.

Широко задуманное преступление против безопасности

Австрии было сорвано. Во всей стране царит спокойствие[75]».

А вот что происходило в этот день в Германии. Адольф Гитлер присутствовал на ежегодном Вагнеровском фестивале в Байрейте, где слушал оперу «Золото Рейна». Новость о «путче» необычайно взволновала его. Фридлин Вагнер, внучка великого композитора, сидела в фамильной ложе по соседству и была свидетельницей происходящего. Два адъютанта – Шауб и Брюкнер, рассказывала она позднее, получали новости из Вены по телефону, который стоял в ее ложе, а потом шепотом докладывали о них Фюреру.

У разных историков реакция вождя Третьего рейха описана по-разному. Процитированный выше журналист Уильям Ширер утверждал, ссылаясь на воспоминания внучки композитора:

«После спектакля фюрер казался очень взволнованным. Волнение его возрастало по мере того, как он пересказывал нам страшные новости… Он с трудом прогнал со своего лица выражение довольства и намеренно заказал, как обычно, обед в ресторане. “Я должен выйти показаться, – сказал он, – иначе люди подумают, что я к этому причастен”».

А вот его коллега Э. Бояджи в своей монографии «История шпионажа» утверждает, что фраза Фюрера звучала по-другому:

«Хорошо, что я нахожусь не в Вене, а то могут подумать, что я причастен к венским событиям».

Вне зависимости от того, что сказал Адольф Гитлер, историки единодушны – диктатор становился все мрачнее и мрачнее, когда узнавал последние новости из Вены. Сначала об аресте «заговорщиков», потом о начале следствия, а затем и реакции Бенито Муссолини. Достаточно сказать, что одна из итальянских газет написала на своих страницах: «Что они возомнили о себе, эти господа нацисты…». А пять итальянских дивизий находились на границе Австрии в Бреннеро[76].

Отто Скорцени в своих мемуарах сообщил следующее:

«Узнав о трагических событиях, он (Гитлер. – *Прим. ред.*) был изумлен и разъярен; одновременно он получил информацию о концентрации пяти дивизий Муссолини на перевале Бреннер и продвижении югославских войск к границе со Штирией и Каринтией.

“Добрый Господь, сохрани нас от наших друзей! – сказал Гитлер Герингу. – Это будет новое Сараево…”[77]».

Бой после победы

Несмотря на то что выступление национал-социалистов в Вене было подавлено, в провинции обстановка продолжала оставаться напряженной. Дело в том, что венские «заговорщики»

не могли управлять действиями своих коллег в регионах. Последние начали действовать, услышав передачу по радио. А вот правительственное сообщение о том, что путч подавлен, не смогло их остановить.

Наиболее затяжной и ожесточенный характер носили бои в Штирии, Каринтии и Тироле.

В Штирии восстание национал-социалистов началось в долине реки Эннс, куда была направлена правительством 41-я бригада горных стрелков.

Ожесточенные бои велись также за город Леобен. Мятеж там начался со сборища местной национал-социалистической организации, после чего вооруженные отряды мятежников стали занимать отдельные здания государственных учреждений, производя аресты среди чиновников и других лиц. Против них выступили армия и полиция. Вынужденные отступать, заговорщики забаррикадировались в евангелистской церкви, откуда обстреливали атакующих их солдат. Исчерпав все другие средства, армия открыла по мятежникам артиллерийский огонь и вынудила их капитулировать. В боях в Леобене было убито более 40 «бунтовщиков».

Продвижение правительственных войск по охваченной мятежом территории Штирии, Каринтии и Тироля в значительной мере затрудняли небольшие отряды мятежников, которые, используя гористую и лесистую местность, устраивали засады на военные колонны, неоднократно нанося им ощутимые потери.

Всю ночь с 26 на 27 июля шли ожесточенные бои на границе Штирии и Верхней Австрии. Окопавшиеся мятежники отразили несколько атак федеральных войск. И только когда армия применила артиллерию, они вынуждены были сдаться.

В Тироле путч начался с убийства в Инсбруке четырьмя молодыми нацистами капитана полиции Иоганна Хикля. Местная комендатура полиции тотчас же объявила боевую тревогу и заняла все государственные учреждения. На следующий день, 26 июля, на помощь мятежникам в Тироле пришел «Австрийский легион» из Баварии. Легионеры заняли австрийскую таможню в одной из приграничных местностей, откуда, однако, были вскоре вытеснены отрядами австрийской полиции. На третий день боев около 40 легионеров вновь пересекли австро-баварскую границу, но, встретив сопротивление австрийской пограничной охраны, вернулись в Третий рейх.

Исключительно ожесточенные бои происходили в Каринтии. В долине Дравы гитлеровцы овладели некоторыми населенными пунктами и взорвали два моста. Лишь вечером 26 июля сопротивление их было сломлено.

В Зальцбурге 28 июля вновь вспыхнули беспорядки, в связи с чем там было введено чрезвычайное положение, хотя в этот день по радио было передано правительственное сообщение за подписью министра Карвински о подавлении мятежа во всей стране.

В тот же день национал-социалисты вновь попытались вызвать беспорядки в Верхней Австрии, но полиция довольно быстро сорвала эту провокацию. Однако локальные стычки продолжались, в частности в Санкт-Фейте в Каринтии.

В этих длившихся несколько дней боях во всей Австрии погибло более 400 мятежников, а от пуль мятежников – несколько десятков солдат и полицейских. В общей сложности было убито свыше 500 человек и более полутора тысяч ранено.

Только 29 июля во всей Австрии воцарились спокойствие и порядок, хотя кое-где вспыхивали кратковременные беспорядки и столкновения.

Одна из последних крупных стычек произошла 1 августа в Каринтии, на австро-югославской границе, где правительственные части обнаружили довольно большую группу национал-социалистов, скрывавшуюся в горах. После короткого сражения армия вынудила их отступить на территорию Югославии, где они были интернированы. Югославские власти отобрали у них несколько станковых пулеметов, около 200 винтовок и множество пистолетов и ручных гранат. В целом в Югославии нашли убежище более 3 тыс. австрийских национал-социалистов.

Отто Скорцени в своих мемуарах написал: «в опубликованных официальных данных говорилось о 78 убитых и 165 раненых со стороны правительственных подразделений и о более чем 400 убитых и 800 раненых среди наших друзей»[78].

Следствие закончено, забудьте

Как уже говорилось выше, еще во время боев в Вене президент Австрии Вильгельм Миклас временно возложил руководство правительством на министра просвещения, одного из ближайших соратников Дольфуса, Курта фон Шушнига. Несколько дней спустя он был официально утвержден канцлером Австрии. Вице-канцлером по-прежнему оставался князь Эрнст Штаремберг[79].

Сразу после подавления путча началось следствие. Больше всего вопросов у правоохранительных органов было к майору Фею. В честности, ему в вину вменялось то, что во время боев за здание радиостанции «Раваг» и переговоров с мятежниками, захватившими дворец канцлера, он пытался найти какую-то

общую платформу, чтобы договориться с национал-социалистами. Также его упрекали в том, что после убийства Дольфуса он лично вел «переговоры» с руководителями боевиков, вместо того чтобы организовать в меру своих возможностей борьбу с ними. Ему не только разрешили чуть ли не свободно перемещаться по дворцу – он даже выходил на балкон вместе с мятежниками и как бы от их имени вел переговоры с Нойштедтером-Штюрмером и Карвински. На все эти обвинения у Фея был один ответ: я был узником террористов и действовал под дулами их револьверов.

Многие историки считают, что этот человек вел закулисную борьбу за власть, пытаясь сместить со своего поста канцлера. В качестве одного из доказательств истинности этой версии они приводят такой факт. В феврале 1934 года на страницах мировой печати появилась информация со ссылкой на британские источники, что майор Фей якобы вел переговоры с тогдашним вице-канцлером в правительстве Адольфа Гитлера Францем фон Папеном. Целью этих переговоров, как утверждали, было создание в Австрии нового кабинета без участия Дольфуса, в котором Эмиль Фей должен был занять пост вице-канцлера, а пост канцлера – один из руководителей австрийских национал-социалистов.

Второй аргумент – странности поведения этого человека во время самого путча. Вот что написал по этому поводу специальный корреспондент краковского «Илюстрированего курьера позеннего»:

«Ход переворота, жертвой которого пал д-р Дольфус, несмотря на процессы, приведшие убийц канцлера на виселицу, остается до сих пор тайной. В особенности недостаточно выяснена роль, которую в течение шести часов захвата путчистами дворца канцлера сыграл майор Фей…

Ясно одно, что д-р Дольфус, раненный двумя пулями в первые минуты путча, лежал, истекая кровью, без какой-либо помощи, в то время как его ближайший помощник и коллега по правительству, майор Фей, все это время свободно расхаживал по зданию, вел различные переговоры и после шести часов захвата национал-социалистами дворца вышел из него целым и невредимым».

Третий интересный факт. В результате обыска в апартаментах Антона фон Ринтелена был найден список членов нового австрийского правительства, которое предполагалось создать в случае удачи нацистского мятежа. В этом списке фамилии Эмиль Фей и Тео Хабихт как кандидатов, предполагаемых на посты вице-канцлеров, стояли рядом.

Сам обвиняемый в сотрудничестве с мятежниками в качестве

защиты избрал наступательную тактику. В августе 1934 года в политических кругах Вены активно обсуждали многочисленные резкие словесные перебранки между Феем, с одной стороны, и Штарембергом и Карвински – с другой. Последние открыто обвиняли его в том, что 25 июля он пошел на сотрудничество с гитлеровцами, предложив им свои услуги взамен за оставление его на прежнем посту в правительстве.

Понятно, что на основании изложенных выше фактов циркулирующие по столице страны слухи о том, что Эмиль Фей должен предстать за это перед Трибуналом Республики, имели реальное основание. Хотя этого так и не произошло. Основная причина заключалась в том, что обвиняемый пользовался полной поддержкой венского «Хеймвера». Это позволило ему прибегнуть к своего рода шантажу по отношению к своим коллегам из правительства Шушнига: если отдадите меня под суд и обвините в измене, то я подниму против вас тысячи прекрасно вооруженных людей. Дело дойдет до столкновения, результат которого трудно предвидеть.

Шантаж удался. Фей не предстал перед судом, и все на какое-то время утихло. Но это был не последний акт в жизни майора Фея. Эпилог наступил значительно позже[80]. После аншлюса Австрии нацистской Германией 15 марта 1938 года он был допрошен сотрудниками гестапо, но его оставили на свободе, и вечером он вернулся домой. На следующее утро он сначала застрелил жену и сына, а затем застрелился сам.

Охота на заговорщиков

А вот другим активным участникам мятежа повезло значительно меньше. После того как обстановка в стране стабилизировалась, власти начали крупномасштабное расследование. Перед созданным уже 26 июля 1934 года Советом министров Чрезвычайным военным трибуналом должны были предстать в первую очередь руководители нападения на дворец канцлера и радиостанции, а также шесть полицейских и девять жандармов из охраны этих зданий, которые помогли им проникнуть туда.

Чрезвычайный военный трибунал, состоящий из представителей армии и Верховного суда страны, под руководством полковника Кубина (прокурором был Туппы, а обвиняемых защищали несколько лучших адвокатов, симпатизирующих нацизму) приговорил Хольцвебера за государственную измену к смертной казни через повешение, а Планетта – тоже к смертной казни по той же статье за убийство. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Был также

повешен, согласно приговору, другой руководитель мятежа, Ханс Шаттерлох. К смертной казни приговорили тогда в общей сложности 13 из всех арестованных мятежников[81].

В Третьем рейхе Отто Планетта был причислен к лику «героев великой Германии». Его имя впоследствии было присвоено венскому полку СС[82].

Во время судебного процесса как Планетта, так и Хольцвебер пытались оспаривать обвинительный акт и лишь частично признали участие в событиях, которые привели к смерти канцлера Дольфуса. Но представленные прокурором доказательства были неопровержимыми. Главный свидетель обвинения, старый камердинер Дольфуса Хедвицек категорически заявил на суде, что именно Планетта два раза выстрелил в канцлера из пистолета.

Генерал-майор Вальтер Пуммерер, приглашенный судом военный эксперт, сообщил, что после разоружения мятежников во дворце было найдено с десяток винтовок, 69 пистолетов «Штэйр» калибра 9 мм и 1600 патронов. Все это указывало на организованный характер заговора. Стреляли только из двух пистолетов. Один из них принадлежал Планетта.

Другой судебный эксперт, доцент Отто Секей, также обвинил Планетта в убийстве канцлера, констатируя, что жертва умерла не в результате потери крови, а от пули, выпущенной из револьвера. Она прострелила шею в 6 см ниже уха и угодила в позвоночник, пробив спинной мозг. Ее выходное отверстие находилось вблизи лопатки. По мнению медика, рана была смертельной. Вряд ли бы политику помогла помощь самых лучших врачей. Можно было только продлить агонию либо облегчить страдания. Второй выстрел был не смертельным, однако у раненого начался медленный паралич позвоночника и ног.

Следствие, а затем судебное разбирательство показали, что заговорщики действовали в соответствии с полученными приказами и инструкциями. Руководителей заговора следовало искать среди тех, кто еще не был арестован во время мятежа[83].

Поэтому неудивительно, что уже в первые дни после путча в Вене и во всей Австрии начались аресты среди высших государственных чиновников, промышленников и высших офицеров регулярной армии и «Хеймвера».

Среди арестованных были руководители концерна «Альпине Монтангезельшафт». Эти люди открыто пропагандировали идеи национал-социализма в Австрии, создавая на всех своих предприятиях ячейки НСДАП, которые накапливали оружие и боеприпасы на случай вооруженного выступления. Этим оружием

воспользовались и во время путча 25 июля.

Начались «чистки» и в самих правоохранительных органах страны. Среди задержанных можно назвать директора департамента безопасности президиума столичной полиции Штайнхойзля и инспектора венской полиции Иоганна Гротцмана. А вот президент австрийской полиции Зейдль был вынужден подать в отставку. Этих людей обвинили в том, что своим бездействием они помогали мятежникам. Инспектор столичной полиции Карл Доблер покончил жизнь самоубийством. Его обвиняли в том, что, заранее предупрежденный агентами о готовящийся акции, он ничего не сделал для ее предотвращения.

Среди арестованных оказались, кроме того: генерал в отставке Отто Вагнер и надворный советник Иоганн Бём. Однако главные руководители путча – промышленник Вессенмайер, юрисконсульт и одновременно политический руководитель переворота Вехтер, а также Фридолин Гласс, военный руководитель путча, командир «89-го полка СС» – сбежали и благополучно добрались до Германии.

Антона фон Ринтелена во время лечения в одной из венских больниц после неудачной попытки самоубийства пытались выкрасть и вывезти в Германию, но безрезультатно. В марте 1935 года он предстал перед судом. Было доказано, что, после того как Бенито Муссолини отверг его план установления гитлеровской диктатуры в Австрии при поддержке Италии, он вступил в Риме в тесный контакт с эмиссарами Управления иностранных дел (АПА) НСДАП Альфреда Розенберга. Они одобряли этот план и должны были гарантировать ему пост канцлера в новом австрийском правительстве, сформированном после свержения Дольфуса. Организационной стороной путча занялись австрийские национал-социалисты, а Антон фон Ринтелен должен был служить «официальным прикрытием» их деятельности. Бывшего дипломата сочли виновным в совершении предъявленных ему преступлений, и Чрезвычайный трибунал Республики приговорил его к пожизненному заключению.

Впрочем, Антон фон Ринтелен в написанных им позднее «Воспоминаниях о пути Австрии» не скрывал своих политических связей с Адольфом Гитлером и своего решения всемерно способствовать аншлюсу[84].

Отто Скорцени изложил свою точку зрения на события, которые произошли после подавления вооруженного восстания. Вот что он написал в своих мемуарах:

«Многие деятели национал-социалистского движения смогли убежать в Германию. Тысячи менее везучих их товарищей и марксистов попали в концентрационные лагеря, образованные 23

сентября 1933 года канцлером Дольфусом, лицемерно называемые “лагерями административного интернирования”. Лагеря в Веллерсдорфе и находящемся недалеко от Граца Мессендорфе снискали мрачную репутацию. Более двухсот заговорщиков предстали перед военным судом, и вскоре они были казнены. Шестидесяти осужденным президент республики Вильгельм Миклас заменил смертную казнь на пожизненную каторгу.

Семерых руководителей национал-социалистов, среди них Франца Хольцвебера (командира группы, захватившей ведомство канцлера), а также Отто Планетта, Ханса Домеса, Франца Лееба, Людвига Майтцена повесили вместе с двумя молодыми членами “Шутцбунда” – Рудольфом Ансбоком и Йозефом Герла, у которых нашли взрывчатые материалы.

Масштаб репрессий, проводимых “авторитарной и христианской” диктатурой, сделала явной амнистия, объявленная в июле 1936 года преемником Дольфуса на канцлерском посту – фон Шушнигом; тогда было освобождено 15 583 политических заключенных»[85].

Дипломаты и шпионы из Третьего рейха

Адольф Гитлер решил действовать более изощренно и не доверять местным нацистам разработку плана государственного переворота. Из-за того, что большинство руководителей путча было арестовано или сбежало в Германию, пришлось привлекать молодежь. Многие будущие функционеры Третьего рейха именно в 1934–1938 годах сделали стремительную карьеру, пройдя путь от рядовых полков СС и членов НСДАП до руководящих постов в РСХА (Главное имперское управление безопасности) и партии. Например, Эрнст Кальтенбрунер.

Дипломат, диверсант или мишень

В Берлине к организации государственного переворота в Австрии был привлечен отставной сотрудник военной разведки – вице-канцлер Франц фон Папен. Принято считать, что этот политик все годы нахождения на государственной службе в Третьем рейхе сохранил лояльность по отношению к Адольфу Гитлеру. На самом деле он с момента прихода фюрера к власти делал все для продолжения своей политической карьеры. Он был не фанатичным нацистом, как это принято считать, а человеком, готовым на все для достижения своих целей.

До начала Первой мировой войны этот человек был офицером Генштаба, а с 1913 по 1915 год занимал должность германского военного атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность.

Существуют две диаметрально противоположные точки зрения о его достижениях в «тайной войне 1914–1918 годов». Одни говорят, что этот дипломат был организатором серии диверсий и актов саботажа на территории Соединенных Штатов Америки. А другие, наоборот, утверждают, что своими действиями Франц фон Папен только мешал «шпионам Кайзера», да и вообще достижения германской военной разведки были очень скромными.

Так, автор книги «Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке» Фридрих Румянцев утверждает, что ущерб от деятельности агентов Франца фон Папена составил около 150 млн долларов США. И именно специфичный опыт разведывательно-диверсионной работы военного атташе стал одной из причин его отправки в Вену[86].

А вот немецкий журналист Конрад Гейден, который в 1932 году перебрался из Германии в Китай и там написал книгу «История германского фашизма», так охарактеризовал

деятельность Франца фон Папена в США:

«…Там он не только себя скомпрометировал, но и стал посмешищем в глазах людей благодаря участию в политических заговорах против Соединенных Штатов, вступления которых в войну с полным основанием опасалось германское правительство. Ибо политические интриги, которые становятся известны всему свету из выкраденных папок, вызывают скорее смех, чем возмущение[87]».

К этим словам следует относиться осторожно, т. к. они были написаны ярым противником режима Адольфа Гитлера. Хотя в данной ситуации он недалек от истины.

Во время Первой мировой войны спецслужбы воюющих стран занимались организацией диверсий на кораблях противника и морских портах. С одной стороны, они технически легко реализуемы (агенту достаточно один раз побывать на «объекте» уничтожения), а с другой – их последствия ощутимы для пострадавшей державы.

При этом диверсанты Германской империи и ее союзников совершили больше диверсий, чем их коллеги из стран-противниц. По общему водоизмещению кораблей, потерянных в результате диверсий (153 400 т), это превышает потери англичан в морском сражении при Скагерраке в мае 1916 года (115 000 т). Эта «война во тьме» явила собой «блистательную победу одиночек над массой и над материей»[88].

Среди организаторов диверсий против стран Антаты следует назвать Луиджи Фидлера, который сотрудничал с военной разведкой Австро-Венгрии. В апреле 1915 года эта страна объявила войну Италии и занялась систематическим саботажем в тылу противника.

Луиджи Фидлер разработал план, согласно которому его агенты (снабженные фальшивыми документами) устроились на работу на итальянские верфи, угольные станции и другие военно-морские объекты. Им были вручены взрывные устройства, закамуфлированные под различные предметы: куски угля, нефтяных металлических бочек, упаковок с пищевыми консервами и т. п. Перед отправкой на задания члены «бомбового отряда» прошли необходимую подготовку. Среди успешных диверсий можно назвать: 27 сентября 1915 года погиб линкор «Бенедетто Брин» с 400 членами экипажа; в 1916 году диверсия на легком крейсере – судно получило незначительные повреждения; 2 августа 1916 года дредноут «Леонардо да Винчи» в результате двух взрывов затонул (погибло 200 членов экипажа и неустановленное число докеров) и др.

У британского флота тоже были потери. Как минимум пять

кораблей погибли от нарушения правил обращения со взрывчатыми веществами или рук немецких диверсантов. Никто не взял на себя ответственности за эти взрывы[89].

А что в это время происходило в нейтральных США, которые официально вступили в Первую мировую войну в 1917 году? По утверждению британского публициста Филлипа Найтли, в компетенции которого сложно усомниться, деятельность немецкой военной разведки («Nachrichtendienst» («НД»)) перед началом Первой мировой войны финансировалась очень скупо. Поэтому она должна была пользоваться услугами официальных лиц – военных атташе, дипломатов, консулов и иногда журналистов. Другой важный факт – она была ориентирована на деятельность против России и Франции. Даже Великобритания до 1914 года не была в списке интересов «НД». Считалось, что эта страна представляла лишь угрозу на море, поэтому ей должно заниматься лишь разведывательное подразделение германского флота. Вот только она финансировалась еще хуже, да и шпионаж противоречил традициям моряков[90].

Фактически в США не было агентурной сети немецкой военной разведки. Одна из причин заключалась в том, что после 1914 года «НД» не имела возможности засылать своих агентов на территорию США. Все возможные пути были перекрыты странами Антанты и их союзниками. Другая причина – немцы считали, что поскольку нет возможности проверить агентов из числа прогермански настроенных американцев, то и вербовать их не стоит, т. к. велика вероятность их подставы спецслужбами США с целью снабжения Германии дезинформацией.

После окончания Первой мировой войны руководитель «НД» майор Вальтер Николаи писал: «из всех воюющих сторон американцам меньше всего грозили действия немецкой разведки на ее территории».

А германский военный атташе занимался исключительно своими прямыми обязанностями – собирал сведения об американской армии и докладывал в Берлин обо всем, что смог узнать[91]. Роль в этом Франца фон Папена была минимальной – в 1915 году его выслали из США, а немецкая разведка попыталась активизировать свою деятельность лишь в 1917 году – накануне вступления Америки в войну.

Если не «шпионское» прошлое, то что тогда послужило причиной назначения в Австрию Франца фон Папена? Чем руководствовался Фюрер? Можно утверждать, что это решение было принято спонтанно, в силу неблагоприятной (на тот момент) международной обстановки для Германии.

Сам дипломат позднее вспоминал, что предложение выехать

в Вену поступило к нему поздней ночью 25 июля 1934 года. Его разбудил слуга и сказал, что с ним по телефону хочет поговорить сам Адольф Гитлер. Вот как звучала беседа между ними.

– Вы должны немедленно принять посольство в Вене! – приказывает Адольф Гитлер сонно бормочущему собеседнику.

– Как вы дошли сейчас до этой странной мысли? – спрашивает фон Папен. Тогда руководитель Третьего рейха коротко информирует ничего не подозревающего политика о событиях в Австрии.

– Ладно, но по телефону ночью я не могу решать такие вещи, – ответил фон Папен, выслушав новости.

– Тогда прошу вас, приезжайте завтра утром ко мне в Байрейт, – прощается фюрер.

А вот дальше происходит самое интересное. Вот как описал дипломат эту встречу в своих мемуарах:

«В ходе переговоров в Байрейте Гитлер сообщил мне, что я – единственно подходящий человек, который знаком с условиями и который может восстановить нормальные отношения. Гитлер знал, что я был в дружеских отношениях с убитым Дольфусом и также хорошо знаком с господином д-ром Шушнигом. Я сообщил Гитлеру условия: немедленно отозвать г-на Хабихта, посланного туда секретным подпольным уполномоченным партии. Гитлер возразил, что, если он это сделает, он этим признает ответственность за убийство Дольфуса. Я сказал, что мировое общественное мнение и так уже убеждено в его ответственности за это, и только при этом условии принимаю назначение. Гитлер на это согласился»[92].

Фактически получается, что фон Папен был назначен на пост в Вену из-за своих связей с руководителями страны. Как видим, его не планировалось использовать в качестве одного из активных участников тайной операции по подготовке аншлюса. Его миссия – успокоить руководство Австрии, и ему это удалось.

С собой в Вену дипломат привез письмо, подписанное Адольфом Гитлером. Вот текст этого документа:

«Многоуважаемый господин фон Папен.

В результате венских событий я был вынужден предложить президенту рейха отозвать германского посланника в Вене д-ра Рита, поскольку тот в связи с обращением австрийских федеральных министров и австрийских повстанцев выразил готовность дать согласие на заключение между этими двумя сторонами соглашения по вопросу пропуска и выезда повстанцев в Германию, не получив на это согласия правительства рейха. Тем самым посланник без каких бы то ни было оснований вовлек

немецкое правительство во внутренние дела Австрии.

Покушение на австрийского федерального канцлера, которое правительство рейха резко осуждает и по поводу которого выражает свое сожаление, обострило не по нашей вине и так трудную политическую ситуацию в Европе. Поэтому я хотел бы способствовать, если это только возможно, ее разрядке, а в особенности вывести давно омраченные немецко-австрийские отношения на нормальный и дружественный путь.

В связи с этим обращаюсь к вам с просьбой, многоуважаемый господин фон Папен, взяться за эту важную задачу, учитывая, что со времени нашего сотрудничества в кабинете Вы имели и имеете по-прежнему мое полное и безграничное доверие. Поэтому я предложил президенту рейха назначить Вас в чрезвычайном порядке германским посланником в Вене с одновременным выходом из состава кабинета рейха и освобождением от должности уполномоченного по делам Саарской области. На своем посту Вы будете подчиняться лично мне»[93].

Была и еще одна причина его назначения – ведь Франц фон Папен был не только профессиональным военным (вышел в отставку в 1919 году в звании подполковника), но и крупным политиком. В период службы в кайзеровской армии он успел послужить в Генштабе, повоевать в Первую мировую войну (командовал батальоном на Западном фронте), а также побывать в Палестине (в качестве офицера Генштаба был прикомандирован к турецким войскам).

Выйдя в отставку, он увлекся политикой, придерживаясь правой монархической ориентации. В двадцатые годы прошлого века – депутат прусского ландтага от католической партии «Центра»; примыкал к ее крайне правому крылу. С июня 1932 года – имперский канцлер. Возглавляемое им правительство многие называли «правительством баронов» – пятеро его членов были дворяне (бароны и графы), а еще двое – директора крупнейших корпораций. Правительство распустило рейхстаг, а 14 июня отменило декрет о роспуске нацистских полувоенных формирований. Затем фон Папен содействовал приходу Адольфа Гитлера к власти. Хотя утверждать, что он безоговорочно поддерживал Фюрера и его политическую программу, мы бы не стали. Просто в тот момент фон Папен считал Адольфа Гитлера оптимальной фигурой в качестве руководителя страны.

После того как нацисты пришли к власти 30 января 1933 года, фон Папен получил посты вице-канцлера и имперского комиссара Пруссии. Но в апреле 1933 года Адольф Гитлер назначил имперским наместником Пруссии себя и тем самым

лишил фон Папена второго поста.

Свое отрицательное отношение к Адольфу Гитлеру фон Папен впервые продемонстрировал 17 июня 1934 года в своей антинацистской речи, произнесенной в Марбургском университете. А 30 июня того же года, во время «Ночи длинных ножей», он был арестован. На свободу вице-канцлер вышел 2 июля 1934 года. На новый пост – руководителя специальной миссии в Вене – он был назначен 27 июля 1934 года[94].

С позиции внешней политики выбор Адольфа Гитлера был мудрым во многих аспектах. Новый дипломат был истинным католиком (напомним, что в Австрии церковь играла важную роль), лишь формально причастным к национал-социализму. Он находился в «оппозиции» к фюреру и чуть не погиб во время «чистки» 30 июня 1934 года[95]. В качестве доказательства сложных взаимоотношений между этими людьми процитируем письмо, которое фон Папен написал 4 июля 1934 года:

«Вчера, в 10 часов утра, я имел честь информировать Вас устно относительно моего отношения к событиям последних дней, после того как меня освободили из-под ареста в 9 часов вечера 2 июля. Я тогда заявил Вам, что не могу более занимать своего поста в кабинете до тех пор, пока не будет реабилитирована моя честь и честь моих сотрудников.

30 июня пять моих сотрудников были арестованы, и один из них был расстрелян. Мои досье были конфискованы, моя канцелярия опечатана, а мой личный секретарь также арестован. Это положение продолжается и по сегодня.

Такого рода поведение в отношении второго в стране государственного чиновника может быть оправдано только в том случае, если он и его сотрудники виновны в соучастии в заговоре против фюрера и государства. В интересах защиты не только моей лично чести, но и в еще большей степени ради сохранения авторитета и доброго имени государства нужно или немедленно доказать мою виновность в этом деле, или же реабилитировать меня. И затем Вы пишете: “Эти события стали известны за границей частично в извращенном виде… Поэтому нельзя терять ни часу времени”. Вы обращаетесь к его солдатскому чувству чести и просите, чтобы это дело было передано генеральному прокурору или чтобы было опубликовано коммюнике, в котором бы говорилось… “что” проведенное расследование показало, что нет никаких доказательств какой-либо причастности к заговору, и тем самым была бы полностью восстановлена моя честь и честь моих сотрудников. Если Вы не пожелаете принять этих мер, мое дальнейшее пребывание в кабинете станет невозможным. Уже 18 и 19 июня я предоставил свою канцелярию в Ваше распоряжение,

канцлер. Теперь я с еще более легким сердцем могу просить Вас об отставке, потому что работа, начатая нами вместе 30 января 1933 г., уже, по-видимому, находится вне опасности от дальнейших покушений. Одновременно я прошу освободить меня от исполнения обязанностей уполномоченного по Саарской области. Я надеюсь, что Вы осуществите свое решение о реабилитации моей чести, что я Вас прошу сделать в течение нескольких ближайших часов. Я остаюсь всецело преданным Вам и Вашей деятельности на благо нашей Германии»[96].

В мире мало кто знал тогда о существовании этого письма. Для всех Франц фон Папен был человеком, находящимся в «оппозиции» к Адольфу Гитлеру. Он действительно стал проявлять нелояльность к фюреру, только не в начале, а в конце тридцатых годов прошлого века. Из-за этого у него появились враги не только в Берлине, но и… в Москве.

По утверждению сотрудника СД Вильгельма Хеттля, к числу тех, кто желал смерти Франца фон Папена, относился его начальник Гейдрих, который охотился за высокопоставленным дипломатом. По приказу Гейдриха в Вене сотрудники СД похитили, а затем и убили одного из советников бывшего канцлера – фон Кеттелера[97]. В конце апреля 1938 года труп был выловлен в Дунае у границы с Чехословакией[98]. По утверждению Вильгельма Хеттля, один из сотрудников СД постоянно следил за дипломатом[99].

Возможно, эту историю можно «списать» на интриги внутри руководства Третьего рейха, если бы не один малоизвестный факт. По утверждению уже упоминавшегося выше историка Фридриха Румянцева, в распоряжение Франца фон Папена попало досье на Адольфа Гитлера, которое вел австрийский канцлер Курт фон Шушнинг. С этим документом дипломат поступил своеобразно. Сначала сделал копию и микрофильм, с двумя курьерами Кеттелером и Каганеком отправил в Швейцарию, где спрятал в один из банков. А только затем сам документ на самолете был отправлен в Берлин[100].

А вот в Москве осенью 1941 года было принято решение об убийстве немецкого посла в Турции Франца фон Папена. Одна из причин такого неординарного решения – его попытка проведения сепаратных переговоров. В июне 1941 года в Анкаре он встретился со своим британским коллегой Хью Нэтчбулл-Хьюгессеном, где обсудил возможность создания общей для Германии, США и Англии группировки против большевистской России. Англичанин поддержал эту идею, а следом за ним и его британский коллега – Дж. Макмэррей. Франц фон Папен доложил в Берлин о достигнутых успехах, но министр иностранных дел

Риббентроп ответил не сразу, ожидая успехов на Восточном фронте. А в конце июля 1941 года всем трем послам было приказано «не обсуждать» с иностранными дипломатами вопрос «о мирных предложениях Германии». Просто руководители Англии и США были против сепаратных переговоров, а руководитель германского МИДа испугался, т. к. шаги Франца фон Папена попали в турецкую прессу[101].

Франц фон Папен продолжил свою деятельность в сфере зондирования возможности проведения переговоров с Англией и США о сепаратном мире самостоятельно (скрыв это от Берлина). Дело в том, что в случае устранения от власти Адольфа Гитлера он мог занять один из ключевых постов в Третьем рейхе.

В начале 1942 года советской разведкой была получена информация о том, что близкий к этому дипломату немецкий офицер от имени оппозиционной группы «Германия без Гитлера, но с военным правительством» предложил англичанам следующие условия мира:

Британская империя сохраняется в неприкосновенности;

Германия выводит войска из Чехословакии и Польши, оставив в их районе коридор, соединяющий ее территорию с Данцингом, и в районе Катовиц;

государства Восточной Европы восстанавливаются в довоенных границах;

Прибалтийские государства объявляются самостоятельными;

на этих условиях достигается договоренность и с СССР[102].

В Москве проблему нейтрализации инициатора сепаратных переговоров попытались решить специфично. Франца фон Папена решили… убить. Поручили выполнение этого задания сотрудникам Четвертого (диверсионного) управления НКВД, которым руководил Павел Судоплатов. Основная задача этого подразделения – разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов[103]. В силу ряда причин немецкий дипломат не пострадал при покушении[104]. Вот так Москва иногда решала задачу по срыву сепаратных переговоров.

Хотя инцидент не повлиял на решимость Франца фон Папена продолжить контакты с Западом. В этой ситуации резидентуры НКВД в Турции приходилось лишь докладывать в Центр о содержании бесед немецкого дипломата и его британских коллег[105].

Все это произошло позднее. А в начале тридцатых годов прошлого века Франц фон Папен сохранял верность режиму. Более того, он был готов оставаться на посту вице-канцлера до сентября 1934 года, а потом перейти в Министерство

иностранных дел. При двух условиях: Адольф Гитлер объявит о его невиновности, и будет проведено расследование обстоятельств гибели его сотрудников. Вот и все требования. Мог ли их выполнить фюрер в обмен на лояльность профессионального политика и шпиона? Мог, хотя ему не потребовалось делать это. Вот цитата еще из одного письма Франца фон Папена Адольфу Гитлеру, датированного 11 июля 1934 года:

«Глубокоуважаемый господин имперский канцлер!

Я долго размышлял о нашем вчерашнем разговоре и о заявлении, которое Вы сделали, и, в частности, о том, что Вы сказали в связи с Вашими намерениями, касающимися Вашего выступления в рейхстаге. Я не перестаю думать об огромной важности этой речи и о ее особом влиянии на положение Германии также и в сфере внешней политики. И поэтому чувствую необходимость и фактически считаю своим долгом сообщить Вам мое мнение, как я часто делал это прежде, в связи с другими случаями.

Вы объяснили мне вчера, что Вы собираетесь публично взять на себя ответственность за все, что случилось в связи с подавлением бунта СА. Разрешите мне сказать, что я считаю это намерение проявлением мужества и гуманности. Подавление бунта и Ваше смелое и твердое вмешательство, конечно, будут встречены полным признанием во всем мире. Однако в настоящее время бременем для Германии являются события, которые произошли помимо Вашей собственной инициативы и без всякой непосредственной связи с этим бунтом. Вы сами приводили примеры этого. Об этом писали, в частности, в британской и американской прессе.

Разрешите мне еще раз заверить Вас, что лично я и мое положение, за исключением восстановления моей личной чести, не играют более никакой роли и имеют значение лишь постольку, поскольку события в Ведомстве вице-канцлера 30 июня рассматриваются общественностью как следствие разрыва между Вами и мной…»[106].

Тем самым Франц фон Папен продемонстрировал свою лояльность нацистскому режиму. В свою очередь, Адольф Гитлер был так же заинтересован в сотрудничестве с вице-канцлером. Выше мы уже назвали одну из причин – связи политика и дипломата в Вене. Другая причина заключалась в том, что после «ночи длинных ножей» отношение к Германии в мире было напряженным, и вождю Третьего рейха требовалась поддержка бывшего канцлера Германской империи, «католика из старинной

семьи», который пользовался большим уважением среди католического населения страны.

Окончательной датой примирения можно считать 13 июля 1934 года. Вот фрагмент из письма фон Папена, написанного в этот день:

«…Я прошу Вас, по личным причинам, разрешите мне отсутствовать на заседании рейхстага. Вчера Вы придерживались того мнения, что мое отсутствие может создать впечатление, что между нами существуют разногласия. Но подобное впечатление не создастся, если Вы в своей речи сошлетесь на случай в Ведомстве вице-канцлера в той форме, в какой Вы это мне обещали. Я вел себя в течение всех этих дней по отношению к внешнему миру весьма замкнуто и старался показываться как можно реже. И Вы, конечно, поймете, что я не хочу появляться в общественных местах до тех пор, пока с меня не будет снята даже тень подозрения…»[107].

А в письме, написанном на следующий день, он окончательно капитулировал:

«Глубокоуважаемый канцлер!

После того как Вы вчера сделали перед нацией и всем миром Ваш великий отчет о внутреннем положении и о событиях, которые привели к 30 июня, я чувствую, что мне хочется пожать Вам руку, как я это сделал 30 января 1933 г., и поблагодарить Вас за все то, что Вы дали германскому народу, подавив в зародыше вторую революцию, провозгласив непреложные принципы государственного мужа. Трагические и печальные обстоятельства помешали мне впервые, начиная с 30 января, быть рядом с Вами. Вы сами разрешили мне отсутствовать и проявили понимание того, что вице-канцлер не может занять свое место на министерской скамье, если он подвергается особому обращению (досье, конфискованные у меня, все еще не возвращены мне, несмотря на указания Геринга и Ваши собственные). Ваши заявления ясно показали истории, что какое-либо подозрение в связях между мной и этим предательским заговором являлись преднамеренной клеветой и злословием. Я благодарю Вас за это заявление. Затем, после того как Вы пишете, что люди все еще верят этому, в предпоследнем абзаце Вы заявляете: “Поэтому я был бы Вам особенно признателен, если бы Вы с определенностью заявили при удобном случае, что до сегодняшнего дня я преданно стоял рядом с Вами и сражался за Вас, за Ваше руководство, за Вашу деятельность на благо Германии”»[108].

Понятно, что такого преданного чиновника было бы

неразумно отправлять в отставку. Ведь он мечтал о карьере при новом режиме. Выбор министерства иностранных дел был не случаен. Только там бывший политик мог реализовать себя. А учитывая его знание особенностей «тайной дипломатии» и шпионажа, он прекрасно подходил на роль официального представителя Германии в Австрии.

Разумеется, дело было не только в его «личных знакомствах» с представителями политической и бизнес-элиты Австрии и профессиональных навыках. При необходимости Адольф Гитлер мог спокойно пожертвовать этой «фигурой» в прямом смысле этого слова. По утверждению самого фон Папена (ссылается на результаты обыска австрийской полиции 25 января 1938 года в помещении руководящего комитета местных национал-социалистов), существовал план, который предусматривал его убийство – как повод для вторжения Вермахта в страну[109].

Подготовка к новому путчу

Почти сразу же после приезда в Вену фон Папен встретился с поверенным США в Австрии Джоном Мессерсмитом. В августе 1945 года американский дипломат в письменных показаниях, данных на Нюренбергском процессе, так опишет беседу:

«Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он встретил меня словами: “Теперь Вы у меня в миссии, и я могу направлять наш разговор”. В самой наглой и циничной форме он затем заявил мне, что вся юго-западная Европа до границ Турции представляет собой естественный тыл Германии и что он облечен полномочиями облегчить экономический и политический контроль Германии над всей этой территорией.

Он совершенно прямо и откровенно сказал мне, что контроль над Австрией будет первым шагом. Он определенно заявил, что находится в Австрии для того, чтобы ослабить и подорвать австрийское правительство и действовать из Вены таким образом, чтобы ослабить другие государства на юге и на юго-западе. Он сказал, что так как он пользуется репутацией хорошего католика, то он намеревается использовать ее для того, чтобы приобрести влияние на некоторых австрийцев, таких как кардинал и другие. Он сказал, что он говорит мне это потому, что германское правительство с целью приобретения контроля над Западной Европой намерено идти на все и что нет ничего, что могло бы остановить его на этом пути, а также что наша политика и политика Франции и Англии не строится на учете реального положения вещей…»[110].

Реакция американца была предсказуемой – он был поражен услышанным. Причем даже не самой идеей, а тем, что немец так

откровенно и цинично рассказал о планах Берлина. Собеседник непринужденно улыбнулся и ответил, что их разговор останется между ними и они оба не будут говорить так откровенно об этом с другими.

Сейчас мы уже не узнаем, как отнеслись в Вашингтоне к сообщению из Вены. Возможно, его просто проигнорировали. Когда Джордж Мессерсмит занимал пост помощника Государственного секретаря США, то писал 11 октября 1937 года, что планы германских фашистов сводятся к следующему: захват Австрии и Чехословакии; установление господства Германии в Юго-Восточной Европе; захват Украины; изоляция России; постепенное расчленение Британской империи; наконец, действия против США. К его мнению не прислушались. Министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос даже не скрывал во время встречи со своим советским коллегой – Максимом Максимовичем Литвиновым 6 ноября 1937 года, что США толкают Францию на соглашение с Германией. Такая позиция Вашингтона объяснялась тем, что, как признал в своих воспоминаниях заместитель государственного секретаря США Саммер Уэллес, осенью 1937 года в Соединенных Штатах господствовало убеждение, что Гитлер не начнет войны против западных держав, пока он не уничтожит своего истинного врага – СССР[111].

Этот эпизод можно считать проявлением излишнего служебного рвения немца. Дипломат случайно или намеренно раскрыл планы своего правительства. На самом деле фон Папен не был просто исполнителем замыслов Адольфа Гитлера, как его пытаются представить советские журналисты и историки. В своем отчете от 1935 года, который мы уже цитировали выше, есть интересный абзац, который развивает этот разговор:

«Великая историческая речь фюрера 21 мая этого года, а затем морское соглашение значительно ослабили напряжение во внешней политике в отношении Англии. Но ясно и окончательно определившееся отношение национал-социализма к советской государственной доктрине, естественно, удвоило франко-русские попытки помешать нашему проникновению на восток и юго-восток, в то же время не приведя к ослаблению напряжения и в других направлениях, путем явного отказа от включения или аннексии Австрии. Все попытки вновь образованной Третьей империи вести экономическое, в особенности политическое, наступление на юго-восточную Европу немедленно сталкивались с фронтом, образованным всей Европой…

Этот реалистический обзор европейского положения непосредственно показывает, что германо-австрийская проблема

не может быть, по крайней мере в ближайшем будущем, успешно разрешена с точки зрения внешней политики.

Мы должны в настоящее время довольствоваться тем, чтобы международное положение Австрии не ухудшилось, имея в виду разрешение проблемы в будущем. В этой связи опасность пакта о невмешательстве и двустороннего пакта может быть успешно предотвращена. Окончательное оформление этого решения зависело и зависит лишь от формы германо-австрийских отношений и ни от чего более»[112].

Да и на Нюренбергском процессе он подтвердил тот факт, что был одним из авторов идеи экономического и политического наступления на юго-восток Европы. Другое дело, что Третий рейх в 1935 году не располагал необходимыми ресурсами, да и сопротивление со стороны остальной Европы было бы очень сильным.

При этом, как и Адольф Гитлер, он отводил Австрии особое место в своих планах. Снова обратимся к его отчету от 18 октября 1935 года:

«Немецкий народ в течение веков шел по пути страданий, для того чтобы добиться единства. На заре национал-социализма и при создании Третьей империи путем окончательного уничтожения всякого государственного партикуляризма появилась единственная неповторимая возможность закончить работу Бисмарка и приблизить разрешение проблемы отношений между Германией и Австрией и сделать это в результате динамического развития событий внутри Германии»[113].

Подрывная работа Третьего рейха в Австрии после провала мятежа 25 июля 1934 года стала более активной. Например, осенью 1934 года лидер местных национал-социалистов инженер Рейнталер стал ежемесячно получать 200 тыс. марок.

Граница становилась все более и более «прозрачной». Туда и сюда непрерывно сновали агенты СД, гестапо и НСДАП. Полицейские службы Австрии были парализованы. Вот как объяснял это американский посол в Вене Джордж Мессерсмит в своем докладе в Госдепартамент:

«Перспектива захвата власти нацистами не позволяет властям проводить по отношению к ним эффективные полицейские и судебные действия из боязни репрессий со стороны будущего нацистского правительства против тех, кто, пусть даже правомерно, принял бы против них меры».

Подрывная деятельность еще больше усилилась в результате создания «Союза восточных форпостов» под контролем Глайзе-Хорстенау, который стал министром внутренних дел. С этого времени нацисты сконцентрировали все усилия на том, чтобы

поставить своего человека во главе австрийской сыскной полиции. Они оказывали на австрийское правительство и на население «медленно усиливающееся психологическое давление», как выразился по этому поводу фон Папен[114].

А через год после своего назначения на пост полномочного министра он написал в своем отчете в Берлин:

«Надежда на то, что личные переговоры между фюрером и рейхсканцлером, а также главою итальянского государства приведут к урегулированию германо-итальянских разногласий, перешла в свою противоположность, поскольку Муссолини после убийства своего друга Дольфуса занял угрожающую позицию и поскольку была проведена частичная мобилизация итальянских войск на Бреннере. Стало совершенно ясно, что попытки восстановить с Германией дружественные и нормальные отношения путем посылки меня в Вену были тогда невозможны, после событий недавнего времени. Недоверие к насильственным методам австрийской национал-социалистской партии, поскольку становилось все более и более ясным из прошедших судов, что она находится под влиянием руководящих германских деятелей, было слишком сильным. Впечатление, произведенное террористическими методами, а также смерть федерального канцлера все еще живы в памяти у широких слоев»[115].

Дипломат фон Папен доказал, что Адольф Гитлер не ошибся в своем выборе. Например, 11 июля 1936 года было подписан германо-австрийский договор. Статья 3 этого договора подчиняла рейху австрийскую внешнюю политику, а секретный пункт «В-9» предусматривал участие в будущем правительстве Австрии представителей формально все еще нелегальной, хотя действующей почти официально австрийской НСДАП. Кроме того, в соответствии с постановлениями договора статс-секретарем по иностранным делам Австрии стал Гвидо Шмидт, известный своими нацистскими взглядами[116].

Еще одним практическим результатом договора от 11 июля 1936 года стала объявленная 23 июля того же года амнистия. Благодаря ей на свободу вышло 17 045 нацистов. Например, из 46 приговоренных к пожизненному заключению за терроризм покинули тюрьму 13 осужденных. А всего, по официальным данным по состоянию на 16 января 1937 года, число амнистированных нацистов составило 18 684 человека.

Хотя этого лидерам австрийских нацистов Фридриху Райнеру и Одило Глобочнику было мало. Они хотели немедленного аншлюса. Фюрер во время личной встречи с ними 16 июля 1936 года объяснил, что ему важно сохранить дружеские отношения с Италией, что необходимо реорганизовать германскую армию,

увеличить ее офицерский корпус. Для этого необходимо два года; только после этого «можно будет делать политику»[117].

А в конце 1936 года, в объемном докладе Фюреру, Франц фон Папен указывал о достигнутых в этом направлении успехах. Об этом же он сообщал в своем докладе годом позже, замечая, что «дальнейшие успехи в этом деле могут быть достигнуты только путем сильнейшего давления на федерального канцлера Шушнига». Этот совет, в котором вряд ли кто нуждался, был вскоре претворен в жизнь, причем настолько буквально, что даже фон Папен не мог этого предположить.

Хотя и само австрийское правительство содействовало росту популярности национал-социализма в стране. Приехавший в декабре 1936 года корреспондент французской газеты «Herald» американец Уильям Ширер записал в своем дневнике:

«Мы прекрасно устроились в апартаментах на Плессльглассе, рядом с дворцом Ротшильда. Хозяева, евреи, для большей безопасности переехали в Чехословакию, хотя здесь Шушниг, кажется, полностью контролирует ситуацию. Но Вена ужасно бедна и подавлена, по сравнению с нашим последним в ней пребыванием с 1929-го по 1932 год. Рабочие угрюмы, даже те, у кого есть работа, и на каждом углу можно видеть нищих. Немногие имеют деньги и тратят их в ночных клубах и немногочисленных фешенебельных ресторанах, таких как «Три гусара» и «Ам Францискаренплац». Контраст болезненный, и существующий режим не устраивает народные массы, которые намереваются либо вернуться в свою старую социалистическую партию, которая действует в подполье, либо перейти на сторону нацизма…»[118].

В феврале 1937 года в Вене с согласия Курта фон Шушнига был образован так называемый «Комитет семи», являющийся в действительности руководящим органом австрийской НСДАП, который, в свою очередь, создал свои филиалы на местах. Во главе Комитета встал Тавс, которого близкие ему лица называли «гауляйтером» Австрии. Он был правой рукой руководителя австрийских нацистов капитана Леопольда, который исключил из австрийской НСДАП Одило Глобочника. Резиденция Комитета располагалась в роскошном доме на Тайнфальтштрассе. Вначале работа Комитета концентрировалась на помощи гитлеровцам, освобожденным из тюрем. Однако вскоре он развернул активную политическую деятельность – легальную и конспиративную. Хотя австрийские власти отдавали себе отчет в том, с какой целью была создана организация Тавса, однако, не желая раздражать Берлин, смотрели на ее деятельность сквозь пальцы.

Австрийское правительство, пытаясь избежать конфликта с

Третьим рейхом, старалось установить контакт с австрийскими национал-социалистами, чтобы включить их в «Отечественный фронт», разумеется, при условии полного соблюдения основных установок этой политической партии и принципов независимости Австрии. Одна из групп местных нацистов выразила мнимое согласие на это предложение, видя в этом шанс для раскола Фронта изнутри, главной массовой опоры правительства Шушнига. В связи с этим в «Отечественном фронте» были созданы специальные отделы по связям с австрийским НСДАП, которыми руководили два видных деятеля нацистского движения в стране – Отто Пембауер и Артур Зейсс-Инкварт. Последний вскоре был назначен членом Государственного совета.

Используя всячески легальные возможности, гитлеровцы ни на минуту не прекращали подпольной деятельности. В небольших кафе IV округа Вены все чаще проходили нелегальные собрания гитлеровских ячеек, так называемой Комиссии.

В течение 1937 года австрийские нацисты, подстрекаемые и финансируемые из Берлина, усилили кампанию террора в стране. Почти каждый день рвались бомбы, в горных районах многочисленные и часто буйные демонстрации национал-социалистов ослабляли положение правительства. Были раскрыты заговоры, ставящие целью свержение Шушнига.

Обеспокоенная этим, австрийская полиция произвела многочисленные аресты среди членов Комиссии. И всегда следы вели к конторе д-ра Тавса, которого вскоре тоже арестовали. Следствие показало, что большинство сотрудников его конторы набиралось из членов прославившегося участием в путче 25 июля 1934 года «89-го штандарта СС».

Сейчас сложно сказать, как повлияли эти мероприятия на решение Адольфа Гитлера провести аншлюс в течение ближайшего года. В Рейхсканцелярии 5 ноября 1937 года состоялась тайная встреча членов германского правительства, в которой приняли участие Адольф Гитлер, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными силами генерал Вернер Фрич, командующий военной авиацией Герман Геринг, командующий военно-морским флотом адмирал Эрих Редер, министр иностранных дел Константин фон Нейрат[119]. Так получилось, что большинство участников этого совещания в течение года лишилось своих постов. Основная причина отставок была в том, что они не разделяли слишком агрессивную внешнюю политику Третьего рейха.

Через несколько дней после этого совещания чиновник американского Госдепа Уильям Буллит встретился с Германом

Герингом. В своем меморандуме госсекретарю об итогах этой беседы он написал по поводу заявления собеседника о том, что Германия и Австрия могут быть объединены мирным путем:

«…Я спросил Геринга, имеет ли он в виду решение Германии аннексировать Австрию. Он ответил, что это является целью германского правительства. Германия не проводит этой аннексии только лишь вследствие определенных политических обстоятельств, главным образом из-за отношений с Италией. Союз Австрии, Венгрии и Чехословакии будет абсолютно неприемлемым для Германии – такое соглашение послужит немедленным предлогом для войны…»[120].

Осенью 1937 года соотношение сил на международной арене заметно изменилось в пользу Адольфа Гитлера. Бенито Муссолини, который в июле 1934 года категорически возражал против аншлюса, уже не мог встать на защиту своих австрийских союзников. Завоевание Абиссинии в 1935–1936 гг. и отправка вооруженных добровольцев в Испанию в помощь Франко прочно привязали фашистскую Италию к нацистской Германии и поставили ее в значительную зависимость от Берлина.

Уже в 1936 году Бенито Муссолини в беседе с немецким послом в Риме Ульрихом фон Хасселем заявил, что «в принципе, признает немецкий характер Австрии и необходимость того, чтобы она стала сателлитом своего старшего брата…».

Гитлер не ожидал также серьезного сопротивления в этом вопросе и со стороны Англии и Франции, которые постоянно уступали ему, желая обеспечить свою безопасность путем направления экспансии Германии на Восток, против СССР.

Определенное значение для ускорения реализации планов аншлюса имело заявление английского министра лорда Эдуарда Галифакса, сделанное во время беседы с Гитлером 19 ноября 1937 года в Берлине. Галифакс отметил, что, за исключением колониального вопроса, в отношении которого существуют разногласия между Великобританией и Германией, «все остальные проблемы… касаются изменений европейского порядка, которые рано или поздно, по-видимому, произойдут. К этим проблемам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия».

Отставка в феврале 1938 года министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена, единственного человека в британском правительстве, склонного противодействовать политике фашистских и нацистских агрессоров, явившаяся реверансом британских правящих кругов в сторону Берлина и Рима, ускорила реализацию планов Гитлера в отношении аншлюса. Предложение британского премьера сэра Невилла Чемберлена, чтобы гарантом независимости Австрии был Третий

рейх, означало, что Великобритания ни в коей мере не намерена выступать в защиту Республики.

Готовясь к захвату Австрии, Адольф Гитлер произвел необходимые изменения в правительстве и командовании армии. Он снял с ответственных постов всех, кто считал его планы преждевременной авантюрой, чреватой вооруженным конфликтом в мировом масштабе, что из-за неготовности Германии к войне могло привести к ее поражению.

4 февраля 1938 года с поста министра иностранных дел рейха ушел умеренный политик Константин фон Нейрат. Его место на Вильгельмштрассе занял безгранично преданный Гитлеру нацист Иоахим фон Риббентроп. В тот же день в результате тщательно продуманной провокации в отставку были отправлены военный министр генерал-фельдмаршал Вернер фон Бломберг и главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник Вернер фон Фрич. В целом кадровые изменения и перестановки в немецком командовании затронули 49 генералов. Верховным главнокомандующим армии стал Адольф Гитлер, а его ближайшими помощниками – генералы Вальтер фон Браухич и Вильгельм Кейтель. Было ликвидировано военное министерство и создано Верховное командование вермахта (Oberkommando der Wehrmacht, OKW)[121].

А в самой Австрии события развивались по сценарию, который был предсказуем.

В начале января 1938 года Зейсс-Инкварт, официально занимавший пост референта в «Отечественном фронте», жаловался групенфюреру СС Кеплеру, уполномоченному НСДАП по австрийским вопросам (официальный сотрудник германского посольства в Австрии), что он будет вынужден уйти из этой организации, так как Курт фон Шушнинг не в чем ни идет ему навстречу. «Дипломат» запросил мнение Германа Геринга и получил указание: политику оставаться на своем посту, а если тот не может, то должен немедленно прибыть в Берлин для доклада[122].

Полицейское расследование деятельности национал-социалистов подошло к своему логическому завершению – выявлению связей местных нацистов с Берлином. В том, что это будет доказано, в Австрии мало кто из осведомленных людей сомневался. Хотя обнародование результатов превзошло все ожидания.

Скандал разразился 25 января 1938 года. Австрийская полиция произвела обыск в штаб-квартире так называемого «Комитета семи», который официально занимался выработкой условий перемирия между национал-социалистами и

австрийским правительством, а на самом деле являлся центром антиправительственного подполья. Там были найдены документы, подписанные Рудольфом Гессом, заместителем Адольфа Гитлера по НСДАП, из которых становилось ясно, что местные нацисты весной должны были поднять восстание, а в случае попытки Курта фон Шушнига его подавить германская армия должна была вступить на территорию Австрии, чтобы «немцы не проливали немецкую кровь».

По словам Франца фон Папена, там был и документ, в котором планировалось его убийство (или убийство военного германского атташе генерал-лейтенанта Вольфганга Муффа) местными нацистами, чтобы создать повод для германской интервенции.

Понятно, что если такой план реально был, то посол вряд ли был доволен его существованием. Еще больше огорчил его звонок из берлинской канцелярии 4 февраля 1938 года. Статс-секретарь Ганс Ламмерс сухо уведомил фон Папена, что его специальная миссия в Вене закончилась, а сам дипломат уволен с государственной службы.

А вот дальше происходит череда событий, которая по-разному трактуется различными журналистами и историками.

Согласно версии, которая была распространена в СССР, дипломат уехал в Берлин по личному вызову Адольфа Гитлера якобы получить инструкции о том, что делать дальше. Их не смущал тот факт, что накануне поездки чиновнику объявили о том, что он уволен с государственной службы. Нужно помнить и том, что как раз в начале февраля 1938 года произошла смена руководителя Императорского министерства иностранных дел. И увольнение Франца фон Папена, который чуть не стал жертвой национал-социалистов, просто отправили в резерв, как его начальника в Берлине.

Согласно версии авторов книги «Адмирал Канарис – “железный” адмирал» Александра Волкова и Станислава Славина:

«Некоторые историки утверждают, что Гитлер решил аннексировать Австрию, чтобы отвлечь военных от скандалов с их бывшим руководством. Это не так. Кризис в Австрии спровоцировал человек, который когда-то помог Гитлеру прийти к власти, а теперь стал одной из жертв той перестановки кадров, что разразилась 4 февраля: Франц фон Папен, германский посол в Вене, узнав, что его увольняют, решил во что бы то ни стало отстоять свое теплое местечко. Он побывал у Гитлера и плакался перед ним: его отзывают в тот момент, когда он убедил федерального канцлера Австрии Курта фон Шушнинга пойти на тесное сближение с рейхом.

Фюрер внимательно выслушал его. Он всегда умел извлечь пользу из таких слезливых просьб, поэтому вернул Папена в Вену с наказом побыстрее подготовить визит Шушнинга…»[123].

Через несколько дней Франц фон Папен вернулся в Вену и привез приглашение Курту фон Шушингу посетить резиденцию Адольфа Гитлера. Сначала канцлер колебался, ехать или нет. После целой серии консультаций по телефону с Парижем, Лондоном и Римом он понял, что выбора у него нет – надо принимать приглашение фюрера. Огромная внешнеполитическая работа, проделанная Берлином, принесла свои результаты. Франция и Англия решили «отдать» Австрию Третьему рейху. Чуть позднее они точно так же пожертвуют Чехословакией и Польшей. Так звучит официальная версия советских историков.

Хотя на деле все происходило немного по-другому. После войны Курт фон Шушнинг напишет в своих мемуарах:

«В начале 1938 года г-н Папен прощупал меня относительно того, как мы реагировали бы на вероятное приглашение к Гитлеру, в Берхтесгаден. Я заявил, что, в принципе, у нас нет возражений. На это Папен заметил, что, как бы ни сложилась беседа, это никоим образом не может привести к ухудшению положения австрийского правительства. В худшем случае, сказал он, если не удастся достигнуть никакого прогресса, все останется по-старому».

Проходит еще какое-то время, и канцлер получает официальное приглашение посетить Германию. В субботу 12 февраля 1938 года утром Курт фон Шушниг в сопровождении личного адъютанта генерал-лейтенанта Бартля и австрийского статс-секретаря по иностранным делам Гвидо Шмидта отправился на автомашине в Берхтесгаден. Улыбающийся фон Папен встречает их у пограничного КПП на австрийско-германской границе. Германские пограничники приветствуют их поднятием руки. «Фюрер уже ждет вас. Он в отличном настроении…» – начинает разговор фон Папен. Немного подождав, как будто совсем вскользь, он замечает: «Надеюсь, у господ не будет возражений против того, что в гостях у фюрера как раз сейчас случайно находятся также несколько генералов…». Этими офицерами были: только что назначенный новый командующий Вермахта Вильгельм Кейтель, начальник артиллерии Вальтер фон Рейхенау (он фигурировал в документах «Комитета семи» под инициалами «Р.Г.» в качестве командира подразделения, которое должно было захватить Австрию) и авиационный генерал Гуго Шперрле. Шушниг как гость не мог, естественно, возражать против такой «случайности», но в этот момент он уже подозревает, что 12 февраля 1938 года будет нелегким днем в его

жизни.

Вот как позднее он опишет в своих мемуарах первые минуты встречи с фюрером:

«Гитлер со своей свитой, в том числе с тремя генералами, шел к нам до входа на лестницу “Бергхофа”. На нем были коричневая шинель СА с повязкой со свастикой и черные брюки. Приветствие было дружеским и корректным. После короткого и формального знакомства Гитлер ввел нас в свой кабинет на втором этаже просторного “Бергхофа”»[124].

После завтрака приблизительно в 11 часов утра начались официальные переговоры. Провожая Курта фон Шушнига в свой кабинет, Адольф Гитлер сразу же заявил:

– Прошу принять к сведению, что меня считают вождем всех немцев не только в рейхе, но и во всем мире и что я ни в коем случае не потерплю пролития немецкой крови в Австрии…[125].

Гость еще не знал, что его ожидает очень неприятный сюрприз. Дело в том, что в присутствии Адольфа Гитлера никто не имел права курить, а вот австрийский канцлер, наоборот, иногда за день выкуривал до пятидесяти сигарет. Поэтому Гвидо Шмидт перед началом переговоров обращается к министру иностранных дел Риббентропу, чтобы он попросил разрешения на то, чтобы Шушниг смог выкурить хотя бы одну сигарету. Ответом является сухой, категорический отказ. А когда он ставит снова этот вопрос и просит хозяина дома, чтобы тот разрешил закурить, Гитлер грубо кричит на него.

Этот инцидент был запланирован заранее, в качестве одного из средств давления на визитера. Агенты немецких спецслужб, действовавшие в окружении австрийского канцлера, изучили все его сильные и слабые стороны[126].

Зайдя в кабинет, Шушниг заметил, что на письменном столе Гитлера были разложены планы, идентичные тем, которые австрийская полиция нашла во время обыска в помещении «Комитета семи» в Вене. Не дав Шушнигу сказать и слова, не предложив ему даже сесть, фюрер приступил к атаке.

– Вот условия рейха, – заявил он, вручая потерявшему дар речи гостю сформулированные в письменном виде немецкие требования. – Вы должны их не обсуждать, а принять. <…> Если будете возражать, то это приведет к уничтожению всей вашей системы…

…

– В случае отказа, – закричал Гитлер, – в рейхстаге прозвучат слова, которые разожгут пожар в Австрии. Если будет предпринята попытка погасить этот пожар, Германия двинет свои войска. <…> Германия, – продолжал Гитлер, – не колебалась

занять Рейнскую область, хотя риск был гораздо большим, поэтому не будет бояться и этого шага, тем более что за Австрию никто не заступится…

Собеседник пытался прервать истеричную речь хозяина кабинета, хотел использовать факт раскрытия заговора австрийских нацистов, чтобы подчеркнуть неискренность Германии в отношениях с Австрией. Он считал, что это поможет ему в переговорах с фюрером. Но результат был прямо противоположным.

Попытка прервать рассуждения вождя Третьего рейха привела его в бешенство.

– Вы что, мне не верите?! – кричал Адольф Гитлер. – Я вас раздавлю. Я – величайший вождь, которого когда-либо имела Германия. На мою долю выпало создание великой германской империи с 80 миллионами населения. Я преодолел гораздо большие трудности! И вы хотите меня остановить? Моя армия, мои самолеты, мои танки ждут только моего приказа!

Внимательно поглядывая на Курта фон Шушнига, чтобы угадать, какое впечатление произвели его слова, Адольф Гитлер добавил как бы ненароком:

– Если Муссолини захочет вам помочь, чего он, впрочем, не сделает, то мы двинем стотысячную армию, которая не только отбросит итальянцев за Бреннер, но и погонит их до самого Неаполя[127].

Присутствующий при этой беседе Риббентроп, когда на несколько минут вышел из кабинета, признался начальнику Верховного командования Вермахта Вильгельму Кейтелю, описывая то, что происходило за закрытыми дверьми:

«Мне действительно его жалко. Он стоит там перед фюрером, как нашкодивший студент, вытянув руки по швам, и только повторяет: так точно»[128].

Сохранились воспоминания и другого нацистского функционера – австрийца Фридриха Райнера. Неизвестно, присутствовал ли он при этой встрече или обо всем ему рассказали потом «старшие товарищи». В 1942 году, занимая пост гауляйтера австрийской земли Каринтии, чиновник красочно описал в речи перед руководителями своей области («гау»), до какого плачевного состояния Адольф Гитлер довел Курта фон Шушнига:

«Тогдашнее состояние Шушнига вообще трудно себе представить. Фюрер толкал его, дергал, кричал на него. Шушниг был заядлым курильщиком. Мы знали о нем буквально все, вплоть до интимных подробностей, знали стиль его жизни, знали, что он выкуривает 50 сигарет в день. Поэтому фюрер запретил

ему курить. Риббентроп сказал мне, что он даже пожалел Шушнига»[129].

Сам Шушниг после окончания «экзекуции» записал всю беседу. Вот текст этого документа:

«Шушниг: Эта прекрасно расположенная комната уже, наверное, была местом многих важных переговоров, не так ли, господин канцлер?

Гитлер: Да, здесь созревают мои мысли. Но ведь мы собрались сейчас здесь не для того, чтобы поговорить о великолепном виде или о погоде.

Шушниг: Прежде всего я хотел бы Вас поблагодарить, господин канцлер, за то, что Вы дали мне возможность вести эти переговоры. И в первую очередь я желаю заверить Вас в том, что мы очень серьезно относимся к нашему договору от июля 1936 года. Мы сделали все в подтверждение того, что мы проводим германскую политику, верную духу и букве договора.

Гитлер: Так, следовательно, Вы называете это германской политикой, господин Шушниг? Я могу Вам только сказать, что так дальше не пойдет. У меня историческая миссия, и я ее выполню, потому что меня на это наметило провидение. Меня окружает любовь народа. Я где угодно и когда угодно могу ходить и гулять среди народа без сопровождения.

Шушниг: Я охотно Вам верю, господин канцлер.

Гитлер: По крайней мере, я с точно таким же, если не с большим, правом мог бы называться австрийцем, чем Вы, господин Шушниг! Попытайтесь как-нибудь устроить в Австрии свободный референдум, на котором мы оба были бы кандидатами. Тогда бы Вы кое-что увидели!

Шушниг: Ну да, если это было бы возможно. Но и Вы тоже хорошо знаете, господин канцлер, что это совершенно невозможно.

Гитлер: Это говорите Вы, господин Шушниг! Но я Вам скажу, что решу весь этот австрийский вопрос, так или иначе! Стоит мне только дать приказ, и весь смехотворный эксперимент там, на границе, развалится за одну ночь. Не думаете же Вы, что сможете меня задержать хотя бы на полчаса. Кто знает, может быть, завтра к рассвету я уже буду в Вене. Как весенняя гроза! Тогда Вы кое-что испытаете!

Шушниг: Из этого, господин канцлер, хотим мы этого или не хотим, вышло бы кровопролитие. Мы не одиноки, не предоставлены самим себе в мире. Таким образом, это совершенно точно означало бы войну.

Гитлер: Очень легко говорить об этом сейчас, здесь, когда мы оба сидим в клубных креслах. Весь мир должен знать, что для

великой державы просто невыносимо, если какая-нибудь граничащая с нею маленькая страна думает, что может ее провоцировать. И теперь я хочу еще раз Вам дать шанс, господин Шушниг. Или мы приходим к соглашению, или все идет своим чередом. Тогда увидим, что будет. Хорошо подумайте, господин Шушниг. Я могу ждать только сегодня, до вечера. Прошу понять меня буквально, как я говорю. Я не блефую.

Шушниг: Каковы Ваши конкретные пожелания, господин канцлер?

Гитлер: Об этом мы поговорим вечером»[130].

Во время этой необычной беседы в соседней комнате сидели в полевых мундирах, ожидая вызова, Кейтель, фон Рейхенау и командующий авиационным округом из Мюнхена. Из кабинета доносился лишь раздраженный голос Адольфа Гитлера. Затем переговоры были прерваны на обед[131].

Перед вечерней встречей Риббентроп и Папен вручают Курту фон Шушнигу и Гвидо Шмидту отпечатанный на машинке проект соглашения. В нем содержатся очень жесткие требования. Например, австрийское правительство обязуется передать портфель министра внутренних дел с неограниченной полицейской властью австрийскому национал-социалисту Артуру Зейсс-Инкварту, выпустить на свободу всех арестованных национал-социалистов, включая осужденных за убийство Дольфуса. Шушниг должен принять австрийских национал-социалистов в свою партию, в «Отечественный фронт».

Перед тем как снова начать переговоры, Франц фон Папен сообщает Гвидо Шмидту, что в проекте, который сформулировал сам Адольф Гитлер, изменять ничего нельзя. Нужно принять его так, как он есть. После этих вводных слов Адольф Гитлер вечером снова велит позвать Шушнига к себе. Вот как протекает их беседа:

«Гитлер: Я решил, господин Шушниг, сделать последнюю попытку. Здесь проект. Я не веду переговоров. Торг здесь неуместен. В этом тексте я не изменю даже запятой. Или Вы подпишете, или все дальнейшее излишне. В этом случае я приму решение за ночь.

Шушниг: В данном положении я не могу сделать иного, кроме как принять это к сведению. Я склонен и к тому, чтобы подписать. Я только обращаю Ваше внимание на то, что, согласно конституции нашей страны, членов правительства назначает глава государства. Амнистия также входит в круг его прав. Следовательно, моя подпись означает лишь, что я обязуюсь выполнить представление. Поэтому я не могу также взять на себя ответственность за соблюдение предписанного срока – трех дней.

Гитлер: Но Вы должны ее взять ее на себя.

Шушинг: Я не могу ее взять на себя».

Фюрер приходит в ярость. Он вскакивает со своего места, ходит взад и вперед по комнате, затем подходит к двери и кричит: «Кейтель!» Ему отзывается весь дом. Затем он резко поворачивается к ошеломленному Шушнигу и, заворчав на него, как на лакея, высылает его из комнаты со словами: «Вас я велю вызвать позже». Шушниг, собравшийся уходить, еще слышит, как Гитлер обращается к Кейтелю, входящему через другую дверь: «Прошу Вас, садитесь. Господин Шушниг хочет провести небольшое совещание со своим министром иностранных дел. Больше ничего»[132].

Смысл немецких требований был ясным. Подписание этого «соглашения» означало капитуляцию. Курт фон Шушниг покинул Берхтесгаден, не подписав документа. Однако Адольф Гитлер предъявил ему ультиматум: если немецкие требования не будут подписаны до среды, 16 февраля 1938 года, Германия двинет свои войска на Вену[133]. Тогда в Австрии никто не знал, что началась первая часть операции «Отто», которая до сих пор считается классическим примером дезинформации и обмана противника. Ее авторство принадлежит Абверу. В отличие от офицеров СС, военные разведчики провели ее великолепно и сумели добиться поставленной цели. Австрия капитулировала без единого выстрела.

А Отто Скорцени невзлюбил Абвер и особенно его руководителя – Вильгельма Канариса. И не только за то, что последний как минимум симпатизировал Великобритании, а как максимум – был тайным осведомителем Лондона. Другая причина – Абвер действовал более успешно, чем возглавляемые им в 1943–1944 годах подразделения диверсантов.

Участвуя в операции «Отто»

Свое название операция по аншлюсу Австрии получила в честь Отто фон Габсбурга, наследного принца Австро-Венгерской империи. Сын последнего императора Австро-Венгрии Карла I, внучатого племянника легендарного Франца Иосифа, принц Отто был наследником престола Дунайской монархии всего два года – ровно столько, сколько правил его отец, вынужденный отречься от престола и уехать в изгнание в результате поражения в войне, где умер в 1922 году. Сам Отто фон Габсбург до своего отъезда в 1940 году в США жил в разных странах Европы. Нацисты планировали его захватить, но не смогли.

Немецкое правительство понимало, что если германские войска будут отмобилизованы и стянуты к границам суверенного иностранного государства, то это произведет негативное впечатление как на Вермахт, так и на мировое общественное сообщество. Напомним, что на календаре было начало 1938 года. Тогда еще проблемы между западноевропейскими странами старались решать с помощью дипломатии. Пусть даже если иногда в ней ключевую роль играли «рыцари плаща и кинжала».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что было решено с помощью разработанного в Абвере плана имитировать военные приготовления Третьего рейха к агрессии. Один из непосредственных участников этого мероприятия Йодль записал в своем дневнике:

«Вечером 11 и днем 12 февраля. Генерал Кейтель с генералом Рейхенау и генералом авиации Шперрле находятся в Оберзальцберге. На Шушинга и Шмидта оказывается сильное политическое и военное давление. В 23.00 Шушнинг подписывает протокол.

13 февраля. После полудня генерал Кейтель попросил Канариса и меня прийти к нему. Он сообщил нам, что фюрер отдал приказ о продолжении военного давления путем проведения дезинформации и военных мероприятий, вплоть до 15 февраля.

Предложения по проведению этих мероприятий были разработаны и доложены фюреру для утверждения.

14 февраля. В 2.40 получено согласие Гитлера. Канарис отправился в мюнхенский отдел Абвера, где начал предпринимать необходимые меры. Эффект от них был быстрым и сильным. В Австрии создалось впечатление, будто Германия проводит серьезные военные приготовления».

Операция «Отто» началась в тот момент, когда Кейтель

переступил порог кабинета Адольфа Гитлера и начал докладывать о перемещении германских войск. Озвученный им документ предназначался исключительно для руководства Австрии, так как в нем все было ложным и полностью отвечало разработанным главой Абвера Вильгельмом Канарисом планом дезинформационных мероприятий. Руководитель Абвера предложил:

«1. Не проводить никаких реальных приготовлений в армии или в ВВС. Не производить передислокаций или передвижений войск.

2. Распространять ложные, но вполне правдоподобные слухи, которые могли бы создать впечатление о военных приготовлениях против Австрии: через шпионскую сеть, немецких таможенных чиновников на границе, туристов.

3. Предметами таких слухов могут быть:

а) прекращение отпусков в районе расположения 7-го армейского корпуса;

б) сосредоточение подвижного состава в Мюнхене, Аугсбурге и Регенсбурге;

в) отзыв в Берлин генерал-майора Муфа, германского военного атташе в Вене (это мероприятие было осуществлено);

г) усиление пограничной полиции на австрийской границе;

д) передвижения альпийских стрелков в районах Фрейлассина, Рейхенхолла и Берхтесгадена»[134].

Отдельные зарубежные журналисты и историки утверждают, что февральская операция по дезинформации потерпела крах, так как в Вене догадались об обмане. При этом авторы ссылаются на высокопоставленных австрийских офицеров[135]. Даже если это утверждение верно, то все равно набор мероприятий по давлению на руководство Австрии сработал.

Курт фон Шушниг собрал членов правительства на совещание. Австрийская печать опубликовала наглые требования руководства Третьего рейха.

В Австрии воцарилась атмосфера нервозности и возбужденности. В ночь с 13 на 14 февраля 1938 года Берлин отверг предлагаемый Веной план изменений в составе австрийского правительства из-за слишком большого числа клерикалов в предлагаемом кабинете и незначительного участия в нем местных нацистов. Ситуация обострялась с часу на час. Австрийское правительство консультировалось по телефону с Римом, Парижем и Лондоном.

Уже через несколько часов после своего возвращения из Берхтесгадена Курт фон Шушниг попытался связаться по телефону лично с Бенито Муссолини. Ему ответили, что Дуче на

лыжной прогулке. Члены итальянского правительства, с которыми ему удалось переговорить, советовали соглашаться на далеко идущие уступки. Аналогичные «добрые советы» канцлер Австрии получил также из Лондона и Парижа.

Напряжение достигло кульминационного пункта, когда распространилось известие, что президент Вильгельм Миклас не принял требований Адольфа Гитлера. За их непринятие высказалось также большинство членов правительства и руководителей «Отечественного фронта». Они еще рассчитывали на помощь из-за рубежа.

Когда до Австрии дошли известия о концентрации германских войск на австрийской границе, прежде всего в окрестностях Зальцбурга, местные нацисты начали смело нападать на улицах Вены на еврейские магазины и помещения «Отечественного фронта», а также на тех государственных и общественных деятелей, которые были известны своими антигитлеровскими взглядами.

Учитывая постоянное обострение политической ситуации, правительства Франции и Англии решились, в конце концов, выступить в защиту Австрии. В ночь со вторника 14 февраля на среду 15 февраля посланники этих государств предприняли в Берлине демарш, протестуя против грубого давления на Австрию. Однако на этом помощь западных держав правительству Курта фон Шушнига закончилась.

Поняв, что Австрия не может рассчитывать на какую-либо эффективную помощь извне, канцлер Австрии решил принять условия фюрера. Выступая на собрании окружных руководителей «Отечественного фронта», он так оправдывал свое решение: «…Я долго сопротивлялся. Желал иного развития событий…»[136].

Наиболее важной и чреватой по своим последствиям уступкой Адольфу Гитлеру было назначение министром внутренних дел и безопасности Австрии местного нациста Артура Зейсс-Инкварта.

Первым распоряжением нового австрийского правительства была широкая амнистия, охватившая все политические преступления, совершенные до 15 февраля 1938 года. Среди нацистов, первыми обретших свободу, оказались, в частности, один из бесславных героев событий 25 июля 1934 года Антон фон Ринтелен и руководители ликвидированной за несколько дней до беседы в Берхтесгадене подпольной нацистской организации в Австрии – Тавс и капитан Леопольд. Берлин с удовлетворением встретил происходящие в Вене изменения.

Как можно было ожидать, уступки Курта фон Шушнига повлекли за собой дальнейший нажим со стороны Германии. Уже

17 февраля новый министр внутренних дел Австрии нанес визит фюреру. Английская печать, ссылаясь на хорошо информированные берлинские круги, сообщила, что Адольф Гитлер во время продолжительной беседы с Зейсс-Инквартом выдвинул проект соглашения по вопросу германо-австрийского таможенного союза, «валютного союза», распространения германской программы общественных работ на Австрию, а также использования австрийских безработных в промышленности и сельском хозяйстве рейха. Он якобы представил также план дальнейшего укрепления связей рейха с Австрией как путем активизации контактов между НСДАП и «Отечественным фронтом», так и подчинения Германии австрийской внешней политики и тесного военного союза.

Вернувшись в Вену, Артур Зейсс-Инкварт обратился в полиции с циркуляром, который начинался со слов: «К немецкой полиции в Австрии»[137].

Спустя три дня, 20 февраля 1938 года, Адольф Гитлер произнес известную речь в рейхстаге, насквозь пропитанную духом агрессии. В ней он, в частности, заявил:

«…Германия не может равнодушно относиться к судьбе 10 миллионов немцев, живущих в двух соседних странах (Австрии и Чехословакии. – *Прим. ред.*). Немецкое правительство будет стремиться к объединению всего немецкого народа в рамках единого Отечества».

Берлин стремился добиться аншлюса «холодным путем», вынуждая австрийское правительство идти на очередные уступки. Однако оказалось, что игра за Австрию еще не закончена.

В четверг 24 февраля в зале пленарных заседаний австрийского парламента с речью выступил Курт фон Шушниг. Для многих жителей страны она прозвучала как ответ на выступление Адольфа Гитлера 20 февраля:

«…Австрийское правительство незыблемо опирается на конституцию 21 мая 1934 года, считая своим долгом защищать собственными силами свободу и независимость Австрии…

Правительство Австрии видит сегодня свою задачу в обеспечении внутреннего и внешнего мира. Политику независимости оно проводит в соответствии с принципами, принятыми более пятисот лет назад на сейме в Вормсе под председательством императора Максимилиана. Мы не намерены заимствовать никакие зарубежные образцы…»

Упоминая о переговорах в Берхтесгадене, Шушниг подчеркнул, что надеется, что «они положили конец ведущейся Германией на протяжении пяти лет партизанской войне против Австрии. Уступки, сделанные Германии, – это предел. Дальше

Австрия не пойдет…».

Речь канцлера, транслируемая многими зарубежными радиостанциями, поразила мир. Ведь ожидалось, что он подтвердит капитуляцию Австрии перед Германией и попытается обосновать ее необходимость.

После выступления его на улицах Вены начались демонстрации «Отечественного фронта», которые вскоре вылились в столкновения с нацистскими боевиками.

Речь канцлера застала врасплох и Берлин. Официальные органы Третьего рейха молчали, что, однако, не означало отступления или признания поражения. Уже через несколько дней немецкая печать обрушилась с новыми нападками на канцлера Австрии и его правительство.

С неменьшей яростью восприняли речь канцлера и австрийские нацисты. Уже через несколько часов после его выступления они организовали на площади Шварценберга и Марияхильфештрассе в Вене большую демонстрацию, скандируя: «Хайль Гитлер!» и «Один народ – один рейх!» Несколько меньшие по численности манифестации состоялись на Карлплатц, перед Оперным театром и у Германского туристического бюро. Вечером в столице дело дошло до ожесточенных столкновений между нацистами и членами «Отечественного фронта».

Намного опаснее выглядела обстановка в провинции. В Граце местные национал-социалисты заставили бургомистра вывесить на ратуше огромный флаг со свастикой. В Линце в демонстрациях приняли участие более 30 тысяч нацистов. Аналогичным образом развивалась ситуация в Клагенфурте и Зальцбурге. В Грац и Линц правительство направило воинские подразделения венского гарнизона. Несмотря на это, на улицах обоих городов можно было по-прежнему видеть сотни молодых мужчин в мундирах СС и СА. Учитывая обостряющуюся с часу на час обстановку, власти распорядились запретить все шествия и демонстрации.

Отдавая это распоряжение, Курт фон Шушниг не принял во внимание, что нацисты имели в то время своих представителей в правительстве. Запрет манифестаций демонстративно нарушил член этого правительства Зейсс-Инкварт, который направился в Грац и Линц, чтобы принять участие в проходивших там – нелегальных с точки зрения закона – демонстрациях. В Линце ему устроили горячий прием. Город был украшен сотнями флагов со свастикой. Вдоль улиц, ведущих от железнодорожного вокзала к зданию земельного сейма, стояли шпалеры гитлеровцев в мундирах СС и СА, громко кричавшие «Хайль Гитлер!» и «Зиг хайль!».

Несмотря на все более неблагоприятное и опасное для

Австрии развитие событий, Курт фон Шушниг не отказался от борьбы. В среду 9 марта 1938 года он выступил в Инсбруке по радио и объявил о проведении плебисцита:

«Десять лет назад я выступал в этом зале, выдвинув лозунг единства. <…> Но единство и работа невозможны в условиях постоянного беспокойства. <…> Я хочу дать Австрии работу и хлеб. Хочу, чтобы Австрия была свободной, независимой и немецкой, христианским государством, в котором все верно служили бы родине. <…> Я хотел бы знать: вы за политику хлеба и работы? Поэтому я призываю вас выразить в следующее воскресенье свою волю во всенародном голосовании…»

В соответствии с распоряжением властей участвовать в референдуме мог каждый австрийский гражданин в возрасте старше 24 лет. Бюллетени для голосования с напечатанным текстом «С Шушнигом за Австрию – да!» находились на избирательных участках; каждый голосующий против Шушнига и за аншлюс мог опустить в урну свой листок соответствующего формата с написанным от руки словом «Нет!». Можно было голосовать тайно или открыто[138].

Обвиняя противников в нечестной игре, сам канцлер тоже нарушил правила проведения демократических выборов. Первое нарушение – был представлен только один бюллетень для голосования. Соответственно, были грубо ущемлены права тех, кто голосовал за аншлюс. Выше мы уже писали о том, что в стране многие были недовольны отсутствием социальной программы. Второе нарушение – голосование нельзя было назвать полностью тайным, т. к. противникам правительства нужно было от руки написать слово «нет». Это, конечно, мелочь, но именно благодаря таким приемам правительству удается сфальсифицировать результаты выборов. Третье нарушение – количество бюллетеней не было ограничено. Каждая из сторон могла организовать «сброс» в урны для голосования дополнительной партии.

Активная пропаганда правительства началась 10 марта 1938 года, когда в австрийских городах и деревнях появилось расклеенное рано утром обращение канцлера Австрии и руководителя «Отечественного фронта» ко всем гражданам:

«За свободную, немецкую Австрию!

Австрийский народ!

Впервые в истории нашей страны руководство государства требует открыто выразить свое отношение к родине. <…>

В ближайшее воскресенье 13 марта состоится плебисцит. <…>

Пусть мир узнает нашу волю к жизни. Поэтому, австрийский

народ, голосуй все, как один, говоря „Да!”».

Переход Курта фон Шушнига в контрнаступление имел целью пресечь дальнейшую активизацию нацистов в стране, а также показать миру, что сами австрийцы отнюдь не мечтают об аншлюсе. Ясно выраженное мнение народа против аншлюса – а он был уверен, что именно таким будет результат плебисцита, – явилось бы важным козырем для правительства. Близкий срок плебисцита не давал нацистам возможности развернуть в широком масштабе пропагандистскую работу. Большое значение имело также лишение молодежи в возрасте до 24 лет, из которой рекрутировались главным образом члены местного СА, права участвовать в голосовании[139].

Вот и еще пример нарушения принципов проведения демократических референдумов.

Известие об объявлении плебисцита в Австрии произвело большое впечатление во всем мире. Победа Курта фон Шушнига не вызывала, казалось, никаких сомнений, поскольку было очевидным, что за него будут голосовать католики и их мощные организации; рабочие, состоящие в нелегальных левых организациях; монархисты, имеющие сильную поддержку в армии и бюрократическом аппарате; а также многочисленное в Австрии еврейское население.

Вся страна бурлила. 10 марта состоялись манифестации, организованные «Отечественным фронтом», и одновременно нацистские контрдемонстрации, поэтому не обошлось без ожесточенных уличных столкновений.

Полиция запретила носить значки и повязки со свастикой и публично использовать нацистское приветствие. Министр обороны генерал Ценер призвал в армию мужчин 1917 и 1918 годов рождения.

О том, что, принимая эти решения, Курт фон Шушниг нанес тем самым сильный удар по Третьему рейху, лучше всего свидетельствовала реакция Берлина. Правда, официальные круги обошли молчанием выступление австрийского канцлера в Инсбруке, но германская печать сразу же забила тревогу. Тон газет предвещал бурю.

Определенная растерянность, охватившая вначале германских дипломатов, объясняется в значительной мере отсутствием в Берлине министра иностранных дел Третьего рейха, находившегося с официальным визитом в Лондоне. Однако она была быстро преодолена. Уже 10 марта в Вену самолетом прибыл специальный посланец Адольфа Гитлера Вильгельм Кепплер, который тотчас же установил контакт с Зейсс-Инквартом, чтобы передать ему инструкции фюрера для

австрийской НСДАП в связи с проводимым плебисцитом.

В Вену также прибыли из Германии авиатранспортом два ведущих руководителя австрийского гитлеровского движения: капитан Леопольд и Тавс. После состоявшейся беседы Артур Зейсс-Инкварт собрал совещание референтов «Отечественного фронта» по делам национал-социализма и руководителей окружных нацистских организаций со всей страны.

Хотя и не было опубликовано никакого сообщения, результатов совещания не надо было долго ждать. Через несколько часов на улицы Вены вышли группы штурмовиков, выкрикивая приветствия: «Хайль Гитлер!», «Зиг хайль!», распевая немецкий государственный гимн «Германия, Германия превыше всего», и промаршировали по городу. Многолюдные демонстрации нацистов состоялись перед зданием университета и помещением Германского туристического бюро на Кертнерштрассе, в витрине которого был вывешен большой портрет Адольфа Гитлера. Хотя этим все и ограничилось.

Иначе выглядела ситуация в Зальцбурге, Линце, Граце и Инсбруке.

В Граце утром 11 марта вооруженные группы штурмовиков пытались захватить ряд государственных зданий, но их попытки были сорваны крупными воинскими подразделениями, вступившими в город и занявшими важнейшие государственные объекты и стратегические пункты.

В полдень Грац принял вид укрепленного лагеря, ибо правительство сосредоточило здесь более 8 тысяч солдат и 40 боевых самолетов. Магазины во всем городе были закрыты с самого утра. Непрерывно вспыхивали столкновения между армией и полицией и нацистскими боевиками. В 15.00 жандармерия с помощью штыков вынуждена была оттеснить с Бисмаркплатц распоясавшихся демонстрантов из НСДАП. Солдаты установили на всех важнейших перекрестках станковые пулеметы. В столкновениях с нацистами армию и полицию поддерживали члены «Отечественного фронта». После полудня в город прибыли новые армейские подкрепления, в том числе моторизованные части и артиллерия. В 16.30 распространился слух, что плебисцит отложен. Но спокойствие не воцарилось. На улицы Граца снова вышли возбужденные нацисты.

Нелучшим образом обстояли дела в Зальцбурге, где нацисты атаковали демонстрацию «Отечественного фронта». Конец столкновениям положило лишь вмешательство крупных подразделений полиции.

Особенно ожесточенные стычки проходили в Инсбруке. 170 вооруженных членов СА в мундирах прорвали кордон

полицейских, охранявший ратушу, и пытались проникнуть в здание. После прибытия армейских подкреплений нападавшие вынуждены были отступить. В полдень здания ратуши и земельного правительства были заняты армейскими частями, вооруженными станковыми пулеметами и легкими полевыми орудиями.

В Линце штурмовые отряды СА атаковали и захватили помещение «Отечественного фронта», откуда якобы была обстреляна демонстрация нацистов.

Операция «Отто» – основная часть

В ночь с 9 на 10 марта 1938 года Адольф Гитлер вызвал командующего 4-й группой сухопутных войск (Лейпциг) генерала Вальтера фон Рейхенау, а также гауляйтера Йозефа Бюркеля. Они получили приказ завершить последние приготовления к проведению операции «Отто».

Днем 10 марта Адольф Гитлер собственоручно написал письмо, которое предназначалось Бенито Муссолини. В этом послании говорилось о том, что Вена готовит заговор против Берлина, угнетает патриотически настроенное большинство жителей Австрии (немцев) и в стране может начаться гражданская война. Как «сын австрийской земли» он не может сложа руки наблюдать за происходящим и поэтому решил восстановить законность и порядок на своей родине. А далее он написал:

«Вы, Ваше Превосходительство, поступили бы так же, если бы речь шла о судьбе Италии».

Письмо доставил в Рим принц Филипп Гессенский[140].

В 18.30 вечера 10 марта 1938 года Фюрер направил телеграмму Дуче, информируя его о том, что Третий рейх «вынужден предпринять решительные шаги в Австрии».

В тот же день вечером был отдан приказ о мобилизации 8-й армии генерала Федора фон Бока, в состав которой вошли 7-й и 13-й баварские корпуса, танковый корпус, дивизия ландвера и четыре полка СС: «Германия», «Дойчланд», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Адольф Гитлер распорядился, чтобы командиры немецких частей, сосредоточенных на австрийской границе, были через 12 часов готовы пересечь ее[141].

Руководитель Абвера адмирал Вильгельм Канарис собрал у себя 10 марта 1938 года всех руководителей отделов и внешних отделений и известил о том, что Фюрер «решил покончить с австрийским вопросом», при необходимости даже силой. Всем присутствующим была очевидна серьезность обстановки, тем более что они видели, как серьезно озабочен их шеф. Все

оставшиеся до аншлюса дни и ночи в Абвере ждали сообщений. И они приходили во множестве и полностью подтверждали, что ни в Австрии, ни в соседних странах не предпринимают никаких существенных военных мер[142]. Во многом, ориентируясь на эти данные, Адольф Гитлер довел процесс присоединения Австрии до логического завершения.

После нескольких часов лихорадочной подготовки, вскоре после полуночи, 11 марта была издана директива № 1 Адольфа Гитлера по операции «Отто»:

«Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия в отношении настроенного в пользу Германии населения.

Командование всей операцией я принимаю на себя… В наших интересах провести всю операцию без применения силы, в виде мирного ввода войск, который будет приветствовать население. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его силой оружия со всей беспощадностью…

На границах Германии с другими государствами пока что никаких мер предосторожности не принимать».

По утверждению многих историков, самоуверенный тон документа почти полностью скрывал атмосферу истерии и колебаний, в которой он возник. Все рассказы людей из окружения фюрера говорят об исключительной путанице решений, бестолковой неразберихе, в которой оказался руководитель Третьего рейха во время этой первой экспансионистской акции в своей карьере. Множество скоропалительных, неверных решений, холерических взрывов раздражения, бессмысленных телефонных звонков, приказов и указаний об их отмене сменяли друг друга в течение немногих часов между воззванием Курта фон Шушинга и 12 марта: по всей видимости, давали себя знать «расшатанные нервы», которые Адольф Гитлер, вопреки своему намерению, не смог «привести в порядок». Он возбужденно требовал от военного руководства разработать за несколько часов план операции. Контрпредложения начальника Генерального штаба сухопутных войск Людвига фон Бека, а позже – главнокомандующего сухопутными войсками Вальтера фон Браухича он раздраженно отверг. Затем он отменил свой приказ о переброске частей. А потом вновь распорядился выполнять его. И в довершение к этому – заклинания, угрозы, недоразумения. Начальник Верховного командования Вермахта (ОКВ) Вильгельм Кейтель говорил позже

о «мучительнейшем времени», и если бы Герман Геринг в нужный момент не взял инициативу в свои руки, то мир бы, вероятно, увидел, сколько невротической неуверенности и метаний проявляет Адольф Гитлер в ситуациях, связанных с большой напряженностью.

Спустя годы фюрер со всем восхищением психически неустойчивого человека перед хладнокровной флегматичностью своего соратника, почти запинаясь, заметил:

«Рейхсмаршал пережил вместе со мной немало кризисов, но в кризисных ситуациях он холоден, как лед. Лучшего советника, чем рейхсмаршал, в периоды кризиса не найти. В такие периоды рейхсмаршал проявляет жестокость и хладнокровие.

Я всегда замечал, что в критические, судьбоносные моменты он не останавливается ни перед чем и тверд как сталь. Лучшего советчика не найдешь, никак не найдешь. Он прошел вместе со мной через все кризисы, самые суровые кризисы, он был холоден, как лед. Всегда, когда дела принимали совсем опасный оборот, но был холоден, как лед…».

На следующий день, 11 марта, Герман Геринг в ходе одного из многочисленных телефонных переговоров с Веной дал одному из доверенных лиц примечательные указания:

«Слушай меня внимательно: главное заключается в том, чтобы Зейс-Инкварт теперь овладел всей правительственной властью, занял радиостанцию и т. д.: Зейс-Инкварт должен прислать сюда следующую телеграмму, записывайте: “Временное австрийское правительство, которое после отставки правительства Шушнига видит свою задачу в том, чтобы восстановить спокойствие и порядок в Австрии, обращается к германскому правительству с настоятельной просьбой поддержать его в выполнении этой задачи и помочь предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать немецкие войска”».

После короткого диалога Герман Геринг в заключение заявил:

«Итак, наши войска перейдут сегодня границу… Пусть пошлет телеграмму как можно скорее. Покажите текст телеграммы и скажите ему, что это наша просьба – может телеграмму вообще не отправлять, пусть только скажет, что он согласен».

В то время как национал-социалисты занимали общественные здания по всей стране, Гитлер, прежде чем Зейс-Инкварта уведомили о его собственном обращении за помощью, в 20.45 окончательно отдал приказ к выступлению. Поступившую позже просьбу Зейс-Инкварта задержать немецкие войска он отклонил.

Примерно двумя часами позже поступило ожидавшееся с нетерпением известие из Рима; приблизительно в половине двенадцатого позвонил принц Филипп Гессенский, который сообщил фюреру о результатах своей миссии:

– Я только что вернулся из Палаццо Венеция. Дуче воспринял все дело очень благосклонно. Передает вам самый сердечный привет…

– Передайте, пожалуйста, Муссолини, что я ему никогда этого не забуду.

– Есть.

– Никогда, никогда, что бы не случилось… Теперь, когда австрийское дело улажено, я готов идти с ним сквозь огонь и воду, меня ничто не остановит… Можете просто сказать ему, я ему действительно от всего сердца благодарен. Я ему этого никогда, никогда не забуду. Я ему этого никогда не забуду.

– Есть, мой фюрер.

– Этого я ему никогда не забуду, что бы не случилось. Если он когда-нибудь окажется в беде или опасности, то может быть уверен, что я приду на помощь, чего бы это не стоило, что бы не случилось, пусть хоть весь мир поднимется против него.

Адольф Гитлер сдержал свое слово, но при этом оказал «медвежью услугу» Бенито Муссолини. Когда Дуче в 1943 году свергли члены итальянского правительства и посадили под «домашний арест», то команда десантников и диверсантов под руководством главного героя нашей книги освободила Дуче. Непродолжительное время лидер итальянских фашистов управлял марионеточнной «республикой Сало», а потом был арестован итальянскими партизанами и казнен. Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы он продолжал оставаться под «домашним арестом». По крайней мере, караулившие его итальянские солдаты наверняка не допустили бы самосуда над бывшим «дуче».

В Вену 11 марта вновь прибыл Кепплер. На этот раз во дворце канцлера он от имени правительства Третьего рейха добивался в ультимативной форме отсрочки плебисцита, отставки Шушнига и передачи поста канцлера Австрии Зейсс-Инкварту[143].

Президент Вильгельм Миклас отверг требования Германии. Тогда в резиденцию канцлера прибыл военный атташе миссии рейха в Вене генерал-майор Вольфганг Муфф и вручил официально президенту ультиматум Третьего рейха, дав несколько часов на его принятие. Дипломат пригрозил, что в случае, если ультиматум будет отвергнут, в 19.30 двухсоттысячная германская армия пересечет границу с Австрией. Ультиматум содержал условия, выдвинутые до этого Кепплером,

а также требование немедленной и полной легализации австрийской НСДАП и признания СС и СА вспомогательными формированиями австрийской полиции. Президент Вильгельм Миклас и на этот раз отверг требования Адольфа Гитлера.

Параллельно с акцией Берлина в последнее наступление перешли также местные нацисты. Уже в 11.00 утра 11 марта в Вене состоялось совещание руководителей австрийской НСДАП, в котором приняли, в частности, участие Артур Зейсс-Инкварт, Эрих Клаузнер, Фридрих Райнер, Эдмунд Глайзе-Хорстенау, Ханс Фишбёк, Каетан Мюльман и Гуго Юри. Собравшиеся поддерживали постоянный контакт с Кепплером.

Было решено потребовать от Курта фон Шушнига отсрочки плебисцита на три недели, а в случае отказа дать приказ нацистским организациям во всей стране начать вооруженное восстание и одновременно обратиться к Берлину с просьбой о немедленной военной помощи. Это был уже второй ультиматум, предъявленный в этот день правительству Австрии.

В связи с официальным ультиматумом Адольфа Гитлера и несколько менее официальным, но также грозным ультиматумом австрийских нацистов канцлер собрал в 14.00 заседание правительства, на котором согласился на отсрочку плебисцита, но потребовал принятия решительных мер против вышедших на улицу гитлеровских боевиков. Уже в 16.30 было обнародовано специальное сообщение правительства об отмене плебисцита.

Однако президент Вильгельм Миклас категорически воспротивился передаче власти Артуру Зейсс-Инкварту. Он предложил внести изменения в состав правительства, в которое, помимо прежних министров, представлявших в том числе и национал-социалистическое движение, вошли бы также представители австрийских левых сил. В новом правительстве Артуру Зейсс-Инкварту предлагался пост вице-канцлера. Президент пригрозил в случае вторжения германских войск объявить всеобщую мобилизацию и обратиться по радио ко всему миру с призывом о помощи.

Тем временем на улицах Вены и многих других городов Австрии проходили многолюдные антигитлеровские демонстрации. Одновременно немецкая печать сообщила о мнимых выступлениях австрийских коммунистов и социал-демократов, справиться с которыми австрийское правительство якобы бессильно и поэтому теряет контроль над ситуацией в стране.

Курт фон Шушниг не сдавался. Прервав переговоры с Артуром Зейсс-Инквартом и Глайзе-Хорстенау, он отчаянно обращался за поддержкой к Риму, Лондону и Парижу, но на его

призывы о помощи они отвечали глухим молчанием. Срок ультиматума, истекавший в 19.30, был по просьбе Артура Зейсс-Инкварта продлен Берлином на час.

Отсутствие поддержки из-за рубежа и резко усилившийся нажим Берлина и австрийских нацистов склонили президента Вильгельма Микласа, до этого питавшего какие-то надежды прийти хотя бы к какому-то соглашению, к капитуляции – к принятию отставки Курта фон Шушнига и назначению Артура Зейсс-Инкварта канцлером.

В 19.47 Курт фон Шушинг выступил по радио со своим последним обращением к австрийскому народу.

«Немецкое правительство направило президенту Миклосу ультиматум с требованием моей отставки и внесения изменений в состав австрийского правительства, согласно с немецким пожеланиям.

Я утверждаю перед лицом всего мира, что слухи о том, что в Австрии якобы имели место вызванные рабочими беспорядки, что пролилась кровь и что правительство потеряло контроль за ситуацией, не соответствуют действительности. Эти слухи являются измышлениями.

Президент Миклас поручил мне заявить, что мы уступаем насилию.

Мы не хотим проливать немецкую кровь.

Президент Миклас отдал приказ, чтобы после вступления в Австрию немецкой армии австрийские войска отступили без сопротивления».

Свое краткое выступление, которое длилось около четырех минут, Курт фон Шушниг закончил словами: «Да хранит Бог Австрию!»[144]

После выступления канцлера венское радио в последний раз передало австрийский национальный гимн, имевший тот же мотив, что и гимн Третьего рейха «Доичланд юбер аллес». Немецкий дипломат Вольфганг Путлиц позднее вспоминал:

«…Дикторских голосов больше не было слышно. Вместо этого проигрывались граммофонные пластинки. Оркестр Венской филармонии замечательно исполнил “Неоконченную симфонию” Шуберта. За ней последовал ноктюрн Моцарта. Потом исполнялись более легкие вещи: “Голубой Дунай”, увертюра к “Летучей мыши”, “Цветущие деревья в Пратере” и другие жизнерадостные венские мелодии. Примерно через час музыка оборвалась». По радио выступил новый канцлер Австрии – Артур Зейсс-Инкварт, который призвал население страны в случае вступления немецкой армии не оказывать ей сопротивления. Затем «…после венских вальсов раздался марш Радецкого.

Зазвучала австрийская военная музыка. Казалось, что с минуты на минуту ритм становится все отрывистым. Наконец, незадолго до полуночи, мы услышали песню Хорста Веселя»[145].

Во время выступления Курта фон Шушнига на улицах Вены продолжались столкновения между полицией и нацистами. В тот самый момент, когда в уличных репродукторах звучал хорошо всем известный голос канцлера, полиция отняла на Кертнерштрассе у боевиков огромный флаг со свастикой. После последних слов оратора стражи порядка вернули флаг владельцам и спешно покинули улицу.

Как уже упоминалось выше, еще до выступления Курта фон Шушнига с прощальным обращением к нации руководство австрийской НСДАП решило начать вооруженное восстание, чтобы облегчить немецкую интервенцию.

Австрийские нацисты смогли мобилизовать 6 тыс. штурмовиков (СА) и 500 эсэсовцев. Этого оказалось достаточно для захвата важнейших объектов. Тем более что военные не оказали сопротивления бунтовщикам. Ведь еще 16 февраля 1938 года Курт фон Шушниг уволил начальника генерального штаба фельдмаршала-лейтенанта Альфреда Янзу, известного как сторонника сопротивления германской агрессии[146].

По приказу Райнера отряды СС и СА приступили к операции. В Вене около 20.00 они без борьбы заняли все важнейшие государственные здания и стратегические пункты города. В провинции акция началась чуть позже – в 20.35. Одновременно австрийскую границу пересекли подразделения «Австрийского легиона». В течение неполных трех часов местные нацисты установили контроль над всей страной, взяв реванш за неудачный путч 25 июля 1934 года. В 23.30 венское радио впервые передало гимн НСДАП – «Песню Хорста Веселя».

В этой ситуации президент Вильгельм Миклас подал в отставку и попытался передать государственную власть командующему австрийской армией генералу Сигизмунду Шильхавски фон Банбрюку. В это время на Вену уже шли части Вермахта. Военачальник отказался, мотивируя это тем, что он военный, а не политик, да и сопротивляться Гитлеру бесполезно.

Вопреки официальным сообщениям Берлина немецкая армия пересекла границу с Австрией не в 5.30 12 марта 1938 года, а в 21.20 еще 11 марта. Уже в 21.30 моторизованные немецкие части вступили в Линц, восторженно встреченные толпами местных нацистов.

Официальным предлогом для вступления немецкой армии в Австрию, который должен был ввести в заблуждение мировое общественное мнение, стала телеграмма Артура Зейсс-Инкварта,

опубликованная 12 марта в «Фёлькишер беобахтер», с обращением за помощью немецких войск для обеспечения порядка в Австрии. Позднее оказалось – об этом писал, в частности, французский политико-литературный журнал «Ревю де Пари», – что эта телеграмма никогда не была отправлена ни по почте, ни дипломатическими каналами, ни по специальному кабелю. Она послужила германским дипломатам для оправдания в глазах общественного мнения свершившегося факта – нацистского переворота в Австрии при поддержке немецкой армии. По изданному гитлеровским правительством в Германии закону новый кабинет в Австрии получил официальное название «Австрийского земельного правительства». Во главе его встал Артур Зейсс-Инкварт как наместник Третьего рейха с постоянной резиденцией в Вене.

О том, что Берлин все же боялся возможности вмешательства других стран и, вероятно, был готов, как и при занятии Рейнской области в 1936 году, выйти из игры, если бы возникла такая необходимость, свидетельствовало настойчивое отрицание германскими официальными кругами известий о том, что части Вермахта вступили в Австрию уже 11 марта. По их утверждению, это были якобы лишь передвижения немецких войск вдоль германо-австрийской границы в связи с подготовкой к маневрам. Еще в субботу утром, когда весь мир уже знал о гитлеровском вторжении в Австрию, Германское информационное агентство опровергало все сообщения на эту тему. Лишь в полдень берлинское радио заявило официально, что по просьбе Артура Зейсс-Инкварта немецкие части в 5.30 12 марта вступили в Австрию[147].

Части 8-й немецкой армии под командованием генерала Федора фон Бока в 8 часов утра в парадной форме перешли государственную границу. Танки 2-й танковой дивизии Ханса Гудериана, украшенные цветами, продвигались в сторону Линца. Напутствуя Гудериана, начальник оперативного руководства верховного командования сухопутных войск генерал Альфред Йодль сказал:

«Поставьте впереди оркестр, а водители обязательно должны надеть очки, потому что цветы, которые им будут бросать, могут поранить им глаза».

Так родилась легенда «о войне, когда наступавшие немецкие войска встречали цветами, а не пулями (Blumenkrieg)»[148].

Немецкая армия продвигалась вперед умело и быстро, не встречая сопротивления. В занимаемых немцами городах власть брали в свои руки австрийские отряды СС и СА, а также прибывшие на несколько часов раньше из Германии части

полиции и гестапо.

Ранним утром 12 марта австрийские аэродромы заняли эскадрильи германских ВВС. Весь гражданский авиационный персонал был немедленно распущен и заменен немецкими солдатами[149].

В тот же день в 13.00 подразделения 98-й горнострелковой бригады под командованием подполковника Фердинанда Шернера дошли до перевала Бреннер, где произошла торжественная встреча с офицерами итальянской армии и заверение их в добрых намерениях Вермахта. Такое предупреждение было весьма кстати, т. к. Бенито Муссолини был серьезно встревожен событиями в соседней Австрии[150].

В Вену немецкие части вступили 12 марта в 22.00, но еще раньше там появились крупные подразделения немецкой полиции, СС и гестапо. Были закрыты все банки, приостановлены все платежи. Многие министры и высшие функционеры правительства Курта фон Шушнига были арестованы. Редакции всех газет были заняты отрядами СА. Главная же немецкая сила – 2-я танковая дивизия генерала Хайнца Гудериана – вступила в Вену после полуночи. На следующий день, 13 марта на венском Ринге он принял парад своих танковых войск.

Таким образом, операция «Отто» была в основном проведена в течение 24 часов. Немецкая оккупационная армия, насчитывавшая, по англо-французским оценкам, около 100 тыс. пехоты, 800 танков и 700 боевых самолетов, заняла за это время все важнейшие населенные пункты Австрии, не встретив сопротивления ни австрийской армии, ни гражданского населения Австрии. Давно ожидая эту минуту, местные нацисты встречали вступающие немецкие части цветами, лесом гитлеровских знамен и колокольным звоном.

Сразу же после вступления немецких частей в Зальцбург на одном из близлежащих больших соляных рудников отряд СС расстрелял 60 рабочих – коммунистов и социал-демократов.

Когда в украшенную флагами со свастикой Вену вступали немецкие танковые части, на одном из балконов пожилой седовласый мужчина вывесил черно-желтый флаг с двуглавым орлом Габсбургов. Это был руководитель монархической «Народной партии верности императору» полковник Отто Вольф. Тотчас же в его квартиру ворвались шесть эсэсовцев и несколькими выстрелами оборвали жизнь старого монархиста. Флаг Габсбургов рухнул под колеса немецких бронемашин.

Аншлюс Австрии не вызвал энергичных возражений западных держав. Правда, Франция намеревалась сказать «нет», но ввиду отсутствия поддержки со стороны британского правительства

отказалась от этого намерения. Западные державы выразили лишь устный протест, с которым Берлин не собирался считаться[151].

Участие Отто Скорцени

В своих мемуарах главный герой нашей книги подробно описал свое участие в операции «Отто». Вернее, в ее постфинальной части, когда все уже свершилось и требовалось выполнить лишь задание технического характера: арестовать, желательно без стрельбы, президента Вильгельма Микласа. Тем более что последний фактически уже утратил власть. И единственный, на кого он мог теоретически рассчитывать, был охранявший его отряд батальона гвардии.

Отто Скорцени весь день 12 марта находился на площади перед резиденцией канцлера. Ближе к полуночи, когда всем стало ясно, что власть в стране сменилась, он и его товарищи по Гимнастическому союзу начали расходиться по домам.

«Я в окружении моих товарищей шагал по маленькой улочке, расположенной за ведомством канцлера – недалеко был припаркован мой автомобиль…

В этот момент из каких-то ворот на тротуар улочки медленно выехал черный лимузин. Мы посторонились, чтобы дать ему проехать. Тут я услышал, что издалека меня зовет какой-то человек, вышедший из дворца в окружении нескольких мужчин. Он подошел быстрым шагом, и я узнал в нем Бруно Вайсса – председателя нашего Немецкого гимнастического союза. Он казался расстроенным и спросил, имею ли я в своем распоряжении автомобиль. Я ответил.

– Очень хорошо, – сказал Вайсс. – Это счастье, что я Вас нашел. Нам необходим спокойный и рассудительный человек! Видели ли Вы большой черный лимузин? В нем находится президент Миклас. Он возвращается в свой дворец на улице Рейснерштрассе, охраняемый отрядом батальона гвардии. Только что мы узнали, что именно сейчас отряд СА из Флорисдорфа получил приказ выехать на Рейснерштрассе, так как новое правительство должно охранять президента. Любой ценой необходимо избежать столкновения между этими двумя подразделениями. Вы меня понимаете?»

Как мы видим, Отто Скорцени получил это задание случайно. Просто оказался в нужное время в нужном месте. К тому же у него был и свой автомобиль – редкость по тем временам. Правда, при этом он попытался отвертеться от него, что-то начав говорить про отсутствие полномочий. В ответ услышал приказ:

«– От имени нового канцлера поручаю Вам отправиться на

Рейснерштрассе и спокойно, но решительно контролировать ситуацию с целью избежания какого-либо конфликта. Соберите нескольких товарищей, но, пожалуйста, не теряйте ни минуты. Я предупрежу канцлера, что именно Вам поручил эту миссию. Я попробую решить этот вопрос по телефону, хотя было бы лучше, чтобы Вы оказались на месте. Когда Вы туда приедете, пожалуйста, позвоните в ведомство канцлера. А теперь – езжайте, мой дорогой, дорога каждая минута…

Так и случилось! Я сразу же собрал десять надежных товарищей, которые разместились в нескольких автомобилях или же последовали за нами на своих мотоциклах. Мы двинулись в путь через толпу и прибыли ко дворцу точно в момент приезда президента. Проехав за ним, я приказал запереть главные ворота».

Пикантная ситуация – главный герой и его спутники были без оружия, не имели нарукавных повязок СА и были одеты в гражданскую одежду. Поэтому сцена на парадной лестнице президентского дворца была трагикомичной. На верхней лестничной площадке – лейтенант и человек 20 гвардейцев, которые готовы стрелять. Посреди лестницы – президент и его супруга. Внизу – Отто Скорцени и его 10 товарищей. А за их спинами разъяренная толпа «штурмовиков» пытается сломать ворота.

«– Спокойствие, господа! – я крикнул еще раз. – Господин президент, пожалуйста, выслушайте меня…

Миклас повернулся и удивленно посмотрел на меня:

– Кто Вы и чего хотите?

– Разрешите представиться – инженер Скорцени. Я являюсь посланцем федерального канцлера, дабы защитить Вас, господин президент. Могу ли я позвонить канцлеру? Он засвидетельствует, что я нахожусь здесь по его поручению.

– Да, конечно. Однако скажите мне, пожалуйста, что означает этот шум снаружи?

Ясное дело, что я знал причину шума, но пока не мог ее открыть. У меня было ощущение, что люди из СА хотят взять дворец штурмом, а это могло означать перестрелку.

– Прошу прощения, господин президент, я сейчас же узнаю.

Вместе с моим другом Герхардом и товарищами из Гимнастического союза нам удалось успокоить обе стороны. В присутствии доктора Микласа я позвонил в ведомство канцлера, и вскоре меня соединили с доктором Зейсс-Инквартом. Бруно Вайсс сделал все, что обещал, и новый канцлер несколько минут говорил с федеральным президентом, который позже передал мне трубку. Канцлер поблагодарил меня за решительность,

проявленную в данной ситуации. Он также попросил меня остаться во дворце до получения новых приказов и взять в свои руки командование батальоном гвардии, обеспечивающим безопасность внутри резиденции. Отряд СА должен был обеспечить порядок снаружи».

Фактически президент оказался блокированным в своей резиденции. А вот что произошло дальше:

«В течение трех дней и ночей я, ко всеобщему удовлетворению, добросовестно выполнял свою миссию. Не произошло пи одного инцидента, и все закончилось горячим рукопожатием с канцлером Зейсс-Инквартом»[152].

А вот судьба Вильгельма Микласа сложилась трагически. Он был посажен под домашний арест и отстранён от политической жизни страны. Умер 20 марта 1956 года в Вене.

Часть вторая
На фронтах и в тылу Второй мировой войны

Сражаясь на передовой

Летом 1939 года Отто Скорцени сдавал экзамены, чтобы получить лицензию пилота. Когда началась Вторая мировая война, его призвали в армию. Первоначально зачислили в ВВС, но вскоре выяснилось, что для начала карьеры военного летчика он староват – ему тогда исполнился 31 год. Поэтому он добился перевода в войска СС.

Курс молодого бойца

В основе концепции обучения военнослужащих войск СС была реализована такая идея. Вместо плотных цепей пехоты, наступавших под пулеметным огнем на позиции противника по окончании артиллерийской подготовки, нужно применять тактику ударных штурмовых отрядов, вооруженных автоматическим стрелковым оружием, гранатами и ножами. Под прикрытием артиллерийского огня эти отряды должны были приближаться к окопам противника и врываться в них сразу после окончания артподготовки. Такая тактика позволяла резко снизить потери наступавших, но требовала наличия решительных, инициативных, бесстрашных и безжалостных солдат-разрушителей, способных действовать и в составе штурмовых групп, и самостоятельно. Идея штурмовых групп была придумана в Германии еще во время Первой мировой войны.

Вот что о методике подготовки военнослужащих войск СС рассказал историк Виктор Шунков в своей книге «Солдаты разрушения»:

«Она (методика. – *Прим. ред.*) предусматривала постепенное усложнение выполняемых курсантами упражнений. Сначала новобранцы знакомились с устройством винтовок по учебным плакатам. Затем их учили разбирать, чистить и собирать винтовку, причем благодаря бесчисленному повторению этих операций действия солдата доводились до автоматизма.

Следующим этапом выступала учебная стрельба по мишеням, расстояние до которых постоянно увеличивалось. Патронов на выполнение этих упражнений не жалели, но если было ясно, что из солдата хороший стрелок не получится, его переводили в штабное или саперное подразделение.

Обязательным элементом боевой подготовки являлся рукопашный бой. Отрабатывалось ведение боя винтовками с примкнутыми штыками, саперными лопатками, ножами. С этой же целью солдат обучали приемам самообороны без оружия и боксу. Благодаря такой подготовке эсэсовская пехота, в отличие

от армейской, как правило, не уклонялась от ведения рукопашного боя с советской пехотой.

Занятия в классах и на стрельбищах чередовались со спортивными занятиями, в ходе которых с помощью специальных упражнений развивались ловкость и быстрота реакции солдат. Большой объем занимали физические упражнения, направленные на формирование выносливости, выдержки и бесстрашия.

Лучшим способом выработки выносливости и стойкости считались марш-броски и пробежки по пересеченной местности с полной выкладкой (нормативом являлось преодоление с полной выкладкой дистанции в 3 км за 20 мин.).

Важное место занимали ориентирование на местности и работа с картами, скалолазание, преодоление водных преград, в том числе весной и осенью, с грузом, имитирующим боевое снаряжение…

В отличие от методов обучения солдат в Вермахте, эсэсовцы не менее трех раз в неделю посещали политические занятия, где им преподавали основы нацистской философии, разъясняли идеи национал-социализма и исподволь формировали сознание расового превосходства над «недочеловеками», населяющими соседние с Германией страны.

После прохождения начальной физической и боевой подготовки солдаты переходили к отработке боевых действий в составе отделения. Занятия проводились в полевых условиях днем и ночью вне зависимости от метеорологических условий. Таким образом достигалась боевая слаженность отделений, а солдаты учились приспосабливаться к любым условиям…

Прошедшие обучение отделения участвовали в ротных учениях, во время которых отрабатывались приемы владения имеющимся на вооружении роты тяжелым пехотным оружием: пулеметами, минометами и противотанковыми ружьями. Бесстрашие и умение владеть собой в боевой обстановке отрабатывалось на расширенной и усовершенствованной штурмовой полосе под огнем боевыми патронами, среди взрывов имитационных зарядов, в пламени пожаров и облаках дыма. И хотя это иногда приводило к несчастным случаям, солдаты получали навыки действий в реальных фронтовых условиях, что в конце концов сохраняло им жизнь на поле боя…

Завершали процесс обучения батальонные и полковые учения»[153].

Обычно процесс обучения занимал от 4 до 6 месяцев.

Правда, об этапе обучения главный герой нашей книги, по непонятным причинам, предпочел не вспоминать. Зато он написал о другом виде подготовки, которую проходили

кандидаты в младшие офицеры.

«В феврале 1940 года меня перевели во вторую роту резервного батальона полка лейб-штандарте СС «Адольф Гитлер» в Берлине-Лихтерфельде. Я был инженером, кандидатом в офицеры. Мне предстояли шесть недель интенсивных тренировок в обществе семнадцати– и восемнадцатилетних парней. Так же, как и другие призывники моего возраста – врачи, фармацевты, юристы и инженеры, – я сжимал зубы, чтобы выдержать темп подготовки роты, которую заслуженно называли «лунной». Название это появилось в связи с явным пристрастием командира роты к ночным занятиям, которых у нас было сверх всякой меры», – напишет много лет спустя Отто Скорцени в своих мемуарах. Впрочем, в «лунной» роте он не задержался надолго. Он был переведен в резервный батальон полка войск СС «Германия» в Гамбурге-Лангенхорне, чтобы пройти специальную подготовку. В начале мая 1940 года в Берлине он сдал все экзамены и был зачислен кандидатом в офицеры.

Снова обратимся к воспоминаниям Отто Скорцени.

«Однако в мае 1940 года я оказался в серой полевой форме с орлом на плече на дорогах Голландии, Бельгии и Франции вместе с артиллерийским полком дивизии резерва СС – будущей дивизии “Рейх”, находящейся под командованием “папы” Гауссера. В нее входили артиллерийский полк, состоящий из трех дивизионов легкой и дивизиона тяжелой артиллерии, в котором я служил, и три полка моторизованной пехоты: “Германия”, “Фюрер”, “Дойчланд”. Дивизия очень хорошо зарекомендовала себя как в Брабанте, так и во Фландрии и Артуа. 6 и 7 июня мы с упорными боями перешли реку Сомму: линия Уиганда была добыта».

Впрочем, непосредственно в боях Отто Скорцени летом 1940 года не участвовал. Самое яркое его воспоминание того времени:

«Во время боев и походов по такой прекрасной стране, как Франция, меня поразило отвратительное лицо войны. Руины, брошенные дома, опустевшие деревни с разграбленными магазинами, гниющие трупы, наконец, достойные жалости толпы беженцев: стариков, женщин и детей, – часто прибывших еще из Бельгии, мимо которых мы проходили и проезжали, а иногда кормили их во время привалов. Война между людьми Запада была абсурдом, поэтому перемирие, подписанное с французским правительством 22 июня, показалось мне началом надежного мира в Европе….

В начале декабря 1940 года наша резервная дивизия СС (“SS-Verffigungsdivision”) переименована в дивизию “Рейх” (“Das Reich”). Ее организационную структуру изменили, омолодили личный состав частей и весной 1941 года приступили к смотру

боевой техники. Мы прошли маршем – даже несколько раз – через Германию, Голландию, Бельгию, Францию, Австрию, Венгрию, Румынию и Югославию»[154].

30 января 1941 года Отто Скорцени было присвоено первое офицерское звание – унтерштурмфюрера (лейтенанта).

Боевое крещение

В марте 1941 года дивизия была переброшена на юг Румынии. Именно здесь началось участие главного героя нашей книги в Балканской кампании. Вот как он описал свой первый бой.

«Мы начали атаку в воскресенье 6 апреля в 5.59 после пятиминутной артподготовки. Сербы ответили огнем, подорвали одну из наших разведывательных машин и сражались, укрывшись за широким противотанковым рвом, но они были не в состоянии помешать нам перейти его.

Боевое крещение я принял в обществе хауптштурмфюрера Нойгебауера, ветерана Первой мировой войны. Перед началом стрельбы внутри у меня все сжалось, как перед дуэлью на шпагах. Нойгебауер подал мне флягу со шнапсом и сказал:

– Сделайте глоток, Скорцени. Холодно…

Преодолев противотанковый ров, оставляя позади убитых и раненых, мы неудержимо рвались вперед к Панчева. Там стало известно, что наша дивизионная разведгруппа под командованием хауптштурмфюрера Клингенберга первой вошла в Белград, неожиданно для противника.

Меня послали в разведку во главе двух небольших механизированных групп, насчитывающих 24 солдата. Мы прошли через Вршац, настоящий старый австро-венгерский городок. Когда мы осторожно приближались к Карлсдорфу, нас вышло встречать восторженное население: это были местные немцы.

Мне сообщили о появлении сербских подразделений. Миновав населенный пункт, мы вступили с ними в бой на пересеченной местности, поросшей кустарником. Неприятель вел интенсивный, но не прицельный огонь, и все-таки следовало опасаться окружения. Я побежал на правый фланг моей группы, где солдаты удерживали позиции, несмотря на яростные атаки противника. Бой продолжался минут пятнадцать, когда я увидел человек тридцать вражеских солдат, появившихся передо мной из зарослей. Я сразу же приказал прекратить огонь и крикнул сербам, как мог громче: “Стой!”

Застигнутые врасплох, они подчинились моей команде и начали выходить со всех сторон. От неожиданности у меня

мурашки побежали по спине. Я думал, что же делать: стрелять или не стрелять? К счастью, часть моих солдат обошла сербов с тыла, и тогда враги бросили оружие и подняли руки вверх.

Мы вернулись в Карлсдорф со взятыми в плен пятью офицерами и более чем шестьюдесятью солдатами, но затем сами оказались в плену у этого населенного пункта на добрых три часа. Перед ратушей местный бургомистр произнес приветственную речь, и мы обменялись рукопожатиями, после чего он торжественно заявил, что местное население никогда не забывало своей немецкой родины. Позже нас пригласили на банкет, организованный в нашу честь в здании школы. Думаю, что ни Брюгелю (Питер Бригель – нидерландский художник и график. – *Прим. ред.*), ни Тенерсу (Давид Тенерс – один из наиболее значимых художников и гравёров фламандской школы. – *Прим. ред.*) никогда не приходилось изображать подобное пиршество»[155].

Было и еще одно радостное событие по окончании этого боя. За проведенную разведку Ото Скорцени было присвоено очередное воинское звание – оберштурмфюрер (старший лейтенант).

Участвуя в операции «Барбаросса»

В середине июня 1941 года дивизия, где во 2-м артиллерийском дивизионе артиллерийского полка служил Отто Скорцени, была передислоцирована к советско-германской границе. На вооружении его подразделения находились 105-миллиметровые легкие полевые гаубицы образца 1918 года. Почему на этот факт следует обратить особое внимание? Дело в том, что дальность обстрела – от 3,5 до 12,5 км (в зависимости от типа заряда и модификации орудия). И в своих мемуарах главный герой нашей книги явно приукрасил свое участия в боях против защитников Брестской крепости. Вот что он пишет:

«Во время боев по форсированию Буга и захвату Бреста мне запомнились три основных момента. На рассвете я находился на огневой позиции легкой артиллерии 2-го дивизиона, в котором тогда служил».

Первый эпизод, когда после обстрела выяснилось, что немцы стреляли, образно говоря, по площадям, а не по конкретным целям и поэтому не смогли нанести существенного ущерба противнику. Его там просто не было.

«Вторым особенным моментом я считаю то, что все-таки нам удалось ошеломить русских – противник с изумлением наблюдал, как 80 танков первого батальона 18-го танкового полка погрузились в воду Буга, чтобы через некоторое время выехать на

противоположном берегу. Это были новые подводные танки, специально подготовленные для операции “Морской лев”, идеально герметизированные и оснащенные Schnorchele, которые были использованы значительно позже на наших подводных лодках».

Действительно, 18 плавающих танков (Tauchpanzer III) ранним утром 22 июня форсировали реку Южный Буг в районе Бреста. Это был первый боевой опыт применения машин, которые первоначально планировали использовать в операции «Морской лев» (вторжение на территорию Великобритании). Планировалось, что танки на баржах будут переправлены через Ла-Манш, а затем преодолеют вплавь последний участок воды до побережья.

«Третий сюрприз оказался неприятным для нас. Сам Брест пал очень быстро, но старая, построенная на скале крепость, которую завоевывали еще когда-то крестоносцы, оборонялась еще три дня. Не помогли ни интенсивный артобстрел, ни бомбардировка. Я атаковал крепость вместе со взводом штурмовых орудий; русские снайперы отвечали огнем из укрытий, по которым мы стреляли прямой наводкой. Мы несли тяжелые потери, я видел, как погибали мои сослуживцы»[156].

Штурмовые орудия действительно били прямой наводкой, а вот гаубицы находились на некотором расстоянии от крепости, так что история про снайперов – художественный вымысел.

А вот что он написал о боях лета 1941 года:

«Во время наших боев в районе Березины и Днепра шли проливные дожди, и мы брели по грязи, из которой нашу технику приходилось просто в буквальном смысле вытаскивать. Починить многие машины было очень трудно или даже невозможно. Мы не знали, что нас еще ждут гораздо худшие переходы. Несмотря на грязь, ожесточенный бой и бомбардировку советской авиации, наша дивизия форсировала Днепр южнее Шклова…

Мы сражались на фронте длиной в тысячи километров. 24 июля наша часть выдвинулась вперед, а некоторые подразделения оказались почти в 100 километрах западнее. Ельня, расположенная на берегу реки Десны в 75 км на юго-восток от Смоленска, являлась одним из важнейших стратегических пунктов и крупным железнодорожным узлом. Совместно с 10-й танковой дивизией мы создали мостовой плацдарм и расширили оборону “ежом” 112 в радиусе примерно 8 километров. Мой дивизион оказался на юго-восточном направлении.

Поль Кэрелл был прав, назвав бои за Ельню “адскими”. Шесть недель недавно назначенный командующий Западным фронтом маршал Тимошенко пытался прорвать наши позиции, бросая в

бой резервные дивизии под командованием будущего маршала Константина Рокоссовского. Только 30 июля на “еже”, удерживаемом полком “Великая Германия” и дивизией “Рейх”, потерпели неудачу тринадцать советских атак. Наверное, это был именно тот день, когда наш командир хауптштурмфюрер Иоахим Румор, увидев Т-34 перед позициями 6-й батареи 2-го дивизиона, вскочил на мотоцикл и хладнокровно командовал, перемещаясь между нашими орудиями и танками противника. Последний из них был уничтожен снарядом из 105-миллиметрового орудия в 15 метрах от наших позиций… Очень вовремя! Это действительно был необычный эпизод. Вскоре Румора повысили в звании до штурмбаннфюрера (майора), а я получил Железный крест II степени. В начале августа нас сменили две пехотные дивизии. Однако возможности отдохнуть не было – получен приказ занять позиции севернее “ежа”, где пехота неприятеля яростно атаковала, неся при этом огромные потери»[157].

К счастью для главного героя нашей книги, в конце августа дивизию «Рейх» отвели с передовой линии фронта и отправили на отдых в окрестности Рославля – людям и технике это было очень необходимо.

«Отдых дивизии “Рейх” продолжался недолго. Мы приняли участие в тяжелых боях на флангах противника восточнее Киева, которые вели части Гудериана, прибывающие с севера, и части генерала фон Клейста, перебрасываемые с юга. Результат превзошел все наши ожидания: до 15 сентября было захвачено 665 000 пленных, 884 танка и 3718 орудий… Затем мы двинулись на север через Гомель к Рославлю и прибыли туда в конце сентября, чтобы принять участие в первой фазе операции “Тайфун”, предусматривающей захват Москвы»[158].

Осень 1941 года

В отличие от большинства воспоминаний немецких фронтовиков, где они подробно описывают свое участие в боях, Отто Скорцени почему-то проявил излишнюю скромность. Вот, например, что он написал о боях осенью 1941 года:

«Не преувеличивая, скажу, что до этого времени самым упорным и опасным противником для нас были местность и климат. Летом пыль и песок выводили из строя наши двигатели и забивали фильтры. Гудериану (Гейнц Гудериан – командующий 2-й танковой группой. – *Прим. ред.*) требовалось 600 новых двигателей, а он получил лишь половину; дивизии “Рейх” тоже не повезло. С 3 по 20 сентября шли дожди, и пыль сменилась грязью. Когда мы дошли до Десны, меня считали счастливчиком, так как я имел сотню исправных грузовиков. После тяжелых боев в

попытках окружить противника на Украине марш на север стал очередным хождением по мукам…

В начале октября мы повернули на северо-восток в направлении Юхнова и Гжацка. Было заметно, что приказы Сталина выполняются, так как в лесах, через которые двигалась колонна, уже тогда действовали партизанские отряды… Наши войска занимали две или три деревни из двадцати, а в остальных хозяйничали партизаны, командиры которых силой или уговорами подчиняли население…

Наблюдая за падающим снегом, придавшим утром 7 октября 1941 года грустный вид окружающему ландшафту, я ощутил мрачное предчувствие, которое, однако, сумел преодолеть благодаря своему природному оптимизму. Мы были неоспоримыми хозяевами перекрестка под Гжацком; до Москвы оставалось преодолеть приблизительно 160 километров по автостраде. “Автострада”! Это слово ассоциируется у нас с широкой мощеной или асфальтовой дорогой; в России она представляла собой широкий земляной вал, покрытый гравием…»[159].

Перед нами типичный пример воспоминаний «тыловика», военнослужащего, который двигался вслед за передовыми частями Вермахта. Вот почему для него основная проблема: отсутствие дорог с твердым покрытием, а не отступающая, но при этом активно сражающая с противником Красная Армия. Да и с советскими партизанами, если быть откровенными, осенью 1941 года было немного иначе. В реальности их было значительно меньше, да и действовали они разрозненными группами. Это не Брянские леса 1942–1943 годов.

А вот описание боев на Бородинском поле. Версия Отто Скорцени:

«16 октября мы атаковали под Бородино первую линию обороны Москвы…» Поясним, что речь идет о Можайской линии обороны, которую начали строить в июле 1941 года, и к началу октября 1941 года было готово лишь 40 % от запланированных сооружений. «Дивизия “Рейх” вела наступление совместно с бригадой генерала Бруно фон Хауншилда, входящей в состав 10-й танковой дивизии, 7-м бронетанковым полком, батальоном 90-го полка механизированной артиллерии и 10-м мотоциклетным батальоном. Между “автострадой” и старой почтовой дорогой, расположенной немного севернее, неприятель заминировал поля, возвел заграждения из колючей проволоки, противотанковые рвы и блиндажи. Их защищали спецподразделения, вооруженные огнеметами, отличной артиллерией и “орг*а*нами Сталина” (так немцы называли “Катюши”. – *Прим. ред.*); русских также

поддерживала авиация. И еще один неприятный сюрприз – под Бородино нам впервые пришлось сражаться с сибиряками. Это рослые, превосходные солдаты, отлично вооруженные; они были одеты в широкие меховые тулупы и шапки, на ногах – меховые сапоги. С нами сражалась 32-я пехотная дивизия из Владивостока при поддержке двух новых танковых бригад, состоящих из танков Т-34 и КВ. Из всех ожесточенных сражений, в которых мне пришлось участвовать, это, без сомнения, было самым кровопролитным. Это продолжалось два дня. Я видел, как погибли многие мои хорошие товарищи, “папа” Гауссер был тяжело ранен и потерял глаз. Однако артиллерия под командованием полковника Гельмута Вейдлинга проделала брешь в обороне противника. В нее ринулись наши штурмовые подразделения, и первая линия обороны Москвы была уничтожена. 19 октября мы вошли в Можайск; до Москвы оставалось чуть более 100 километров»[160].

В реальности все было иначе. Как говорится, у «страха глаза велики».

Действительно, с Дальнего Востока была переброшена 32-я стрелковая дивизия, которая в августе 1938 года участвовала в боях у Озера Хасан, сопок Безымянная и Заозерная. 10 октября 1941 года первые эшелоны с военнослужащими и техникой этого соединения начали прибывать в Можайск. После этого они начали занимать Можайский укрепрайон.

Дивизии предстояло выполнить следующие задачи: в течение 3 суток удерживать фронт шириной 30 километров, не допуская выхода вражеских войск к автостраде Минск – Москва, по которой до Москвы всего 126 километров, а также прорыва немцев на Бородинское поле. Предстояло выдержать удар группировки, насчитывавшей свыше 50 тыс. штыков; действия 40-го моторизованного корпуса поддерживали 10-я танковая дивизия в составе около 300 танков, эсэсовская дивизия «Рейх» и авиационный корпус. Для сравнения: численность 32-й стрелковой дивизии– 15 тыс. штыков. Плюс она была усилена 230-м запасным полком, сформированным из сотрудников военкоматов и интендантов, двумя танковыми бригадами и батальоном курсантов военно-политического училища. Нужно учитывать, что по штату танковая бригада на тот момент насчитывала 46 танков. Фактически немцы имели более чем трехкратное превосходство в живой силе и многократное в танках.

Вот как описал происходившие на Бородинском поле бои журналист В. С. Кусов.

«На главном направлении удара немецкой мотопехоты,

танков и авиации располагались подразделения 17-го стрелкового полка имени М.В. Фрунзе и батальона курсантов, дивизионы 154-го гаубичного артиллерийского полка и два противотанковых полка. Огневые позиции артиллеристов находились по обе стороны автомагистрали Минск – Москва (район деревень Верхняя и Нижняя Ельня и Артемки)…

В центре Бородинского поля заняли оборону 322-й стрелковый и 230-й запасной полки при поддержке дивизионов 133-го легкого артиллерийского, 121-го противотанкового и 154-го гаубичного полков. 12 октября в 18 часов по группам противника, попытавшимся приблизиться к передовым позициям Бородинской обороны, был дан залп из 12 гаубичных орудий – и завязалось ожесточенное сражение. Утром 13 октября после мощной артподготовки немецкой пехоте и танкам удалось преодолеть эскарп у деревни Рогачево, но их тут же накрыло пламенем из 70 огнеметов, замаскированных на обочинах дороги…

На рассвете 14 октября позиции 17-го стрелкового полка подверглись шквальной бомбежке. Фашистские самолеты волна за волной накатывались на окопы пехотинцев капитана Макадзе. Следом пошли танки, застрекотали автоматы эсэсовцев. Противник ворвался в окопы, завязалась рукопашная. Натиск немцев усиливался. Бойцы 9-й стрелковой роты 3-го батальона начали беспорядочно отходить. В этот критический миг политрук роты Г.И. Худанов, встав во весь рост, бросил клич: “Ни шагу назад!” Ценой своей жизни он привел отступающих в чувство, те стали залегать, отстреливаться; гаубицы капитана П.И. Куропятникова поставили стену заградительного огня. Атака захлебнулась. Однако противник не успокаивался. К исходу дня ему удалось прорвать оборону 17-го стрелкового полка. Снова выручили артиллеристы, взяв прорвавшихся в огневые клещи.

К вечеру разведчики старшего лейтенанта М.А. Сендерова установили, что немецкие танки сосредоточиваются в ближайшем лесу для поддержки атакующих групп пехоты с целью пробиться к трассе Минск – Москва. Назавтра рано утром силами 154-го гаубичного артполка, 2-го дивизиона 554-го пушечного полка и 4-й батареи 2-го дивизиона 11-го Гвардейского реактивно-минометного полка по лесу был нанесен мощный удар, после которого танковая дивизия гитлеровцев утратила боеспособность на весь день.

Ожесточенность сражения нарастала и на левом фланге. На окопы ползли и ползли танки, ведя за собой автоматчиков. Деревня Артемки семь раз переходила из рук в руки. Стремительно редели ряды обороняющихся: от батальона

курсантов военно-политического училища численностью 700 человек осталось в живых лишь 52 бойца.

16 октября немцы возобновили атаки силами оправившейся танковой дивизии. Основной удар наносился по позициям пехотинцев, державших оборону в центре Бородинского поля. Артиллеристы капитана Зеленова подбивали танк за танком, но противник не считался с потерями, бросая в бой все новые машины. Батарейцы бились до последнего дыхания: огневые позиции доставались врагу только тогда, когда выходила из строя последняя пушка и погибал последний солдат.

Тяжелое положение сложилось в районе станции Бородино, куда также прорвались танки и автоматчики, направляясь к деревне Семеновское. 1-й батальон 322-го стрелкового полка выбил немецких мотоциклистов из крайних домов, но вскоре деревню начала бомбить авиация. Танки были остановлены артиллерийским огнем, корректировавшимся лейтенантом Лезговко с колокольни Владимирского собора Спасо-Бородинского монастыря. Завязалась яростная схватка с немецкими автоматчиками, которым удалось пробиться к памятникам Финляндскому, Измайловскому и Литовскому полкам, героически сражавшимся здесь в 1812 году.

На Бородинском поле наша 32-я дивизия стояла насмерть. Продержались не трое, а целых шесть суток! К исходу 17 октября напор вражеских сил сдерживали поредевшие подразделения 322-го и 17-го стрелковых полков, сведенные в два отряда под командованием капитана Щербакова и старшего лейтенанта Портянкина.

18 октября немцы обходным маневром прорвали оборону на другом участке фронта и вошли в Можайск. Дивизия оказалась в мешке. По приказу командующего 5-й армией Л.А. Говорова во избежание окружения ее остатки начали отводить с правого фланга Бородинского рубежа на левый берег Москвы-реки. Уже ночью мы миновали здание Бородинского музея, на стене которого комдив сделал надпись: “Мы уходим, но мы еще вернемся”, – и стали переправляться через речку Колочь.

При отходе приходилось не только отбивать атаки противника, но и контратаковать его подразделения, двигавшиеся на Москву…»[161].

А что вспоминает Отто Скорцени о тех днях?

«После Можайска сопротивление ослабло, и мы были убеждены, что в начале ноября войдем в Москву. Но произошла катастрофа: с воскресенья 19 октября начались проливные дожди и группа армий “Центр” на три дня завязла в грязи. Я получил приказ вытащить грузовики, застрявшие на “автостраде”. Картина

была ужасная: на сотни километров растянулась колонна техники, где в три ряда стояли тысячи машин, увязшие в грязи иногда по капот. Не хватало бензина и боеприпасов. Обеспечение, в среднем 200 тонн на дивизию, доставлялось по воздуху. Были потеряны три бесценные недели и огромное количество материальных средств».

Это воспоминания «тыловика», а не сражающегося на передовой офицера. Впрочем, писал он не только о проблемах со снабжением, но и о потерях. Причем как-то буднично и между прочим.

«С 9 октября по 5 декабря дивизия “Рейх”, 10-я танковая дивизия и другие части XVI танкового корпуса потеряли 7582 военнослужащих, что составляло 40 процентов их штатного личного состава. Через шесть дней, когда наши позиции были атакованы вновь прибывшими сибирскими дивизиями, наши потери превысили 75 процентов начальной численности».

Странно, что при таких потерях Вермахта главный герой нашей книги не получил даже легкого ранения. Впрочем, 12 декабря 1941 года дивизия получила приказ начать отступление на линию Можайск – Волоколамск. Операция “Тайфун” завершилась поражением Вермахта.

«Во время отступления я замечал, что многие старшие офицеры теряли хладнокровие. Какой-то полковник махал руками и запрещал мне, несмотря на предъявленный мной приказ, отправляться с грузовиками в Волоколамск, потому что он “знал”, что там уже русские. Это было неправдой. Я доехал до Волоколамска, находящегося приблизительно в 60 километрах на северо-восток от Истры, – там и в помине не было русских солдат, а дивизия “Рейх” оставалась на своих оборонительных позициях»[162].

Ну, если «какой-то полковник» пытался запретить Отто Скорцени ехать в Волоколамск во главе колоны грузовиков, то это значит, что главный герой нашей книги сопровождал какие-то материальные ценности. Если бы в грузовиках ехали солдаты, то старший офицер не стал бы препятствовать движению.

В глубоком тылу

Пребывание главного героя нашей книги завершилось в январе 1942 года. В декабре 1941 года он попал под обстрел «Катюш», был контужен и к тому же ранен в голову. Плюс к этому у него были постоянные колики в печени. «В начале 1942 года меня эвакуировали в Смоленск, а затем очень быстро – в Вену. Мое состояние ухудшилось, и меня должны были оперировать. Пребывание в госпитале в Карловых Варах позволило тогда

избежать скальпеля хирурга, под который я попал только в плену в 1946 году»[163].

Весь 1942 год Отто Скорцени провел в глубоком тылу. Сначала в течение 6 месяцев он служил в резервном батальоне дивизии СС лейб-штандарте «Адольф Гитлер». Затем вызвался добровольцем для обучения в школе бронетанковых войск. После ее окончания его направили в дивизию войск СС «Мертвая голова», которую преобразовывали из моторизованной части в танковую. Правда, на фронт он так и не попал. «К сожалению, я до конца так и не вылечился, поэтому зимой на рубеже 1942–1943 годов моя болезнь вернулась. Командование быстро отреагировало и направило меня вновь в берлинский резервный батальон лейб-штандарте»,[164] – напишет он много лет спустя в своих мемуарах.

Командуя диверсантами

Во время нахождения в госпиталях и в глубоком тылу, размышляя над причинами неудач дивизии «Рейх» осенью 1941 года, а также над катастрофой под Сталинградом, Отто Скорцени, как он сам напишет много лет спустя, признал следующее: «…Мы ведем не революционную, а обычную войну на уничтожение. Не обязательно было знать грустную подоплеку Сталинградской катастрофы, результат которой не скрывали от немецкого народа, чтобы понять, что противник многому научился и уже умел столько же, а может и больше, чем мы. Лично я был убежден: чтобы склонить чашу весов на нашу сторону, необходимо, как в 1939–1940 годы, использовать другие методы – смелые и неожиданные. Требовалось по-новому продумать концепцию войны, найти, сконструировать и применить новое оружие. Я понимал, что у меня слишком буйное воображение, ведь я был всего лишь неизвестным оберштурмфюрером. Если бы я выложил мои “подрывные” идеи какому-нибудь генералу с красными лампасами на брюках, они вызвали бы у него улыбку»[165].

Не из-за того, что озвученные главным героем нашей книги идеи были странными, а по другой причине – т. к. еще в марте 1942 года в структуре VI управления РСХА (СД – Заграница) для организации разведывательно-диверсионной работы в советском тылу была создана организация «Цеппелин». На нее возлагались задачи политической разведки, диверсионно-террористический деятельности и создания сепаратистских национальных движений в советском тылу.

Ключевой фигурой в создании этого подразделения был руководитель группы С (разведка в СССР и на Дальнем Востоке) VI управления РСХА оберштумбанфюрер СС Гейнц Грэфе. С апреля 1941 года он руководил этой группой и особенно много сделал для привлечения к сотрудничеству в 1941 году руководителей литовских националистических организаций.

В декабре 1941 года – январе 1942 года Грэфе представил руководству «План действий по политическому разложению в Советском Союзе». Он предполагал массовую вербовку и заброску в тыл агентов из числа советских военнопленных для «поддержки антисталинск их оппозиционных групп», организации пропаганды, разведки, саботажа и даже создания повстанческих групп.

Планировалось заброска в тыл групп, специально подготовленных для выполнения определенных задач. Планом предусматривалось создание следующих групп:

«разведывательные группы – для сбора и передачи информации из СССР;

пропагандистские группы – для ведения социальной, националистической и религиозной пропаганды;

повстанческие группы – для организации и проведения восстаний;

диверсионные группы – для проведения политических диверсий и актов террора…».

Как мы видим, в отличие от абстрактных идей Отто Скорцени, предложения Гейнца Грэфе были практическими и относительно легко реализуемыми на практике. Более того, уже в феврале 1942 года началась реализация этих предложений.

В частности, в структуре VI управления РСХА был создан специальный реферат C/Z. Основным органом руководства «Цеппелин» был оперативный штаб, который подразделялся на отделы, а те – в свою очередь, на подотделы.

Весной 1942 года «Цеппелин» в качестве фронтовых органов на советско-германском фронте сформировал зондеркоманды при действовавших в СССР эйнзацгруппах. В их функции входили:

работа с военнопленными – опрос на предмет сбора разведданных о внутриполитическом положении в СССР и отбор кандидатов в агенты;

сбор обмундирования, документов и других материалов для снабжения агентуры;

отправка отобранных военнопленных в особые учебные лагеря «Цеппелина», иногда – подготовка агентов на месте;

переброска агентов через линию фронта.

Кроме того, организация создала ряд учебных школ и лагерей для обучения своих агентов и создала филиалы «Цеппелина» в концлагерях Аушвиц, Бухенвальд и Заксенхаузен. Осенью 1942 года организация сосредоточила большую часть своих школ и лагерей на территории Польши.

Весной 1943 года с целью концентрации сил вместо зондеркоманд сформировали две «главные команды» (нем. Hauptkommando):

«Руссланд Митте» (Россия – Центр), позднее переименованная в «Руссланд Норд» (Россия – Север), начальник – штурмбаннфюрер СС Краус;

«Руссланд Зюд» (Россия – Юг), она же «Штаб доктора Редера», начальник – штурмбаннфюрер СС Феннер.

Начальник главной команды подчинялся непосредственно главному штабу «Цеппелина» в Берлине и имел полную самостоятельность в оперативной деятельности.

В 1944–1945 годах школы и подразделения «Цеппелин» были

расформированы и перегруппированы[166].

Обо всем этом в своих мемуарах главный герой нашей книги предпочел умолчать. Зато подробно рассказал о том, почему именно его выбрали на роль начальника созданного в 1943 году отдела VI S. Основная задача этого подразделения – организация материального, морального и политического саботажа[167].

«По моему мнению, штаб войск СС больше всего заинтересовало то, что я мог одновременно водить и ремонтировать не только немецкие и американские танки, но и мощные русские Т-34, в которых передачу иногда приходилось переключать с помощью молотка. Я мог также пилотировать самолеты и скоростные катера, умел плавать, достаточно хорошо стрелял из длинноствольного и короткоствольного оружия, был способен руководить артиллерийским огнем, командовал разведкой, строил мосты, писал внятные рапорты и так далее»,[168] – хвастливо написал Отто Скорцени в своих мемуарах.

Именно благодаря вот такому набору компетенций, по мнению Отто Скорцени, ему присвоили очередное звание – гауптштурмфюрера и назначили… командиром специального батальона «Ораниенбург» (позднее переименован в «Фриденталь»), а также школы «Морской двор». Эти было все, чем в середине 1943 года располагал отдел VI S. Впрочем, не прошло и года, и по находящимся в его распоряжении ресурсам он превзошел «конкурента» – отдел VI C, в структуру которого входила организация «Цеппелин».

В реальности причина была иной. Австриец Эрнст Кальтенбруннер в начале 1943 года был назначен руководителем РСХА. «Оказавшись в Берлине, новый шеф чувствовал себя вначале не совсем уверенно. Будучи окруженным старыми сотрудниками полиции и СД, относившимися к нему неприязненно и даже недоверчиво, он поспешил опереться на тех немногих австрийцев, которые имелись в главном управлении имперской безопасности, полагая, что на земляков он уж может рассчитывать»[169], – написал в своих мемуарах другой австриец, который в феврале 1943 года после опалы был возвращен в VI управление РСХА (внешнеполитическая разведка) Вильгельм Хёттель. Причем он не был лично знаком тогда с новым руководителем РСХА. А вот Отто Скорцени несколько раз встречался с Кальтенбруннером до 1938 года.

История «Ораниенбурга» – «Фриденталя»

В начале 1942 года, согласно приказу начальника штаба Главного оперативного управления СС Ганса Юттнера, было создано специальное подразделение для выполнения

специальных задач «Ораниенбург» (Sonderlehrgang z. b. V «Oranienburg»). Фактически новое подразделение должно быть стать аналогом существовавшего в Абвере соединения «Брандербург». Последнее было сформировано в октябре 1939 года и первоначально называлось 800-я учебно-строительная рота особого назначения. Основная задача данного подразделения – подготовка кадров для разведывательно-диверсионной работы. В январе 1940 года она была переименована в батальон с добавлением слова «Бранденбург» (место ее дислокации), а ее численность увеличилась со 100 до 600 человек. В октябре 1940 года он был преобразован в полк. Подробно об истории этого соединения рассказано в книге Юрия Неподаева «Спецназ адмирала Канариса»[170].

Дело в том, что Ганс Юттнер строго следил за тем, чтобы войска СС во всём соответствовали нормам и требованиям Вермахта. Старался не допускать перехода в войска СС консервативных и недостаточно подготовленных, с его точки зрения, в политическом плане кадров из армии и полиции. В результате деятельности Юттнера войска СС к концу войны стали фактически самостоятельными войсками.

Первоначально численность подразделения «Ораниенбург» была 100 человек. Командовал им гауптштурмфюрер ван Вессем. Курсы находились в подчинении управления VI F РСХА и вначале имели в своем составе 70 унтер-офицеров (преподаватели, инструктора и хозяйственные служащие) и 30 нижних чинов (в основном хозяйственные рабочие). Курсы подготавливали иностранцев и добровольцев из войск СС к диверсионной и партизанской деятельности[171].

В 1942 году несколько слушателей курсов прибыли в Иран для проведения диверсий и помощи в организации повстанческого движения из местных племен. После первых успехов почти все диверсанты СС были пойманы или уничтожены английской и советской контрразведками.

Главный герой нашей книги так описал наследство, которое якобы досталось ему от предшественника: «командовал голландский офицер войск СС; штаб как таковой отсутствовал. Архивная служба, строевая часть и связь практически не существовали. Из 300 человек, которых я нашел во Фридентале, 85 % составляли немцы, а 15 % – голландцы, фламандцы, а также румынские и венгерские “фольксдойче”. Все они были добровольцами и, подчеркиваю это, подобно мне, принадлежали к войскам СС»[172].

5 августа 1943 года курсы были переименованы в соединение особого назначения «Фриденталь».

После назначения на должность руководителя курсов штурмбаннфюрера СС Отто Скорцени в Фридентале были организованы штаб и три роты. Этим реформы не ограничились. Изучив программу подготовки личного состава, которая ему «сразу же показалась недоработанной», он «решил кардинально изменить программу обучения и тренировки: батальон должен иметь полный штат, солдатам необходимо пройти интенсивную специальную подготовку, а также требуется обеспечить их соответствующим снаряжением».

В начале сентября 1943 года командир и несколько унтер-офицеров соединения участвовали в операции по освобождению Бенито Муссолини из заточения в горном отеле «Гран Сасео». После этой операции Скорцени стал национальным героем, а его часть получила разрешение на дальнейшее увеличение. Кроме того, в части СС потянулись лучшие кадры полка «Бранденбург», диверсионной части Вермахта.

В октябре 1943 года одна рота соединения была отправлена на территорию Югославии. Рота участвовала в ряде антипартизанских операций, а затем в декабре 1943 года или январе 1944 года вернулась в Фриденталь.

Первая рота соединения в ноябре 1943 г. была вызвана во Францию, где в это время Скорцени готовил операцию по оккупации Виши. 20 декабря операция была отменена, и рота вернулась в Фриденталь.

В феврале 1944 года две роты (1-я и 2-я) соединения были отправлены на Восточный фронт, где в течение шести недель участвовали в антипартизанских операциях в Белоруссии. 3-я рота соединения, созданная из германских добровольцев, все это время находилась в Фридентале.

Весной 1944 года была создана 4-я рота соединения из восточных добровольцев. 17 апреля соединение «Фриденталь» было переименовано в егерский батальон СС № 502. В июне 1944 г. в составе батальона было уже 5 рот и штаб, а его общая численность достигла 615 человек. До октября 1944 года батальон оставался в Фридентале. В начале октября батальон начал перебрасываться к границам Венгрии, а затем к Будапешту. 15–16 октября батальон вместе с парашютистами СС участвовал в операции «Панцерфауст», действуя на главном направлении. В ноябре 1944 года 502-й батальон отбыл в Фриденталь и был реорганизован в истребительное соединение СС «Мите»[173].

«Ваффен СС Ягдверband»

В мае-июне 1944 года по указанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в РСХА был создан специальный орган для проведения

диверсионно-террористических и разведывательных мероприятий в тылах армий стран антигитлеровской коалиции. Орган, получивший название Истребительное соединение войск СС («Ваффен СС Ягдвербанд»), находился под непосредственным контролем рейхсфюрера. Комплектованием и руководством практической деятельностью ведал оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, одновременно возглавлявший реферат VIЦ IV управления РСХА, а также группу Д военного управления РСХА. Таким образом, в руках одного человека были сосредоточены все части специального назначения немецкой армии, СС и Люфтваффе.

Личный состав нового органа состоял из опытных кадров гитлеровского спецназа. Официальные сотрудники и агентура Абвера и «Цеппелина», военнослужащие соединения «Бранденбург-800» и войска СС передали «Ягдвербанду» свои надежные и хорошо обученные кадры. По мере расширения формирования в него вливались бывшие кадры полицейских, охранных, восточных батальонов и рот и прочих коллаборационистских формирований.

Деятельностью Истребительного соединения руководил штаб формирования, размещавшийся в м. Фриденталь в нескольких километрах от Ораниенбурга. Начальником штаба был назначен гауптштурмфюрер СС барон Адриан фон Фелькерзам.

Главный штаб формирования, именовавшийся также «Спецподразделение СС ЦБФ “Фриденталь”», созданный 5 августа 1943 года, состоял из следующих отделов:

1А – ведал разработкой планов диверсионных операций, производил заброску агентуры и боевых групп, руководил их действиями. Начальник отдела – гауптштурмфюрер СС Гунке, затем штурмбаннфюрер Айк;

1Б – отвечал за обеспечение и снабжение агентуры и боевиков. Начальник – гауптштурмфюрер СС Гергардт;

1Ц – разведка. Осуществлял сбор и обработку разведывательных данных, вел контрразведывательную работу среди личного состава органа. Начальник – оберштурмфюрер СС Ридль;

оперативный отдел – занимался вопросами подбора и подготовки кадров. Начальник – гауптштурмфюрер СС Вайс.

В непосредственном подчинении штаба находились 600-й воздушно-десантный и 502-й егерский батальоны.

Также в состав соединения входили: «Ягдвербанд Митте» (истребительное соединение Центр), «Ягдвербанд Ост» (истребительное соединение Восток), «Ягдвербанд Вест» (истребительное соединение Запад), «Ягдвербанд Зюд»

(истребительное соединение Юг), «Ягдвербанд Зюд-Ост» (истребительное соединение Юго-Восток) и «Ягдвербанд Норд» (истребительное соединение Север) и др.[174]

«Ягдвербанд Митте» состояло из штаба со штабной ротой, пулеметной роты, 3 немецких рот и 4 иностранных рот. В начале ноября 1944 года из состава подразделения были отобраны чины для участия в операции «Гриф». Планировалось, что сформированная из них рота на трофейной американо-британской бронетехнике совершит рейд по тылам наступающих западных войск. Операция закончилась неудачно. Часть понесла большие потери, и в январе 1945 года остатки роты вернулись обратно. В январе 1945 года из соединений «Мите» и «Норд-Вест» была создана боевая группа (ею командовал Отто Скорцени), позже отправленная на Одерский фронт. Участвовала в обороне города Шведт. В марте из остатков соединения и 600-го парашютного батальона СС был сформирован танково-гренадерский полк № 107 «Солар» («Солнечный» – радиопозывной Отто Скорцени). В апреле 1945 года в ходе боев понес значительные потери и был расформирован.

«Ягдвербанд Норд-Вест» был сформирован в ноябре 1944 года на базе егерского батальона СС «Норд Вест», который дислоцировался во Франции и занимался антипартизанской борьбой. В декабре 1944 года соединение увеличилось до 8 рот (4 немецкие и 4 иностранные). В январе 1945 года соединение было направлено на Одерский фронт и сражалось у Шведта. Затем соединение стало часть полка СС «Солар».

«Ягдвербанд Ост» осуществляло диверсионно-террористическую деятельность против Красной Армии. В его подчинении находилось подразделение, именуемое «Ягдайнзатц Балтикум». Территория его деятельности ограничивалась пределами советских прибалтийских республик. Еще одно подразделение «Истребительная команда – вся Россия» («Ягдайнзатц Руссланд им гезанд») действовала на всем советско-германском фронте. И третье подразделение – «Ягдайнзатц Полен» (Польша). Кроме этого, в состав соединения входило несколько диверсионных школ, ранее готовивших кадры для «Цеппелин». В апреле 1945 года из остатков соединения была создана сводная рота, которая участвовала в обороне Нойештрелица.

«Ягдвербанд Зюд-Ост» было сформировано в ноябре 1944 года. В состав соединения входило 6 подгрупп (каждая численностью меньше роты): «Словакиен», «Сербиен-Кроатиен», «Руманиен», «Унгарн», «Болгариен» и «Албаниен». Участвовали в различных диверсионных операциях и жестких антипартизанских

акциях на Балканах, в Румынии и Венгрии. В апреле 1945 года из оставшихся чинов соединения было сформирована часть и отправлена на фронт. Должна была прибыть в Линц, но информации об исполнении этого приказа нет.

«Ягдвербанд Норд-Вест» и ««Ягдвербанд Зюд-Вест» действовали на территории Франции, Бельгии и Голландии. Правда, эффективность их деятельности в тылу наступающих западных войск была низкой[175].

Операция «Ульм»: мертвая зона

«Спланированная рейхсфюрером СС Гиммлером операция “Ульм” была нелегкой. Речь шла об уничтожении больших доменных печей Магнитогорска, а также одной или двух электростанций, снабжающих электроэнергией громадные металлургические и химические комбинаты этого региона.

Мне никогда не представлялся случай увидеть Магнитогорск, расположенный за Уралом. Наиболее полными данными о советской тяжелой промышленности располагала разведслужба Люфтваффе, которая в 1940–1941 годы, когда наше господство в воздухе было бесспорным, сделала превосходные снимки…» – написал в своих мемуарах Отто Скорцени.

Дальше он рассказывает о том, как удалось кое-что выяснить в результате допросов военнопленных, но как он сам признался: «все эти данные не продвигали вперед моей подготовки, так как у меня все равно не было возможности быстрого уничтожения чего-нибудь в районе Урала».

Любопытная реакция его непосредственного начальника – руководителя внешнеполитической разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга, который, «прочитав телеграмму с угрозами от Гиммлера», начал «выпытывать» Отто Скорцени об операции «Ульм».

Вот как среагировал на это главный герой нашей книги:

«Я искренне ответил ему, что она является просто абсурдной. У меня было намерение написать рапорт в этом же духе.

«Вам лучше воздержаться от подобного заявления, – сказал он. – Позвольте дать Вам совет, вытекающий из моего опыта, – чем несерьезнее или абсурднее кажется Вам идея начальника, тем с большим энтузиазмом Вы должны с ней согласиться и признать гениальной. После этого в течение четырех или пяти месяцев Вы должны имитировать бурную деятельность, ожидая, пока “верхушка” предоставит новый план, еще более экстравагантный, чем прежний, о котором уже забыли. Вскоре Вы будете иметь репутацию человека, которого никто не остановит и на которого можно положиться, тем более что, не предпринимая никаких действий, Вы не потерпите поражения»[176].

Этот эпизод можно было рассматривать как «байку». Вальтер Шелленберг – не тот человек, чтобы давать такие советы своим подчиненным. Если бы не одно важное обстоятельство. Операция «Ульм» была реализована. Причем при непосредственном участии Отто Скорцени. Вот только большинство немецких агентов было нейтрализовано в тот момент, как только они оказались в

советском тылу. Может, поэтому главный герой нашей книги предпочел не вспоминать этого эпизода из своей биографии.

Зато о встрече с Отто Скорцени написал в своих воспоминаниях один из непосредственных участников операции «Ульм» Петр Соколов. Его отец был полковником царской армии, который после окончания Гражданской войны эмигрировал в Болгарию, где и родился Петр.

Во время подготовки к операции «Ульм» группу диверсантов, которых планировалось вывести в советский тыл, привезли на экскурсию в Берлин. Среди мероприятий была запланирована встреча с главным героем нашей книги. Вот как ее описал Петр Соколов:

«Незадолго перед тем немцы выкрали Муссоллини из горного замка в Альпах, где тот содержался под стражей после произошедшего в Италии переворота. Сделано это было парашютистами под руководством тогда хауптманна (капитана) Скорцени. После этой акции Скорцени прославился, быстро пошел в гору и в то время имел руководящий пост в разведке и чин штурмбаннфюрера СС. К нему на поклон нас и привели. К нам вышел рыжий молодец со шрамами на щеке, подержался за руки, задал те же пустые вопросы. На этом аудиенция закончилась. Скорцени у нас называют диверсантом № 1 гитлеровского рейха. Впоследствии его вроде бы хотели судить как военного преступника, но он исчез и вынырнул затем в Испании, где и прожил до конца своих дней».

Поясним, что до этого была встреча с другим немецким функционером из разведки. Вот как она прошла:

«Нас завели в большую комнату, где стоял длинный стол. Пришел какой-то чин. Не Шелленберг и, естественно, не Штирлиц. Он обошел каждого, пожал руки и задал стандартные вопросы: “Как Вас зовут?”, “Сколько Вам лет?”, “Кто Вы по профессии?” Все это он говорил бесцветным голосом, и, не дождавшись зачастую ответа, говорил: “Ach, so!” (Ах, вот как!), и шел дальше. В период этой церемонии двое расторопных солдат из русских принесли бутылки с водкой и стаканы и расставили их на столе. Обойдя всех, чин произнес речь. Суть ее я мало уловил, будучи на другом конце стола. Там была и Великая Германия, и спасение Европы, и золотые буквы в истории… В завершение он предложил выпить во здравие фюрера. Все откликнулись на призыв, и на лицах проступило недоумение: в бутылках оказалась чистейшая вода. Но все смолчали, кроме Ходолея, который ехидным шепотком заметил, что это самое подходящее питье за фюрера. Хозяин кабинета, увлекшись красноречием, выпил последним. Мы с интересом наблюдали, как брови у него

поползли вверх. Он приказал немедленно убрать эти и принести другие бутылки. Во второй партии вода была покрепче»[177].

Урал под прицелом

В годы Великой Отечественной войны Урал являлся одним из важнейших регионов страны по производству вооружения и боеприпасов. Достаточно отметить, что из 98 тыс. танков, выпущенных промышленностью в годы войны, 27 тыс. сошли с конвейера Нижнетагильского танкового завода.

Военные и металлургические заводы охранялись подразделениями внутренних войск НКВД и ВОХР, плюс на них существовал достаточно строгий пропускной режим. Все это значительно затрудняло возможность проведения диверсий на этих объектах. Поэтому в фокусе внимания немецкого разведоргана «Цеппелин» находились: электростанции, магистральные линии электропередач, угольные шахты, железные дороги, мосты и все, что могло остановить или нарушить работу заводов.

Подготовка группы диверсантов общей численностью 70 человек началась в августе 1943 года. Из них непосредственно для участия в операции планировалось отобрать 50. Перед группой ставилась задача: приземлиться на Урале мелкими группами, разойтись по намеченным маршрутам, держа связь с центром по радио, и начать по его указанию диверсионные действия. В состав формирования «Ульм» (50 человек) входили военнопленные, хорошо знавшие города Златоуст, Магнитогорск, Нижний Тагил, Омск, Свердловск (Екатеринбург), Челябинск.

О том, как проходила подготовка группы «Ульм», рассказал Петр Соколов:

«Вскоре выдали и документы. Вместо обычной “Зольдбух” (солдатской книжки) дали “Айнзатцбух”, что-то вроде служебной книжки, где удостоверялось, что мы являмся сотрудниками VI отдела СД, того самого, где якобы подвизался Штирлиц и который возглавлял его приятель Вальтер Шелленберг. Наше подразделение получило название группа “Ульм”. По замыслам нашего руководства, навеянным неистощимой фантазией Семенова, группе “Ульм” ставилась задача десантироваться с воздуха на Урале, мелкими группами (тройками) разойтись по намеченным маршрутам, держа связь с Центром по радио, а затем в назначенное им время одновременно вывести из строя линии высокого напряжения, питающие энергией промышленность Уральского региона. Это должно было вызвать не только временную остановку заводов, но и выход из строя многих производств металлургического профиля. Идея эта нам сразу же

представилась беспочвенной авантюрой, нацеленной разве на внешний эффект, выгодный только для авторов замысла. Указанным целям соответствовало и направление подготовки. Она была далека от киношных стандартов, но в целом довольно основательна. Тщательно изучались карты предполагаемой местности действий (карты были отменные, в цвете, очень крупного масштаба), учились ориентироваться и передвигаться по компасу, изучались разные виды взрывчатки, капсюли и взрыватели разного назначения. Проводились физическая подготовка, стрельбы из пистолетов и автоматов английского производства. Автоматы эти, крайне простые по устройству и грубые по отделке, легко разбирались на три части и становились удобными для скрытной переноски. Имели они прямые магазины на 20 пистолетных патронов 9 мм. Изучали также советские документы, бланки, способы их заполнения и подделки. Подготовкой занимались инструкторы из немцев, а иногда и советских инженеров, о которых я упоминал ранее. У ворот лагеря имелся часовой из персонала обслуги лагеря, но вход и выход был свободным для всех, включая военнопленных из рабочей команды. Питались мы все из одного котла, но мы получали дополнительно сухие продукты вроде сыра, колбасы, повидла»[178].

Планы и их реализация

Передовая группа (северная) в составе 7 человек должна была десантироваться предположительно в 50–60 километрах северо-восточнее города Кизела. Вылет южной группы с приземлением в 200–400 км южнее для уничтожения заводов в городах Свердловске и Челябинске планировался сразу после приема радиограммы из советского тыла о приземлении передовой группы. Она была отлично экипирована: от саней и лыж до аптечек и альпийских защитных очков. Помимо оружия, боеприпасов, взрывчатки и пр., ее участники были снабжены ядом, отравленным коньяком и папиросами, масками, предохраняющими от холода, и т. д.

18 февраля 1944 года первая группа была десантирована в советский тыл. Правда, вместо окрестностей города Кизела (Пермская область) она оказалась в районе поселка Сюзьва (Кировской области) – пилот ошибся на 300 км. Местность, куда приземлились диверсанты, была малопригодной для них. Мало того, что в данном районе находились лишь два небольших поселка, так покрытая тайгой и болотами эта территория у местных жителей считалась «гиблым местом».

Оно действительно стало смертоносным для диверсантов.

Четверо из них получили серьезные травмы при приземлении и застрелились. Оставшихся в живых диверсантов настиг голод. В поисках друг друга в условиях глубокого снежного покрова им понадобилось несколько суток. Голод привел к тому, что они ели трупное мясо. Поскольку группа не вышла на связь с центром, немцы отказались от продолжения операции.

Трое диверсантов сумели каким-то образом смогли прожить в тайге до начала июня 1944 года. У переправы через реку Чус их без боя задержала оперативная группа сотрудников НКВД. Все трое были осуждены на 15, 10 и 8 лет. Так бесславно закончилась операция «Ульм»[179].

Для тех, кому интересны подробности подготовки и реализации, рекомендуем книгу Владимира Кашина «Урал под прицелом. Операция “Ульм”»[180].

Операция «Ход конем»

«Весной 1944 года я получил приказ от Верховного главнокомандования Вермахта обнаружить и уничтожить ставку Тито…» – написал в своих мемуарах главный герой нашей книги. Далее он рассказал подробности операции «Ход конем», целью которой было уничтожение лидера югославских партизан.

«Где находился Тито? Я не имел понятия. Югославия – это горная страна с густыми лесами, отлично подходящая для партизанской войны. Данные, поставляемые мне службами Абвера и СД, были неясными, а иногда и противоречивыми. Из Белграда я направился в Загреб и организовал там собственную разведку. Ее я поручил трем хорошим офицерам, отвечавшим за руководство отдельными разведывательными организациями. Агенты действовали независимо друг от друга. Я решил не предпринимать никаких действий, пока не получу данных, которые подтверждались бы всеми тремя источниками…

На Фрушской горе (горы, расположенные параллельно долине Дуная) я разместил учебный стрелковый батальон моего “Охотничьего подразделения”, для которого это была отличная тренировка. Каждый день мы отправлялись на операции против партизан Тито.

Армейский конвой поднял бы по тревоге стражу маршала, поэтому я исколесил этот регион на гражданском автомобиле в обществе двух унтер-офицеров. Когда, преодолевая ужасные дороги, мы проехали по долине Савы к Брчку, а затем к Загребу, командиры немецких гарнизонов были удивлены, увидев нас целыми и невредимыми. Дороги, по которым нам пришлось двигаться, контролировались партизанами. Действительно, мы встретили несколько групп бородатых крестьян с ружьями через плечо. Мы незаметно снимали с предохранителей наши автоматы, но эти люди проходили мимо, от всего сердца приветствуя нас. Действительно, это были партизанские отряды, и я поступал тогда необдуманно…

Я вернулся в Берлин. В конце весны мне стало известно из различных источников, что Тито и его штаб находятся в окрестностях Дрвара, в западной Боснии. Я сразу же послал моего начальника штаба, хауптштурмфюрера фон Фелкерсама, чтобы он предупредил командира X корпуса, размещенного в этом регионе, что мы начинаем операцию “Ход конем” против Тито. В момент моего отъезда из Фриденталя неожиданно вернулся Фелкерсам: “Здесь что-то не в порядке, – сказал он. – Генерал принял меня очень холодно. Мне кажется, что мы можем на него не

рассчитывать во время этой операции".

Радиосообщение из нашего небольшого рабочего штаба в Загребе в скором времени объяснило мне причину холодного приема: "X корпус готовит операцию против ставки Тито. Дата операции назначена на 2 июня 1944 года".

Это была несказанная глупость. Если бы генерал раскрыл карты, я охотно бы подчинился его приказам, оставляя ему весь блеск. В случае неудачи я взял бы на себя всю ответственность. Однако была проблема посерьезнее: если мне было известно, что акцию должны осуществить 2 июня, то уже и Тито об этом знал. Я сразу же предупредил X корпус и отослал сообщение в штаб, находящийся в Бане-Луке, с просьбой отложить операцию. Напрасно. В назначенный день немецкие подразделения были встречены партизанами в полной боевой готовности. Батальон стрелков-парашютистов войск СС оказался окружен в долине Дрвара, и потребовалось выслать им подкрепление с помощью планеров. Батальон дивизии "Бранденбург" вынужден был прикрывать отход наших солдат, атакуемых со всех сторон. Им командовал храбрый подполковник Вильгельм Вальтер, получивший многочисленные ранения…

Броз, конечно же, сбежал. В его ставке были обнаружены два несчастных британских офицера, от которых Тито, несомненно, хотел избавиться, и великолепный новенький мундир – 29 ноября 1943 года Тито сам себе присвоил звание маршала и соответственно наряжался»[181].

В реальности все было иначе, чем описал Отто Скорцени. Начнем с того, что местонахождение главного штаба НОАЮ германскому командованию удалось установить в марте 1944 года с помощью радиоперехвата. Поэтому участие главного героя нашей книги в мероприятиях по поиску места дислокации штаба Тито выглядит странным.

Планирование

6 мая 1944 года командир 2-й танковой армии генерал-полковник Лотар Рендулич отдал указание подготовить окружение и уничтожение сконцентрированной вокруг Дрвара группировки войск НОАЮ. Наряду с этим XV горному корпусу (командующий генерал пехоты Эрнст фон Ляйзер) и V горному корпусу СС были приданы 202-й танковый батальон 2-й танковой армии, 4-й полк дивизии «Бранденбург» и 92-й гренадерский моторизованный полк из резерва группы армий «Юго-восток». 7 мая к ним был добавлен разведывательный батальон 1-й горнострелковой дивизии из резерва главного командования и, наконец, по особому запросу командования вермахта к

рейхсфюреру СС 11 мая, Парашютный батальон СС 500. Задействованная авиация подчинялась штабу авиации в Хорватии.

13 мая командование группы армий «Юго-восток» передало основные положения проведения операции, согласно которым на Дрвар должна была быть проведена высадка парашютного батальона СС, который совместно с частями дивизии «Бранденбург» должен был скрытно отрезать штаб НОАЮ от руководимых войск. Одновременно предусматривалось силами пяти войсковых групп в размере полка атаковать Дрвар и разблокировать высаженный ранее десант.

Как мы видим, в операции не были задействованы подчиненные Отто Скорцени подразделения. Также он не мог воспрепятствовать отмене армейской операции, т. к. 21 мая этот план был в основном одобрен Гитлером. Днём «Икс» было назначено 25 мая.

Общий замысел её в окончательном варианте сводился к следующим акциям: «Первым при мощной поддержке нашей авиации, не считаясь с любым риском, выбрасывается парашютно-десантный батальон с задачей во взаимосвязи с частями дивизии “Бранденбург”, введёнными в бой своевременно и скрытно, разрушать центральное руководство противника. Затем сильные боевые высокоподвижные группы (при наличии необходимой маскировки) проникают на участки магистральных дорог в партизанских центрах, чтобы захватить и уничтожить привязанное к дорогам тяжёлое оружие, партизанские обозы и лагеря и в последующем осуществить замену сброшенных парашютистов. Только после этого будут использованы все наличные и пригодные для этих целей силы для планомерного прочёсывания важнейших партизанских районов».

Подготовка

Люфтваффе предоставило для транспортировки десанта 40 машин Ju 52 II группы транспортной эскадры 4 и 34 военных планёра планерной группы 1, а также II и III группы авиаэскадры 1. Грузовые планеры типа DFS 230 B-1 были доставлены семнадцатью Hs-126, двенадцатью Ju-87 и пятью Avia B.534. Для боевой поддержки были подготовлены истребительная эскадра 51 (II./JG51) и штурмовая эскадра 2 (I./SG 2). Так как для одновременной транспортировки усиленного батальона не хватало транспортных самолётов и планеров, были сформированы три группы. Первая группа (314 человек) должна была высадиться на парашютах, в то время как вторая (340 человек) – приземлиться на планерах. Остальные 220 человек

должны были десантироваться на парашютах во второй волне.

Планерная группа десантников была разделена на шесть подразделений. Самое сильное подразделение, «Пантер» (нем. «Panther») из 110 человек, должно было занять объект «Цитадель», где, как предполагалось, находился Тито со своим штабом. Объект представлял собой обустроенную пещеру в горах вокруг города. Группы «Грайфер» (нем. «Greifer») (40 человек), «Штюрмер» (нем. «Stürmer») (50 человек), «Брехер» (нем. «Brecher») (50 человек) и «Байсер» (нем. «Beißer») (20 человек) должны были занять военные миссии союзников, группа «Драуфгенгер» (нем. «Draufgänger») (70 человек) – радиостанцию.

Парашютная группа образовала три подразделения, «Синие» (нем. «Blau») (100 человек), «Зелёные» (нем. «Grün») (95 человек) и «Красные» (нем. «Rot») (85 человек), которые должны были овладеть городом и помешать попыткам прорыва. Вместе с ними высаживался штаб батальона из 34 человек. Вторая волна (220 человек) должна была быть десантирована как можно быстрее после первой. Вечером перед днём «Икс» подразделения обоих горных корпусов с соблюдением секретности заняли исходные позиции возле Книна, Срба и Бихача.

Ход операции

Операцию «Ход конём» начала бомбардировочная авиация рано утром 25 мая, когда население Дрвара ещё спало. Самолёты подходили волнами, сбрасывали на город и его окрестности бомбы, разрывы которых сотрясали небольшую дрварскую котловину. С особым упорством лётчики бомбили дома на правом берегу Унаца, где размещался охранный батальон. Первые разрывы разбудили и подняли на ноги всех обитателей Дрвара.

В 7.00 утра 25 мая 1944 года парашютисты 500-го парашютного батальона СС высадились на парашютах и планерах в Дрваре. При посадке многие планеры потерпели аварию, таким образом, уже при высадке батальон понёс тяжёлые потери. К полудню с поддержкой авиации и после тяжёлого боя с находившимися в городе партизанскими частями парашютистам удалось взять город под контроль. В уличных боях никто не обращал внимания на гражданское население.

В то же время пять оперативных групп XV горнострелкового корпуса с разных направлений выдвинулись в направлении Дрвара.

Так как точное местонахождение штаб-квартиры Тито не было известно немецким войскам, оно должно было быть точно установлено, что удалось сделать к полудню. Атакующие «цитадель», однако, попали под огонь югославского батальона

охранения, поддержанного курсантами офицерского училища, что вынудило немецких парашютистов отступить.

Уже через несколько часов после высадки десанта подошедшая 3-я бригада 6-й Ликской дивизии югославских партизан начала контратаки. Несмотря на усиление, полученное со второй волной десанта, высадившейся перед полуднем, к 16.00 парашютный батальон СС вёл тяжелейший оборонительный бой против намного численно превосходящих сил партизан и к вечеру был вытеснен к городскому кладбищу, где были оборудованы оборонительные позиции. При этом был тяжело ранен и эвакуирован командир батальона Курт Рибка. После ранения Рибки командование 1-м парашютным полком принял на себя капитан Бентруп.

В ночь на 26 мая позиции парашютистов на кладбище были раз за разом атакованы четырьмя батальонами 3-й бригады, которые были впоследствии усилены 9-й далматинской дивизией. В один из моментов одной партизанской группе удалось прорвать кольцо немецкой обороны, однако прорвавшаяся группа партизан была уничтожена в ходе контратаки. На рассвете партизаны были вынуждены отступить из-за опасности налётов со стороны немецкой авиации. В 7.00 двенадцать Ju-52 сбросили остро необходимое довольствие, в первую очередь боеприпасы.

В 10.00 в город прибыли разведывательный батальон – авангард 373-й пехотной дивизии – и к полудню остальная часть оперативной группы 373-й (хорватской) пехотной дивизии, а также 92-й моторизованный гренадерский полк и оперативная группа Willam. Бои с частями Югославской народно-освободительной армии в Западной Боснии продолжались до 6 июня 1944 года, когда германское командование объявило операцию завершённой[182].

Судьба Тито

Хотя германские приготовления не остались не замеченными союзниками, цель операции была неизвестна. Уже за несколько дней до нападения на Дрвар военные миссии Великобритании и США перенесли свои штаб-квартиры из Дрвара из-за усиленной немецкой авиаразведки. Тито со штабом и охраной покинули свою пещеру в 11.15 25 мая и перешли в Источни Дрвар (в 15 км), где они встретились с военными миссиями союзников. Группа замаскировалась в окрестностях и 3 июня вылетела с английского аэродрома Купрешко поле в Бари, откуда Тито отправился дальше на свою новую штаб-квартиру на острове Вис.

Подводя итоги

Согласно официальному немецкому отчету: «В результате разгрома лагерей и разрушения средств связи на некоторое время был выведен из строя штаб Тито. Так, например, после операции радиообмен сократился вдвое, среди убитых был инспектор войск связи. Можно было считать, что лейб-гвардия Тито оказалась весьма потрёпанной, а иностранные военные миссии, принимавшие активное участие в боях, вышли из игры. Среди убитых было 20 англичан, 6 американцев, кроме того, были взяты в плен три корреспондента с письмами сына Черчилля (которому удалось избежать их участи) английскому верховному командованию в Италии. Среди трофеев – документы большого, но не исключительного значения. Кроме того, как подчёркивал в начале июня в заключительной части оценки обстановки командующий группой «Юго-Восток», удалось заполучить очищенный, как никогда раньше, район, являющийся для Тито центральным. 1-я и 6-я красные дивизии имели большие потери – 6000 человек, включая раненых…

Но и свои потери, особенно в транспортных средствах, были велики, так как англо-американская авиация участвовала в боях, как никогда раньше, в огромных масштабах. Она господствовала не только на поле боя, но и во всём хорватском районе, из которого наша авиация всё больше и больше вытесняется. Все передвижения войск в глубоком тылу можно было совершать лишь ночью»[183].

Кто спланировал спасение Дуче

Операция по освобождению Бенито Муссолини занимает особое место в биографии главного героя нашей книги.

После высадки войск союзников в Италии Большой фашистский совет объявил Бенито Муссолини виновным во всех ошибках в ходе Второй мировой войны, и по приказу короля Виктора Эммануила III он был арестован. Гитлер приказал организовать миссию по освобождению; Муссолини должен был быть освобождён невредимым при любых обстоятельствах.

Вместе с командующим воздушно-десантными войсками генерал-лейтенантом Куртом Штудентом и его десантниками Отто Скорцени искал по всей Италии Муссолини, который многократно перевозился своими охранниками в разные места. После нескольких попыток немцам удалось обнаружить бывшего диктатора в гостинице «Кампо Императоре» в горной цепи Гран Сассо.

Операция «Дуб» началась 12 сентября 1943 года. В 14.00 после высадки штабной роты 1-й и 2-й ротой учебного парашютного батальона под командой майора Харальда Морса, которому генерал Штудент поручил проведение операции, была захвачена станция ведущей к отелю канатной дороги вблизи местечка Ассержи (Assergi). Непосредственно перед этим данными подразделениями были перерезаны все телефонные линии, ведущие к станции. Итальянская охрана оказала минимальное сопротивление (двое убитых на итальянской стороне).

Одновременно (в 14.05) на склоне горы приземлились десять тяжёлых планеров DFS 230 с 72 десантниками первой роты учебного парашютно-десантного батальона под командой оберлейтенанта Георга Фрайхерра фон Берлепш, а также небольшой командой эсэсовцев с Отто Скорцени, итальянским генералом Фернандо Солети и 16 другими эсэсовцами. Все эти силы штурмовали отель. Итальянский генерал Солети должен был запретить стрелять охранникам Муссолини, однако последние сдались без сопротивления. Один из планеров потерпел при посадке крушение, при этом находившиеся на борту были тяжело ранены.

В 14.45 командующий операцией майор Харальд Морс прибыл в отель по канатной дороге, вслед за чем невредимый Дуче должен был улететь на одном из физелеров Fi 156. Успех операции оказался под угрозой, когда Скорцени настоял на том, что полетит на том же самолёте, – в горах и при имевшихся

взлётных условиях двухместный физелер оказался перегружен, когда в него сели три человека. С определёнными трудностями капитан Герлах, личный пилот генерала Штудента, сумел доставить обоих пассажиров на расположенный в 30 км южнее Рима аэродром Пратика ди Маре, где они приземлились в 15.38. Оттуда Муссолини немедленно вылетел на немецком Heinkel He 111 в Вену, где он переночевал и на следующий день был доставлен в Мюнхен. 14 сентября в 14.30 он встретился с Гитлером в штаб-квартире фюрера в Растенбурге.

Так звучит краткая каноническая версия операции «Дуб». Вот, правда, есть множество доказательств того, что в реальности все было иначе. И роль главного героя нашей книги сильно преувеличена.

Авторитетный британский историк сэр Уильям Дикин некогда назвал ее «одновременно изощренной и сомнительной и довольно замутненной личным тщеславием ее главных непосредственных участников».

В качестве примера можно назвать заочный спор после войны Скорцени и Штудента на тему того, кто сыграл ключевую роль в операции «Дуб». Вот что по этому поводу в своей книге «Операция “Дуб”. Звездный час Отто Скорцени» написал Аннусек Грег:

«Анализируя этот вопрос, я главным образом полагался па свидетельства очевидцев, включая, разумеется, самих Скорцени, Радля (заместитель Скорцени) и Штудента. Однако читателю следует помнить о том, что эти свидетельства нередко противоречат друг другу. Типичным примером этого является разведывательный полет над Гран-Сассо, состоявшийся 8 сентября. Скорцени и Радль утверждают, что это они провели аэрофотосъемку, что подкрепляют рядом фактов, тогда как Штудент заявляет, что это целиком заслуга Лаштута. Чтобы более точно рассказать об этом, я не стал приводить многочисленные подробности этих противоречивых заявлений. Там, где факты более или менее ясны, а оппоненты не могут согласиться с ними, такой подход неизбежно предполагает определенную степень субъективности. Тем не менее я сделал акцент на нескольких сильных разногласиях между Скорцени и парашютистами.

Мое понимание рейда на Гран-Сассо требует короткого объяснения. Описывая это событие, я честно признаюсь, что больше доверяю свидетельствам Штудента и его людей. В их пользу говорит тот факт, что операцию разрабатывало Люфтваффе, на которое и возлагалась главная ответственность за сие осуществление. Для читателей, которые хотели бы знать об этом больше, изложу несколько вопросов, по которым существуют разногласия между Скорцени и Штудентом.

– Планирование операции. Парашютисты утверждают, что планированием рейда на Гран-Сассо занимались только они, и отрицают, что Скорцени был главным мотором операции.

– Командование. Штудент и Морс (майор Гарольд Морс, командир батальона десантников. – *Прим. ред.*) сходятся в том мнении, что 12 сентября командиром штурмовых групп на планерах был Берлепш (лейтенант фон Берлепш. – *Прим. ред.*). С другой стороны, Скорцени утверждает, что руководство операцией было возложено на него, но что Берлепш имел приказ взять на себя командование этими группами после того, как Скорцени войдет в отель.

– Боевой порядок планеров. По словам Штудента, Берлепш летел на первом планере. По пути к Гран-Сассо цепочка его планеров летела на большом расстоянии друг от друга, чтобы набрать высоту. Этот «маневр» позволил Скорцени возглавить воздушный отряд. В своих мемуарах Скорцени пишет, что Берлепш имел приказ лететь в пятом планере. Эсэсовцы утверждали, что он вместе с Солети летел в третьем планере, который возглавил отряд, когда летевшие перед ним два планера (ни в одном из них Берлепша не было) загадочным образом выпали из строя.

– План бегства. По версии Скорцени, похищение Муссолини и вывоз его из Италии были последней мерой, к которой пришлось прибегнуть, когда прочие варианты оказались неосуществимыми. Штудент этой точки зрения не разделял.

– Бомбардировка Пратика-ди-Марс. Обе стороны соглашаются с тем, что англо-американские бомбардировщики пролетели над аэродромом 12 сентября, незадолго до высадки планеров. Скорцени утверждает, что бомбардировка нанесла незначительный ущерб аэродрому, тогда как Штудент отрицает тот факт, что во время налета на него бомбы были сброшены»[184].

Кто нашел Муссолини?

Вот что он написал в своих воспоминаниях сотрудник внешнеполитической разведки Третьего рейха Вильгельм Хёттль, который возглавлял отдел, отвечавший за операции в Южной Европе и на Балканах. В момент начала подготовки операции по освобождению Муссолини он находился в командировке в Италии.

«В это время в Рим прибыл человек, который мог перечеркнуть все мои планы и намерения (естественно, при определенных условиях). Это был капитан СС Скорцени, возглавлявший отдел саботажа VI управления. Венский дипломированный инженер попал в главное управление

имперской безопасности, поскольку хорошо знал Кальтенбруннера еще по студенческим годам. В ГУИБе (Главное управление имперской безопасности. – *Прим. ред.*) он до сих пор ничем особенным себя не зарекомендовал, а теперь получил возможность для этого, поскольку Гитлер по предложению Кальтенбруннера поручил ему проведение “операции Айхе” (дуб), связанной с освобождением Муссолини. Для этого ему предстояло вначале выяснить, где тот находился в заключении, так как немецкой стороне это было неизвестно. Скорцени, понявший, что одному ему с этим не справиться, обратился за помощью к полицейскому атташе Капплеру и внешней разведке….

Он старался даже в узком кругу набросить завесу романтической тайны над своей “операцией Айхе”. Мне он, например, рассказал, что по “личному указанию фюрера” в эту операцию должны быть посвящены только пять человек. Капплер был уже пятым, так что он, к сожалению, не мог ввести меня в курс дела. На это я предложил ему выдать по бутылке коньяка каждому из “посвященных”, которых я ему назову, кроме упомянутых им пяти человек. Как говорится, с ходу я назвал ему двенадцать имен людей, с которыми я обсуждал подробности “операции”. Когда же Скорцени недоуменно спросил меня, откуда мне известны имперские секреты, я ответил ему, не уйдя далеко от истины, что об этом мне поведала моя секретарша в Берлине, которая слышала обо всем от его же секретарши. Вот каким образом заботился о секретах этот верзила, которого вскоре пресса союзников назовет “самым таинственным человеком в мире”. Произошло то, что и должно было произойти: задача отыскать место нахождения Муссолини в заключении была возложена на нашу разведку с ее немногочисленным аппаратом. Во всяком случае, операция “Айхе” финансировалась за счет “операции Бернхард”, хотя об этом нигде не было сказано ни слова. Исчезнувший Дуче был обнаружен с помощью все тех же фальшивых банкнот…

Первый же получатель фунтов запросил не так уж и много. Это был один из фельдфебелей карабинеров, который за 100 фунтов свел нас со своим начальником – оберлейтенантом. А тот за определенное вознаграждение был готов назвать нам место, куда был доставлен Муссолини после своего ареста. Однако выяснилось, что он и сам конкретно этого не знал. Но как бы то ни было, он рассказал о привлечении к этому делу морских офицеров. И след этот оказался верным. Можно было предположить, что Муссолини доставлен на одном из кораблей флота на какой-то остров. Оберлейтенант получил гонорар в

тысячу фунтов стерлингов.

После этого во все гавани, которые казались нам подходящими, были посланы агенты для сбора информации. Самым успешным оказался Гребль (сотрудник VI управления. – *Прим. ред.*), который уже длительное время поддерживал, благодаря своим "делам", хорошие отношения с портовым начальством Генуи. Как и в других местах, там имелась так называемая портовая милиция – своеобразная формация итальянской фашистской милиции, выполнявшая функции наблюдения и контроля в соответствующих портах. Комендант портовой милиции Генуи дал Греблю рекомендации для своего коллеги в Неаполе, в результате чего мы сделали значительный шаг вперед. И вот через две недели Гребль сообщил из Неаполя: по достоверным данным, Муссолини содержится под арестом на острове Святая Маддалена…

15 августа с этими данными в кармане я вылетел в Берлин, чтобы обговорить с руководством необходимые мероприятия. Сообщение о месте нахождения Муссолини я передал по радио. Но Кальтенбруннер встретил меня со словами:

– Вам я верю, но фюрер относится к этому скептически.

Гитлер хотел получить подтверждение нашим данным прежде, чем начинать акцию. Наш доверенный человек лично видел Муссолини на острове Маддалена, но он был итальянцем, Гитлер же относился к показаниям итальянцев недоверчиво. Ему надо было подтверждение немецкого офицера. На это я ответил лаконично:

– Им должен быть Скорцени?

Кальтенбруннер улыбнулся несколько смущенно, подтвердив тем самым мое предположение. Я проклял свое легкомыслие (может, это было даже мое болезненное тщеславие?), сообщив Скорцени местонахождение Муссолини. Наверняка пока я был в Берлине, ведя разговоры с Кальтенбруннером, Скорцени предпринял рекогносцировочные поездки, чтобы "подтвердить" наши данные и, что было для него более важным, отобрать у нас часть престижа. У меня вызвало опасение, что он своим легкомыслием и неопытностью привлечет к себе внимание, в результате чего Муссолини будет переведен в другое, менее подходящее для нас место».

Именно так и случилось. Главный герой нашей книги, «переодевшись в форму капитана авиации, полетел на розыски острова Маддалены на самолете "Хейнкель-111". Но цели своей он не достиг, так как двигатель отказал, и машина рухнула в море. Скорцени и экипаж самолета были почти чудесным образом спасены. Начальник охраны Муссолини был этим встревожен и

распорядился о переводе Муссолини в другое место. Так что 26 августа Дуче с Маддалены был снова доставлен на континент. Когда же Скорцени во второй половине дня 26 августа “ворвался” на быстроходных катерах в порт острова, гнездышко было пусто».

И снова пришлось искать Дуче. «К счастью, агентурная организация Гребля, финансируемая на фальшивые фунты, продолжала действовать. Вскоре нам было уже известно, что Муссолини содержался в заточении в спортивной гостинице “Кампо императоре” в горном массиве Гран-Сассо. И вновь Скорцени стал настаивать на “рекогносцировочном полете”. Предложенная нами посылка в гостиницу агентов из числа итальянцев принята не была. Скорцени совершил несколько кругов над горою с гостиницей и сделал ряд фотоснимков. Естественно, маневр этот был замечен охраной, о чем было доложено Бадолио (Пьетро Бадолио – премьер-министр Италии, который возглавил страну после свержения Муссолини в 1943 году. – *Прим. ред.*) как нам стало известно позднее. На этот раз правительство несколько промедлило, размышляя, куда бы направить Муссолини, и опоздало с его отправкой»[185].

Что не сделаешь ради славы!

Были у Вильгельма Хёттлья и «претензии» непосредственно к самой процедуре спасения Дуче из-под ареста. «Саму операцию по освобождению Муссолини я описывать не буду, о ней написано немало. Но об одной детали следует сказать, так как о ней почти ничего до сих пор было не известно. Речь идет об упоминании того обстоятельства, что Скорцени должен был приземлиться на третьем планере на лужайку, видимую на аэрофотоснимке, сделанном им самим. На деле же оказалось, что площадка эта была не горизонтальной, а имела уклон в 45 градусов. Поэтому садиться там на планерах было нельзя, а коли бы он приземлился в долине, то освободителем Муссолини стал бы не он, а командир подразделения десантников, которое должно было действовать в районе низинной станции подвесной канатной дороги. И Скорцени приказал садиться непосредственно около здания гостиницы, хотя это и было очень рискованно, нарушив тем самым строжайшее указание генерал-полковника Штудента, ибо планеры могли при этом разбиться. Все дальнейшее происходило без малейшего сопротивления со стороны охраны Дуче. Тем не менее успех операции был в последний момент поставлен под вопрос, и опять из-за нарушений Скорцени полученных инструкций. Освобожденный Муссолини должен был быть доставлен в ближайшую немецкую военно-воздушную базу на легком самолете Шторьх, который был рассчитан только на двух

человек – пилота и пассажира. Несмотря на это, в самолет втиснулся и Скорцени – “освободитель Муссолини”, который хотел быть обязательно вместе с ним. Сто килограммов его веса настолько утяжелили самолет, что пилот с большим трудом смог взлететь и не врезаться в ближайшую скалу. Так что Муссолини был тогда на волосок от смерти»[186].

Кому награды, а кому…

Рассказал Вильгельм Хёттль и о несправедливом распределении наград:

«В результате своих действий Скорцени получил право сопровождать Муссолини в полете в ставку Гитлера. Я к тому времени уже направил туда свое представление о награждениях. Скорцени я предложил наградить рыцарским крестом, хотя у него был тогда только железный крест второй степени – не слишком высокая награда (рыцарский крест получали, как правило, лишь лица, награжденные железным крестом первой степени). Гитлер, весьма довольный и гордый удавшейся освободительной операцией, согласился с моим предложением и лично вручил рыцарский крест Скорцени (эффективные действия отдельных лиц всегда возбуждали фантазию фюрера и поднимали у него настроение). Вопрос о награждениях летчиков и десантников был прерогативой генерал-полковника Штудента. Но его представления на награды были весьма скромными, так что солдаты, бывшие настоящими героями операции и обеспечившие ее удачный исход, были награждены не слишком-то щедро. Протестовать они, конечно, не стали, ибо это явилось бы нарушением традиций.

Лишь только когда после окончания войны Скорцени в своих мемуарах приписал лично себе весь успех операции, раздались голоса возмущения. Даже Кессельринг (Альберт Кессельринг, генерал-фельдмаршал люфтваффе. – *Прим. ред.*) и Штудент от него отмежевались. А сотрудник внешней разведки Гребль, благодаря которому вообще стала возможной сама операция, получил железный крест первой степени лишь посмертно. В Германии деятельность секретной службы, которая, естественно, должна оставаться в тени, никогда не заслуживала высокой оценки. Только в самом конце войны наиболее достойные офицеры внешней разведки были удостоены награды рацарскими крестами»[187].

Модернизируя «Фау-1»

Как было рассказано выше, Отто Скорцени перед Второй мировой войной увлекался авиацией и был пилотом-любителем. Поэтому ничего удивительного в том, что одну из глав своей книги воспоминаний посвятил рассказу о своем вкладе в создание одного из вариантов «чудо-оружия» Третьего рейха. Правда, достигнутые им на этом поприще достижения выглядят весьма сомнительно. А если бы они были реализованы, то скорее принесли вред, чем пользу.

13 июля 1944 года Германия впервые применила самолеты-снаряды (крылатые ракеты) «Фау-1» (A-2, Fi-103, «Физелер-103», FZG 76). В качестве мишени был выбран Лондон. Проект ракеты был разработан конструкторами Робертом Луссером (фирма Fieseler) и Фритцем Госслау (фирма Argus Motoren). Проект Fi-103 предложен Техническому управлению Министерства авиации совместно обеими фирмами в июле 1941 года. Во время работ по проектированию, а позже и на испытаниях возникла необходимость в стабилизации ракеты в полёте, поэтому её оснастили гироскопом и установили стабилизаторы.

Производство ракеты начато в конце 1942 года, на острове Узедом (расположенном в Балтийском море, напротив устья реки Одер). Во время Второй мировой войны здесь был концлагерь, рабочая сила заключенных которого и была использована на предприятиях по производству «Фау-1». В августе 1943 года британская авиация нанесла массированный авиаудар по полигону, заводу и научно-конструкторскому центру, что на несколько месяцев приостановило возможность использования этого оружия.

Всего было изготовлено около 30 тыс. аппаратов. К 29 марта 1945 года около 10 тыс. было запущено по Англии. На ее территории упало 3,2 тыс. «Фау-1». Из них 2419 достигли Лондона, вызвав потери в 6184 человек убитыми и 17 981 ранеными.

Около 20 % ракет отказывали при запуске, 25 % уничтожались английской авиацией, 17 % сбивались зенитками, 7 % разрушались при столкновении с аэростатами заграждения. Двигатели часто ломались во время полета, или вибрация, вызванная их работой, часто выводила ракету из строя, так что около 20 % «Фау-1» падали в море. Хотя конкретные цифры варьируются от источника к источнику, британский доклад, опубликованный после войны, показал, что 7547 «Фау-1» были запущены в Англию. В докладе указывается, что из них 1847 были

уничтожены истребителями, 1866 – зенитной артиллерией, 232 были уничтожены аэростатами заграждения и 12 – артиллерией кораблей Королевского ВМФ.

Впрочем, несмотря на то что большинство «Фау-1» по разным причинам не достигали цели, по соотношению «стоимость/эффективность» это было достаточно эффективным оружием (в отличие от существенно более дорогой «Фау-2»). Она была дешевой и простой, могла производиться и запускаться массово, не требовала обученных пилотов, и в целом, даже с учётом значительных потерь самолётов-снарядов от противодействия англичан, наносимый ракетами ущерб был больше затрат на производство, собственно, ракет. Полностью собранная Фау-1 стоила всего 3,5 тыс. рейхсмарок – менее 1 % от стоимости пилотируемого бомбардировщика с аналогичной бомбовой нагрузкой. К тому же, что важно, они не требовали пилотов, подготовка которых – очень затратный по времени, деньгам и другим ресурсам процесс.

Следует также учитывать, что противодействие ракетным обстрелам потребовало от англичан значительных усилий, задействования множества зенитных орудий, истребителей, прожекторов, РЛС и персонала и в итоге значительно превосходило по стоимости сами задействованные ракеты, даже без учёта наносимого последними ущерба.

Технические подробности

Самолет-снаряд «Фау-1» был в техническом отношении точной копией морской торпеды. После пуска такого снаряда он летел с помощью автопилота по заданному курсу и на заранее определённой высоте. Насколько морская торпеда является самоходной, автоматически управляемой миниатюрной подводной лодкой, настолько самолет-снаряд «Фау-1» был автоматически управляемым и несущим фугасный заряд беспилотным самолетом.

«Фау-1» имел фюзеляж длиной 7,8 м, в носовой части которого помещалась боевая головка с 1000 кг взрывчатого вещества. За боевой головкой располагался топливный бак с 80-октановым бензином. Затем шли два оплетенных проволокой сферических стальных баллона сжатого воздуха для обеспечения работы рулей и других механизмов. Хвостовая часть была занята упрощенным автопилотом, который удерживал самолет-снаряд на прямом курсе и на заданной высоте. Размах крыльев составлял 540 см. Самой интересной новинкой был пульсирующий воздушно-реактивный двигатель, установленный в задней части фюзеляжа, похожий на ствол старомодной пушки.

Отто Скорцени в роли авиаконструктора

В июле 1944 года главный герой нашей книги получил приглашение посетить остров Узедом и познакомиться с «Фау-1». Неизвестно, сам ли он сумел придумать причину для посещения этого центра – например, чтобы изучить возможность использования «Фау-1» при проведении диверсионных операций, когда разведывательно-диверсионная группа или агент сообщает координаты объекта, который необходимо уничтожить или нанести серьезные повреждения, – или кто-то из его высокопоставленных друзей, помня о том, что он летчик-любитель, решил организовать такую экскурсию. Сейчас это не суть важно.

«Мне представился случай посетить Пеенемюнд и участвовать в запуске “V-I”, и я прилетел туда вместе с полковником-инженером, специалистом по самолетам-снарядам. Я спросил у него, можно ли пилотировать “V–I”»,[188] – написал он в своих мемуарах. Его спутник удивился такому вопросу и ответил, что нет. Неизвестно, стал ли объяснять спутник Отто Скорцени, что теоретически можно было предусмотреть место для пилота, вот только смысла в этом нет, поскольку оказавшийся внутри «Фау-1» летчик становился камикадзе. Шансов выпрыгнуть с парашютом из летящей со скоростью 700 км/час ракеты и благополучно приземлиться было катастрофически мало. К тому же «Фау-1» применялись для обстрела объектов, находящихся в глубоком тылу противника. Поэтому летчик, даже если и сумел бы благополучно приземлиться, был бы растерзан толпой местных жителей.

Зато, согласно воспоминаниям главного героя нашей книги, идея сделать «Фау-1» пилотируемой вдохновила не только его, но и еще нескольких специалистов. А чего в этом удивительного? Им захотелось реализовать на практике необычную идею. Не им же на этой ракете летать.

«В тот же самый летний вечер 1944 года мы приступили к работе вместе с инженерами предприятий “Физелера” и министерства авиации. В вилле, расположенной на берегу озера Ванзее, десять инженеров делали наброски на бильярдном столе и на полу. Рассматривалась возможность размещения в “V-I” пилота на катапультирующемся кресле и с парашютом.

Под утро решение было найдено. Оставалось только разработать прототип.

Доброжелательно настроенный к этой идее фельдмаршал Мильх, статс-секретарь министерства авиации, дал мне “зеленый свет” при условии, что проект одобрит комиссия из

министерства. Ее председателем был почтенный адмирал с развевающейся бородой, с которым вначале мы беседовали о Ноевом ковчеге. После двух или трех заседаний нам удалось получить положительное решение членов комиссии, которые с самого начала усомнились в моей идее и все время спрашивали: “Где вы возьмете рабочих, мастеров и инженеров для изготовления нового прототипа? Ведь у нас нехватка рабочей силы!”

Я ответил, что рядом с Фриденталем находится фабрика Хейнкеля, которая не использует в полную меру своих производственных мощностей, и профессор Хейнкель лично предложил мне в помощь троих инженеров и пятнадцать техников.

– Хорошо, – ответил адмирал “Ковчег”, – но вы ведь можете работать лишь с элементами уже существующих “V-I”. Разве вам неизвестно, что их слишком мало?

– Профессор Порше, мой друг, говорит по-другому. Как раз недавно он был удивлен тем, что на его предприятиях находится несколько сотен готовых “V-I”, которые никто не забирает. Могу вас заверить, господа, что он с радостью одолжит мне дюжину этих снарядов.

– Главное – без осложнений! – предрешил “Ковчег”»[189].

Дальше Отто Скорцени рассказывает, как он за несколько часов организовал мин-ОКБ (опытно-конструкторское бюро). И все это произошло в середине 1944 года, когда ресурсы Третьего рейха были сильно ослаблены.

«Вскоре в моем распоряжении находилась пара небольших мастерских у Хейнкеля. Я распорядился поставить в них столы, кровати, и все – инженеры, мастера, рабочие – трудились без отдыха, с удивительным энтузиазмом, иногда по четырнадцать часов в сутки, над реализацией того, что мы назвали операцией “Рейхенберг”…

Наша мастерская у Хейнкеля была похожа на ремесленную, но мы уже кое-чего достигли. Каждый день, если только представлялась возможность, я проводил по нескольку часов на моей “фабрике”. Через пятнадцать дней я велел доложить о себе фельдмаршалу Мильху и сообщил ему, что три моих “V-I” готовы к полету.

Застигнутый врасплох Мильх разрешил мне произвести испытательные полеты на аэродроме Гатов. Были назначены два летчика-испытателя. Вместо того чтобы выстрелить “V–I” с установки для запуска, два из них сбросили с “Хейнкеля-111” на высоте 2000 метров… Оба “V-I” разбились при посадке, пилоты были ранены. Фельдмаршал Мильх разговаривал со мной

довольно сухо, приказал создать комиссию для установления причин несчастных случаев и запретил мне пока производить какие-либо испытания. Неужели мы работали очень быстро и слишком несерьезно? Тогда меня пригласила к себе легендарная летчица Ганна Рейтч. В тяжелой катастрофе, произошедшей во время испытательного полета на прототипе реактивного истребителя, она получила множество переломов и выкарабкалась только благодаря своей сильной воле. С тех пор Рейтч жила в доме Люфтваффе. Она поддержала меня, сказав, что "V-I" можно пилотировать. Однако ей был дан формальный запрет предпринимать какие-либо действия в данном направлении.

По ее мнению, причины несчастного случая можно было определить, не дожидаясь результатов расследования комиссии. Они были понятны – оба пилота до этого времени летали исключительно на винтовых машинах, в то время как прототип был легче серийного "V-I" и развивал скорость до 700 км/ч, а при посадке – 180 км/ч, поэтому пилоты и не справились с заданием. Ганна намеревалась возобновить испытания, впрочем, как и два ее сослуживца, пилотировавшие уже реактивные самолеты. Я отказался, объясняя это полученными приказами и тем, что мы не получим "Хейнкель-111" в Гатов для своих экспериментов. Анна пожала плечами и сказала: "Я думала, Вы более смелый. Если хочется, то летать можно всегда. Мои сослуживцы посетили Ваши мастерские и исследовали первые «V–I». Я уверена, мы правы – это великолепные самолеты. Мы еще поговорим с Вами на эту тему, а пока – до завтра".

Должен признаться, я провел бессонную ночь. Третий несчастный случай был вполне возможен. Имел ли я право вовлекать в эту авантюру прекрасную женщину-птицу, о которой мечтали многие молодые немцы? На следующий день Ганна и ее товарищи убедили меня отвлечь коменданта аэродрома. С безразличным выражением лица я сказал ему, что пришло разрешение на продолжение операции "Рейхенберг", после чего попросил "дельного совета" по какому-то вопросу. Я приказал двум офицерам не оставлять коменданта ни на минуту, сопроводить его в казино и позаботиться, чтобы он ни под каким предлогом не позвонил в штаб фельдмаршала Мильха.

У меня сжалось сердце при виде "Хейнкеля", сбрасывающего пилотируемый Анной "V-I". Без колебаний она взяла на себя рискованное дело, зная, что соприкоснется с землей на скорости 180 км/ч. Не знаю почему, но я был уверен, что ей повезет. И повезло – она приземлилась, "как бабочка", и возобновила испытание. Я поздравил ее от всего сердца. Она ответила: "Что за

великолепный самолет! Благодаря ему мы совершим великие дела, вот увидите!" Оба сослуживца Ганны также взлетели и приземлились без особых трудностей. К сожалению, в будущем нас не ожидали военные успехи.

Когда разошлась весть о подвиге Ганны и двух ее сослуживцев, мы получили разрешение на изготовление пяти прототипов, на которых могли тренироваться тридцать избранных пилотов. Из числа сотен кандидатов мы выбрали во Фридентале еще шестьдесят добровольцев из Люфтваффе. Наконец, можно было осуществлять наиболее смелые замыслы! К сожалению, из заказанных мною в начале 1944 года 500 кубических метров авиационного топлива была поставлена только часть. Пилоты "V-I" оставались в моих подразделениях до окончания войны. Большинство из них отличились храбростью и хладнокровием во время проведения боевых операций»[190].

Как это было в реальности

Существует версия, что Отто Скорцени не был автором идеи пилотируемого варианта «Фау». Впервые идею использовать пилотов-самоубийц предложили Ганна Рейч и гауптман Генрих Лянге. Речь, в частности, шла об использовании пилотируемых «Фау» для уничтожения кораблей противника и защищенных наземных целей – там, где требовалась высокая точность попадания. Правда, в начале 1944 года идея с камикадзе не нашла понимания в Третьем рейхе.

Хотя в видоизмененном виде ее все же попытались реализовать. Пилотам дали минимальный, 1 из 100, шанс на спасение после атаки. Для этой роли рассматривались несколько возможных самолетов, и Fi.103R был первоначально отклонен в пользу лёгкого бомбардировщика Me.328, который, в свою очередь, уступил истребителю Fw.190 с подвеской крупнокалиберной бомбы. Предполагалось, что пилот, направив самолет на цель, должен был выпрыгнуть с парашютом. Тем временем была сформирована специальная часть 5./KG.200 во главе с гауптманном Лянге. Ее целью было исследование нестандартных методов атаки защищенных целей, но неофициальное название «Леонидос штафель» – в честь героя Фермопил царя Спарты Леонида I – ясно указывало на ее назначение. Напомним, что за десять лет своего царствования Леонид не сделал ничего знаменательного, но обессмертил своё имя сражением при Фермопилах (Тёплые ворота). Он защищал с 6 тыс. воинов (в том числе и личной гвардией из 300 спартанцев) Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб.

Испытания проводились с Fw.190, несущим различные бомбы. Вскоре было установлено, что шансы тяжело нагруженного истребителя пробиться через заслоны перехватчиков союзников крайне малы. Немецкий планерный институт (ДФС) в Аинринге получил задание создать пилотируемый вариант ракеты. Командование войск СС поддержало эту идею, предложив использовать пилотируемый самолет-снаряд и для бомбардировки индустриальных комплексов Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска, а также районов, расположенных за Уралом. Возможно, что из-за этого Отто Скорцени и оказался на острове Узедом.

Учитывая высокие ставки на данный проект, всего за 14 дней после начала работ были изготовлены учебный и боевой варианты ракеты и начаты испытания. Одновременно под Данненбургом была подготовлена линия по переделке Fi.103R.

Первые летные испытания были проведены в сентябре 1944 года. Самолет был запущен в безмоторный полет с борта бомбардировщика He.111, но разбился после потери управления из-за случайного сброса фонаря кабины. Второй полет на следующий день также закончился потерей самолета. Третий полет с пилотом Рейч оказался более успешным, хотя Fi.103R и получил повреждения при ударе о He.111 в момент отцепки. В следующем полете из-за потери песочного балласта самолет разбился, а Ганна Рейч чудом уцелела среди обломков. Позже немецкая пропаганда утверждала, что флюг-капитан Рейч была серьезно ранена при испытании Fi.103R, хотя на самом деле она получила ранения раньше при испытаниях истребителя-перехватчика Me.163b, когда взлетная тележка не отделилась и Рейч совершила посадку на нее. В конце концов, было обнаружено, что вызванная работой двигателя вибрация конструкции самолета приводила к разрушению одного из элементов системы управления.

Всего по программе «Рейхенберг» были созданы четыре пилотируемых варианта Fi.103R, в том числе три учебных. Это были «Рейхенберг-I» – одноместный вариант с посадочной лыжей, «Рейхенберг-II» – со второй кабиной на месте боеголовки, «Рейхенберг-III» – одноместный вариант с посадочной лыжей, закрылками, импульсным двигателем Argus As.014 и балластом на месте боеголовки.

В принципе, самолеты всех четырех модификаций имели одинаковую конструкцию, которая в значительной степени была заимствована у «Фау-1»: моноплан со свободнонесущим среднерасположенным крылом, сигарообразным фюзеляжем и однокилевым хвостовым оперением. Фюзеляж был построен

почти целиком из малоуглеродистой стали, а съемные крылья имели деревянную конструкцию, они монтировались на основных лонжеронах из стальных труб непосредственно перед подвеской самолета-снаряда под крылом бомбардировщика He.111. Двигателем служил пульсирующий воздушно-реактивный двигатель Argus, который развивал тягу порядка 226 кг при скорости полета 640 км/час. Этот двигатель представлял собой трубу из малоуглеродистой стали длиной 3,48 м с максимальным диаметром немногим более 546 мм.

Боевой вариант – «Рейхенберг-IV» – был простейшей переделкой стандартной ракеты. Сама Fi.103R делилась на шесть отсеков, включавших: магнитный компас, боеголовку в 850 кг аматола, топливный бак, два баллона со сжатым воздухом, автопилот, устройства контроля высоты и дальности полета и сервоприводы рулей. Переоборудование в «Рейхенберг-IV» включало установку небольшой кабины перед воздухозаборником двигателя. На приборной доске были прицел, часы, указатель скорости, альтиметр, авиагоризонт, гирокомпас на стойке, прикрепленной к полу, с трехфазным преобразователем и небольшой 24-вольтовой батареей. Управление – обычная ручка и педали. Сиденье из фанеры с мягким заголовником. Фонарь открывался направо, имел бронированное лобовое стекло и метки, указывающие угол пикирования. Кабина занимала бывший отсек с баллонами сжатого воздуха. «Рейхенберг-IV» нес только один такой баллон. Он располагался на месте бывшего автопилота. Всю заднюю часть крыла занимал элерон.

«Рейхенберг» должен был доставляться к цели под крылом He.111 на манер беспилотных Fi.103R, которыми KG.53 обстреливала Лондон. Связь между пилотами ракеты и носителя осуществлялась через четырехжилькый кабель, присоединяемый перед кабиной. Теоретически после наведения на цель пилот должен был сбросить фонарь и выброситься с парашютом, но его шансы уцелеть оценивались как один из ста. Чтобы сбросить фонарь, нужно было использовать ручку на левой стороне кабины. Фонарь кабины, прежде чем мог отсоединиться, должен был быть повернут на 45º, что сделать на скорости 780–850 км/ч было почти невозможно. Подготовка инструкторов для «Рейхенбергов» уже началась, и хотя посадка на них требовала завидного мастерства, безмоторные машины особых проблем не предоставили. Было решено, что 5./KG.200 готова применить «Рейхенберги-IV».

В целом испытания и доводка самолета-снаряда явно затянулись, а когда союзные войска высадились со своих десантных судов и кораблей на побережье Нормандии, стало

ясно, что время для применения «Райхенбергов» упущено. Тем не менее из построенных примерно 175 самолетов-снарядов этого типа 50 машин было передано на вооружение выполнявшей специальные операции эскадры Luftwaffe KG.200, где они образовали 5-ю эскадрилью. Какие-либо сведения о боевых действиях этой эскадрильи отсутствуют[191].

Также существует версия, что Отто Скорцени поддержал идею Рейч «направить пилотируемый “Фау-1” на палату общин британского парламента. В последний момент это безумие остановил маршал Мильх, не пожелавший рисковать Рейч, самой знаменитой летчицей Германии»[192].

Гордость нацистских авиаконструкторов

Впрочем, Отто Скорцени вольно интерпритирует и другие факты, которые связаны с авиацией. В воспоминаниях главного героя нашей книги есть такой абзац, в котором он расхваливает достижения авиаконструкторов Третьего рейха:

«Мало кто знает, что первый немецкий реактивный самолет “Хе-178” летал уже с августа 1939 года – он был создан профессором Хейнкелем за три года. Реактивный истребитель “Мессершмитт-262” (“Ласточка”) достигал скорости 950 км/ч. Бомбардировщик “Арадо” (“Ар-334”) летал со скоростью 800 км/ч, достигая потолка полета примерно в 8000 метров и имея радиус действия более 1000 километров»[193].

При этом он, сознательно или по незнанию, не указал, что, например, реактивный самолет «Хе-178» не вызвал заинтересованности Рейхсминистерства авиации. Хотя осенью 1939 года во время демонстрации показал выдающиеся результаты. Правда, технология использовалась позднее, при разработке Ме 262 и Не 280.

«Мессершмитт-262», с одной стороны, является первым в мире серийным турбореактивным самолётом и первым в мире турбореактивным самолётом, участвовавшим в боевых действиях. С другой стороны, если говорить об истребительной модификации Ме 262, то в ходе боев ими было сбито 150 машин при собственных боевых потерях в 100 самолетов. Такая картина объясняется низким уровнем подготовки основной массы пилотов, недостаточной надёжностью двигателей Jumo-004 и их низкой боевой живучестью, а также перебоями со снабжением истребительных частей на фоне общего хаоса в терпящей поражение Германии. Эффективность же бомбардировщиков Ме.262 была настолько низкой, что об их деятельности даже не упоминалось в боевых сводках. К этому следует добавить высокие требования к взлетно-посадочной полосе и квалификации

технического персонала.

В 1946 году в Советском Союзе обсуждалась идея серийного производства трофейного реактивного истребителя «Мессершмитт-262». На одном из совещаний Иосиф Сталин спросил у авиаконструктора Александра Яковлева, который в то время занимал пост заместителя министра авиационной промышленности по общим вопросам, знаком ли он с этим самолётом и каково его мнение. Вот что прозвучало в ответ:

«Я ответил, что самолёт МЕ-262 знаю, но возражаю против запуска его у нас в серию, потому что это плохой самолёт, сложный в управлении и неустойчивый в полете, потерпевший ряд катастроф в Германии. Если он поступит у нас на вооружение, то отпугнет наших лётчиков от реактивной авиации. Они быстро убедятся на собственном опыте, что это самолёт опасный и к тому же обладает плохими взлетно-посадочными свойствами». В результате обмена мнениями в правительстве предложение о копировании МЕ-262 было отклонено.

Реактивный бомбардировщик Арадо Ar 234 имел значительно меньше недостатков, чем МЕ-262, но там была другая проблема. Машин было слишком мало, и они не могли оказать существенного влияния на ситуацию на фронте. Тем более что в качестве разведчиков их стали использовать в ноябре 1944 года, а как бомбардировщики – в декабре 1944 года.

«Вольный стрелок» служил на Лубянке

Об этом эпизоде в своей биографии главный герой нашей книги рассказал достаточно подробно. Вот только вымысла в этом рассказе было значительно больше, чем правды. Да и не признался Отто Скорцени, что проводимая под его четким руководством операция «Вольный стрелок» была инсценирована противником. Более того, он оказался марионеткой в руках «коварных чекистов». А в Белорусских лесах, на освобожденной Красной Армией территории, скрывалась не 2,5 тыс. военнослужащих Вермахта, которые с оружием в руках пытались прорваться через линию фронта, а не больше двух десятков немецких антифашистов из числа военнопленных во главе с подполковником, который, говоря юридическим языком, перешел на сторону противника.

«В конце августа 1944 года меня срочно вызвали по телетайпу в Ставку, где генерал-полковник Йодль (начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования Вермахта Альфред Йодль. – *Прим. ред.*) представил мне двух штабных офицеров, специалистов по Восточному фронту. Они познакомили меня с драмой, разыгравшейся между Минском и Березиной на участке фронта нашей группы армий “Центр”…

В Ставке мне стало известно, что части 4-й армии, оказавшейся в окружении под Минском, удалось вырваться из котла. Мы получили сообщение по радио от одного из наших агентов, оставшегося в тылу вражеских позиций. “В лесах на северо-западе от Минска немецкие части не капитулировали”. Эту информацию подтвердили многочисленные беглецы из минского котла. От небольшого подразделения, сумевшего пробиться через Вильнюс, нам также стали известны некоторые подробности: “Насчитывающая примерно 2000 человек боевая группа под командованием, вероятно, полковника Гейнриха Шерхорна скрылась в лесу и полна решимости пробиться к нашим позициям”.

– Скорцени, – сказал мне генерал Йодль, – к сожалению, нам неизвестно, где находится подполковник Шерхорн и его группа. По Вашему мнению, можно ли их обнаружить и оказать им помощь?

– Господин генерал, – ответил я, – смею Вас заверить, мы сделаем все, что в наших силах»[194].

Разработанный на Лубянке план радиоигры «Березино» сработал. Противник «клюнул» на предложенную Москвой «приманку» и начал активно действовать. Еще не подозревая, в

какую западню он попал. Дело в том, что из всех радиоигр, а их органы госбезопасности в годы Великой Отечественной войны провели порядка 200, эта была самая известная и «раскрученная».

«Березино» было продолжением другой, организованной чекистами оперативной игры «Монастырь». Чтобы была понятна суть того, что происходило летом 1944 – весной 1945 года, кратко расскажем о второй операции.

Рождение «Монастыря»

Датой официального начала этой операции следует считать 20 января 1942 года, когда на Лубянке подготовили план оперативных мероприятий по агентурному делу «Монастырь». Процитируем этот документ:

План основных мероприятий по агентурному делу «Монастырь»».

I.

В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный монархист, известный русский поэт Борис Садовский[195], и его жена Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора.

Чета Садовских связана с церковно-монархическими группами старцев (бывших монахов и монахинь), которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе.

Садовские и их окружение пораженчески настроены, с нетерпением ждут немцев.

Летом 1941 г. Садовский написал резко антисоветское стихотворение, в котором, обращаясь к немцам как к “братьям”, звал их прийти уничтожить советскую власть и установить “самодержавие русского царя”…

II.

…В 1933 г. органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовский арестован не был.

Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм.

Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 г., и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 г. Эта группа ставила перед собой задачи террористического порядка.

Несмотря на периодическую ликвидацию антисоветских

связей Садовского, он пытается и в настоящее время сколотить вокруг себя контрреволюционные элементы для борьбы с советской властью.

Установки Садовского в настоящее время сводятся к следующему: "…сейчас ждать. Быть готовым. Во всем слушаться церкви, а как только падет советская власть под ударами немцев, выступить с категорическим принятием немецкого руководства на первое время и начать исподволь агитацию за установление монархии…"

Неизвестность относительно "точных" планов Гитлера касательно монархии весьма мучит Садовского.

Садовский интересуется, нельзя ли "как-нибудь получить сведения с той стороны", то есть снестись с немцами.

III.

В этой связи целесообразно использовать имя Садовского и его ближайших антисоветских связей для:

а) создания канала, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию;

б) дезинформации немцев о положении в СССР;

в) выяснения круга вопросов, интересующих немцев по СССР.

Для решения этой задачи будут использованы проверенные агенты: «Старый»[196] и его жена «Мир»[197]; «Гейне»[198] и его жена «Борисова»[199].

IV.

"Старый" является одним из доверенейших людей Садовского.

"Гейне" был подставлен Садовскому через "Старого". 11.01.42 г. принят Садовским как свой человек и единомышленник.

"Мир" с Садовским знакома и принимается у них в доме как единомышленница.

"Борисова" с Садовским, "Старым" и "Мир" незнакома.

Кроме "Старого", Садовского разрабатывает наш агент "Шорох", однако он к участию в намеченной комбинации не привлекается.

Учитывая желание Садовского связаться с немцами, намечаем переброску через линию фронта агента "Гейне" в качестве курьера церковно-монархической группы, возглавляемой Садовским.

Явившись на территорию, захваченную противником, "Гейне" добивается свидания с руководящими лицами из германского командования, которым сообщает, что он послан группой

Садовского для установления контакта с германским правительством, выяснения, насколько реальна возможность действительного прихода немцев в Москву, и определения в этой связи задач группы.

Свою переправку “Гейне” объясняет тем, что неожиданный отход германских войск от Москвы дезориентировал Садовского и его окружение, ожидавшего вступления немецких войск в Москву еще во второй половине октября 1941 г.

“Гейне” сообщает немцам, что по указанию “Старого” им лично сконструирован радиопередатчик и приемник, установленный в Москве (адрес “Гейне” не знает, ибо он известен только “Старому”), с помощью которого можно поддерживать регулярную связь с Москвой.

“Гейне” просит немцев передать по радио в Москву условное сообщение о своем благополучном прибытии.

Эти сообщения “Гейне” диктуются следующими соображениями:

1) вызвать интерес немцев к легендируемой церковно-монархической группе Садовского;

2) создать условия, при которых немцы, если заинтересуются Садовским и его группой, должны будут или командировать “Гейне” обратно (что нежелательно) с заданиями и шифром для радиосвязи, или же послать своего курьера, а “Гейне” оставить у себя;

3) подставить немцам наш канал связи;

4) удостовериться, что “Гейне” действительно установил контакт с немцами.

VI.

“Гейне” старается осесть и закрепиться у немцев. В качестве доводов против своего возвращения через линию фронта в Москву он выставляет:

1) трудность перехода через линию фронта;

2) боязнь репрессий в отношении его как уклонившегося от явки по месту службы в г. Алма-Ата.

Еще до этого “Гейне” рассказывает немцам, что в связи с заданием “Старого” уйти за линию фронта, желая обезопасить свою жену и близких родственников от репрессий советской власти, он добился командировки в Алма-Ату, с тем чтобы как-то зашифровать свое отсутствие в Москве.

“Гейне” информирует немцев о своей жене “Борисовой”, указывает, что отец ее – старый московский врач, много лет учившийся в Германии и занимающийся частной практикой.

Мать “Борисовой” – из дворян, с отцом развелась, сейчас

находится в Одессе, где проживает вместе с одной итальянкой, происходящей, по словам жены, из аристократической семьи, и располагает связями в высших сферах Италии.

“Гейне” просит немцев навести справки, жива ли мать “Борисовой”, и в качестве явки в Москве дает немцам адрес отца “Борисовой”, где можно с “Борисовой” встретиться и через нее установить связь со “Старым”. “Гейне”, однако, предупреждает немцев, что отец “Борисовой” не посвящен в его нелегальную деятельность.

Если немцы потребуют у “Гейне” информацию о Москве, он дает ее, согласно разработанной дезе.

В случае если немцы будут очень настаивать, “Гейне” возвращается обратно в Москву.

VII.

Для радиопередатчика, о котором будет говорить “Гейне”, устанавливаются специальное расписание, позывные и волны, о чем “Гейне” также сообщает немцам.

“Гейне” – радиоконструктор и по специальной схеме сам построил упрощенный передатчик и приемник»[200].

Документ подписали: непосредственный исполнитель – начальник отделения Четвертого управления НКВД СССР капитан госбезопасности Михаил Макляровский и два руководителя управлений НКВД СССР: Третьего (Секретно-политическое) – старший майор госбезопасности Николай Горлинский и Четвертого – старший майор госбезопасности Павел Судоплатов.

Через десять дней была подготовлена и согласована со всеми заинтересованными лицами подробная инструкция для агента «Гейне». В операции «Монастырь» ему предстояло сыграть ключевую роль – убедить немцев в реальности существования подпольной антисоветской организации «Престол».

Вот что прочел Александр Демьяненко:

«31 января 1942 г.

…1. В ближайшие дни Вы будете переброшены на одном из участков Западного фронта на временно занятую немцами территорию. Ваша задача – установить связь с германским командованием (разведкой) от имени якобы действующей в Москве антисоветской церковно-монархической группы…

2. После перехода линии фронта при встрече с германскими патрулями Вы должны заявить на немецком языке, что имеете важное сообщение для германского командования и просите немедленно доставить Вас в штаб. Прибыв в штаб, Вы добиваетесь беседы со старшим офицером данного соединения, которому рассказываете, что имеете специальное поручение к германскому

правительству, для чего просите организовать Вам свидание с ответственным лицом.

3. Ответственному представителю командования или разведки, с которым Вы будете беседовать, сообщить примерно следующее:

а) Вы являетесь участником антисоветской церковно-монархической группы _____, по поручению которой посланы: установить контакт с германским правительством, выяснить реальную возможность действительного прихода немецких войск в Москву; определить в этой связи задачи группы;

б) подробно останавливаетесь на организационной структуре группы, ее программных установках;

в) подчеркиваете, что группа имеет тесную связь с катакомбными церковными формированиями, ведущими активную антисоветскую работу;

г) рассказываете об антисоветской деятельности группы на протяжении последних лет, указывая на значительную активизацию контрреволюционной работы в связи с германо-советской войной и поражением Красной Армии.

Свой рассказ Вы строите так, чтобы не вызывать сомнения у немцев в его правдивости. Для этого рекомендуется конкретизировать отдельные положения, называя некоторые фамилии, отдельные примеры с датами.

Говоря о персональном составе группы, необходимо указать, что, кроме “Старого” и его жены, а также Вашей жены, Вы других участников группы не знаете. Однако по ряду признаков полагаете, что контрреволюционная группа имеет в своем составе ряд лиц из представителей буржуазной московской интеллигенции, находящейся на различных работах…

4. Рассказывая немцам о себе и жене, оттените, что на протяжении всего периода существования советской власти Ваша семья (в лице ее отдельных представителей) непрерывно подвергалась репрессиям большевиков. Расскажите им об обстоятельствах своего знакомства со “Старым”, а также каким образом Вы были вовлечены в антисоветскую группу, обрисовав это следующим образом. Вы знакомы со “Старым” много лет, бывали у него дома, всячески цените его культуру и идейную непримиримость к советской власти, очень часто в его присутствии высказывали антисоветские настроения, и, когда он убедился в полном совпадении его взглядов с Вашими, он предложил Вам в конце или начале 1940 г. вступить в контрреволюционную группу. Вы дали согласие…

В организации Вы вели работу среди антисоветски настроенной молодежи – выходцев из буржуазно-

интеллигентских семей, однако лично никого не вербовали, за исключением жены.

Если немцы потребуют назвать некоторые фамилии из Ваших молодых друзей, которых Вы знаете как антисоветски настроенных, разрешается сообщить 2–3 фамилии из числа действительно антисоветски настроенных, которых Вы по нашему поручению разрабатывали и которые знают Вас как их единомышленника.

5. Объясняя причины, толкнувшие группу на Вашу посылку за линию фронта, Вы заявляете немцам, что еще в октябре 1941 г.___ и “Старый” были вполне уверены в падении Москвы и занятии ее германскими войсками. В этой связи группа выпустила специальную листовку с обращением к жителям г. Москвы. _____ написал даже специальное стихотворение на русском и немецком языках, обращенное к немцам как к спасителям России от большевизма. Это стихотворение_____ предполагал отпечатать в виде листовок на следующий день после прихода германских войск в Москву. Листовка, о которой идет речь, была напечатана в 500 экз. на гектографе, который достал “Старый”, имея… доступ к печатным аппаратам.

Стихотворение на русском и немецком языках Вы заучиваете наизусть и декламируете его немцам.

Неожиданный отход германских войск от Москвы, шумиха, поднятая советской пропагандой в связи с этим, вступление частей Красной Армии в ряд городов, ранее занятых немцами, дезориентировали руководителей церковно-монархической группы, решивших направить эмиссара за линию фронта для установления непосредственного контакта с германским правительством и выяснения действительной обстановки.

Рассказывая изложенное, Вы осторожно отмечаете, что одной из причин временных неуспехов германских войск на Восточном фронте является то, что немцы не установили контакта с действующими на советской территории подпольными антибольшевистскими силами. В частности, Вы указываете, что бросавшиеся над Москвой листовки не вызвали нужного реагирования населения, так как они составлены на материалах, не связанных с советской действительностью.

Закончив свою информацию, Вы заявляете немцам, что представляемая контрреволюционная группа полностью отдает себя в распоряжение германского командования для совместной борьбы с большевизмом, так как считает, что освободить Россию от большевизма может только германская армия, опирающаяся на русские национальные силы.

6. В процессе своих бесед с немцами Вы упоминаете, что

являетесь радиоконструктором и незадолго до Вашего ухода за линию фронта по заданию “Старого” сконструировали радиопередатчик и приемник. От “Старого” Вы знаете, что он нашел радиста, на квартире у которого спрятан передатчик, что установлены позывные и расписание и что “Старый” просил Вас известить условным сообщением по радио о Вашем благополучном прибытии к месту назначения.

Если Вас спросят фамилию радиста и его адрес, ответьте, что это Вам неизвестно.

Если Вы почувствуете, что данные о передатчике заинтересовали немцев, проявите некоторую настойчивость по реализации просьбы “Старого”.

7. Ваше поведение во время пребывания на территории, занятой немцами, должно быть направлено на максимальное завоевание их доверия, исключающее в то же время возможность Вашей переброски обратно с заданиями прифронтового характера. Мы заинтересованы в том, чтобы Вы осели у немцев прочно.

В качестве доводов против своего возвращения обратно, если это Вам предложат, Вы выставляете опасность перехода через линию фронта и боязнь репрессий при появлении в Москве за неявку к месту службы в г. Алма-Ата. В этой связи Вы рассказываете немцам, что, после того как “Старый” предложил Вам отправиться за линию фронта, Вы для того, чтобы зашифровать свое длительное отсутствие в Москве и обезопасить тем самым своих близких родственников, добились командировки в г. Алма-Ата, куда по нынешним условиям ж.-д. транспорта долгий и длинный путь.

Появление же Ваше в Москве сейчас будет означать, что Вы не были в г. Алма-Ата, то есть уклонились от явки к месту работы, что по нынешним советским законам карается тюремным заключением.

Факт своей командировки в г. Алма-Ата подтвердите имеющимися у Вас документами.

Если Ваши доводы немцев не удовлетворят и они будут настаивать на Вашей переброске обратно с заданиями, после некоторого колебания дайте согласие.

8. Когда будете рассказывать биографию своей жены, упомяните о ее матери, которая находится сейчас в Одессе, укажите ее адрес и попросите навести справки, жива ли она.

9. Для немецкого курьера, который может быть послан в Москву с ответом германского командования для “Старого”, Вы даете явку к отцу своей жены, через которого посланный должен связаться с Вашей женой. Порекомендуйте посещение квартиры

отца Вашей жены зашифровать под видом “визита” к врачу. Немецкий курьер должен сказать Вашему тестю, что он прибыл из г. Алма-Ата и имеет поручение от Вас к Вашей жене. При этом Вы предупредите немцев, что Ваш тесть ничего не знает о Вашей нелегальной деятельности.

10. В случае если от Вас потребуют политическую информацию о положении в Москве и Советском Союзе, Вы ее даете в соответствии с разработанным текстом сведений.

11. Если Вас будут вербовать для сотрудничества в германской разведке, Вам разрешается для закрепления Вашего положения у немцев дать согласие.

Кроме того, Вам разрешается вступить в любые фашистские и белогвардейские формирования, действующие на территории Германии, а также в оккупированных областях.

12. Не следует рассказывать немцам, что Ваш отец погиб во время войны 1914 г.

13. Факт своего освобождения от военной службы объясните участием Вашего тестя, старого московского врача, добившегося через врачебные связи в 1940 г. признания Вас больным.

14. В случае отхода немецких войск Вы должны принять все меры к тому, чтобы отходить вместе с ними.

Если немцы Вам предложат остаться на покидаемой ими территории для разведывательной работы и обусловят форму связи с Вами и если Вам не удастся отказаться, разрешается дать согласие.

15. После прихода частей Красной Армии в пункт, где Вы будете оставлены немцами, Вы должны конспиративно связаться с особым отделом, где ответственному лицу назовете свой псевдоним и попросите немедленно телеграфно снестись с Москвой. Никаких данных о себе и о том, для чего Вы были посланы, Вы никому не имеете права рассказывать.

16. Находясь на территории, занятой противником, Вы должны помнить, что будете подвергаться самому тщательному наблюдению со стороны немцев, поэтому никому, никогда, ни при каких обстоятельствах Вам нельзя говорить прямо или обиняком о своей связи с НКВД и о подлинных причинах Вашего перехода линии фронта. Вы должны так организовать свое поведение, чтобы все то, что Вы говорили немцам, подтверждалось бы Вашими частными разговорами.

Учтите, что немцы широко применяют специальное подслушивание.

17. В случае Вашего ареста Вы должны твердо помнить, что Вам категорически запрещается давать какие-либо показания о действительных причинах Вашего появления на территории,

занятой германскими войсками. Каким бы строгостям во время допроса Вы не подвергались, Вы должны говорить только одно – что являетесь представителем контрреволюционной группы…

Учтите, что такое поведение в течение определенного срока полностью реабилитирует Вас в глазах немцев.

Будучи в камере, в разговорах с арестованными подчеркивайте то же самое, что говорили следователю, ибо среди арестованных будут лица, специально подсаженные для Вашего разоблачения.

Вы не должны ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах называть фамилии известных Вам сотрудников НКВД, адреса конспиративных квартир, а также все, что Вам известно о методах работы советской разведки.

Связь с Вами, когда Вы будете находиться в тюрьме, будет осуществлена по специальному паролю, и только лицу, назвавшему данный пароль, Вы можете говорить правду.

18. Связь с Вами в Германии и других городах будет осуществляться при помощи специально установленных явок, а также через курьеров, которые будут посылаться за линию фронта…»[201].

Автор не будет рассказывать о приключениях «Гейне» в тылу противника (они подробно описаны в книге «Судоплатов против Канариса»), а процитирует подготовленную Павлом Судоплатовым «Докладную записку заместителю народного комиссара внутренних дел СССР о результатах направления в спецорганы противника агента “Гейне” от имени легендированной организации “Монастырь”», датированную 28 марта 1942 года.

«17 февраля с.г. за линию фронта на Гжатском направлении по агентурному делу “Монастырь” был переброшен агент 4-го Управления НКВД СССР “Гейне” под видом курьера существующей в Москве церковно-монархической группы.

Направляя нашего агента к немцам от имени организации, мы имели в виду следующие задачи:

1) создать канал, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию и на оккупированную территорию;

2) дезинформировать германское командование о положении в СССР;

3) выяснить круг вопросов, интересующих германскую разведку в СССР.

Находясь на оккупированной территории в течение месяца, “Гейне” побывал в Гжатске, Смоленске и Минске.

15 марта с.г. “Гейне” с минского аэродрома на самолете был

доставлен на нашу территорию и сброшен на парашюте в районе Рыбинска Ярославской области. Вместе с “Гейне” в самолете следовал германский разведчик-радист с рацией под кличкой “Краснов”, прошедший специальную подготовку в Варшавской разведывательной школе.

На основании информации “Гейне” принятыми УНКВД по Ярославской области мерами “Краснов” был обнаружен, арестован и доставлен в Москву.

“Гейне” получил задание Смоленского разведывательного пункта вести на нашей территории активную военно-политическую разведку. Кроме того, он привез указания для монархической группы, заключающиеся в следующем:

1) активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую Германию и “новый европейский порядок”;

2) вести агитацию за немедленное окончание войны;

3) развернуть диверсионную и саботажническую деятельность;

4) приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Согласно легенде, “Гейне” сообщил немцам, что организацией, от имени которой он послан, сконструирован в Москве радиопередатчик, который не может действовать из-за отсутствия кварцев. Перед отъездом немцы вручили “Гейне” кварцы и телеграфный ключ, прося наладить регулярную работу передатчика.

Для того чтобы “Гейне” мог сам работать на передатчике, его в течение двух недель обучали в Смоленске два немецких инструктора-радиста.

Для передачи разведывательных сведений по радио немцы снабдили “Гейне” двумя шифрами и позывными.

Обер-лейтенант из Смоленского разведывательного пункта, который непосредственно работал с “Гейне”, обещал для развертывания диверсионной работы прислать в Москву необходимое оружие, взрывчатые вещества и специальных людей.

В качестве явки для германской агентуры, которая будет направлена в Москву, “Гейне” сообщил немцам заранее подготовленный нами адрес отца его жены.

“Гейне” отмечает большой интерес, проявленный работниками Смоленского разведывательного пункта в отношении формирования кавалерийских частей Красной Армии и наличия войск союзников на Западном фронте и, в частности, в Москве.

Кроме того, немцы настойчиво просили “Гейне” регулярно

информировать их о результатах бомбежки Москвы, точно указывая, где упали и что разрушили германские бомбы.

В Гжатске, Смоленске и Минске “Гейне” собрал заслуживающие внимания военно-политические разведывательные данные.

В связи с тем, что посылка “Гейне” за линию фронта дала положительные результаты, позволяющие рассчитывать на реализацию всех намеченных нами по этой легенде задач, целесообразно дальнейшую игру с германской разведкой продолжать.

В целях укрепления легенды и положения “Гейне” в германских разведорганах следовало бы в ближайшие дни начать регулярную передачу немцам дезинформационных материалов»[202].

Через две недели после возвращения из-за линии фронта в Москву Александр Демьянов впервые вышел в эфир. Свое сообщение он подписал псевдонимом «Доктор». Текст радиограммы содержал искаженные сведения о перемещении частей Красной Армии, а также просьбу снабдить «Престол» оружием, деньгами и запасными частями к радиостанции. Начался новый этап операции «Монастырь».

Берлин регулярно присылал курьеров с радиостанциями, деньгами и новыми заданиями. Чекистам удалось перевербовать многих из незваных гостей и включить их в оперативную игру. Фактически это продолжалось до мая 1945 года. А весной 1944 года началась операция «Березино». Существует устойчивое мнение, что она была продолжением «Монастыря». На самом деле они проходили параллельно и в сфере передачи дезинформации дополняли друг друга.

Кто и когда придумал «Березино»

Идея проведения новой оперативной игры – продолжения операции «Монастырь» – принадлежит начальнику 4-го Управления НКГБ Павлу Судоплатову и его подчиненным. План по ее проведению начали разрабатывать не раньше июля-августа 1944 года, когда завершилась операция «Багратион» и многочисленные подразделения Вермахта оказались в окружении.

А в Москве уже ощущалась близость победы. По Садовому кольцу 17 июля 1944 года провели 56–тысячную колонну немецких военнопленных. Во главе ее шли генералы, затем офицеры, а за ними солдаты. Оборванные, понурые, изможденные – они мало походили на тех, кто в ноябре 1941 года хотел пройти по улицам столицы СССР. Возможно, это событие и подтолкнуло

начальника 4-го Управления НКГБ СССР провести оперативную игру с участием немецких военнопленных.

Сама идея новой операции была проста и легко реализуема. В первом отделении Особого оперативно-пересыльного лагеря для военнопленных № 27 УПВИ НКВД СССР (находился в городе Красногорске Московской области) нужно было подобрать старшего офицера Вермахта, который попал в плен летом 1944 года на территории Белоруссии. Его завербовать и «назначить» командиром группы попавших в окружение немецких военнослужащих, готовых сражаться с противником до конца. Затем через «Гейне» передать эту новость в Берлин и ждать курьеров из-за линии фронта. После прибытия гостей нужно перевербовать и начать «игру». По аналогичной схеме проходила операция «Монастырь».

Почему Павел Судоплатов выбрал именно лагерь в Красногорске? Не только из-за его удобного географического расположения и по причине наличия первого отделения, где находились под стражей высокопоставленные немецкие офицеры. Достаточно сказать, что все 24 генерала, плененные под Сталинградом, находились здесь. Содержались они в относительно комфортных условиях. Если этот термин уместен в данной ситуации. На работу их, в отличие от обитателей второго и третьего отделений (находились на территории стадиона «Динамо»), не гоняли, а позволяли заниматься даже научной работой. Например, среди заключенных был австрийский профессор, ассистент врача 2-й санитарной роты 206-го пехотного полка Конрад Лоренц, ставший впоследствии знаменитым ученым и детским писателем. Его книжки о повадках зверей и птиц до сих пор читаются с большим интересом. Это был удивительный человек, основоположник совершенно новой науки о поведении животных – этологии. Так вот, свою первую научную книгу «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» он начал писать в Красногорском лагере[203]. Впоследствии, в 1973 году за эту работу он получил Нобелевскую премию. Так что в дружеской атмосфере первого отделения подчиненным Павла Судоплатова подобрать нужную кандидатуру было не очень сложно.

Не следует забывать и о другом важном факте. В этом учреждении действовала Центральная антифашистская школа.

Красногорский лагерь использовался в качестве учебного полигона для агентов и чекистов, которым предстояло действовать за линией фронта в мундирах военнослужащих Вермахта. Например, своеобразную стажировку перед командировкой на Украину в начале 1942 года прошел Николай

Кузнецов.

Рождение «Шубина»

В Красногорский лагерь военнопленных приехали двое чекистов: сотрудник Четвертого Управления НКГБ СССР Михаил Леонов и один из участников операции «Монастырь» (на связи у него находился Александр Демьянов), оперуполномоченный Третьего отдела Второго управления НКГБ СССР майор госбезопасности Игорь Щорс. Среди множества кандидатур, предложенных администрацией лагеря, их выбор пал на подполковника Генриха Шерхона. Оформив необходимые документы, они увезли офицера в Москву. По непонятной причине на Лубянке им не дали машину, и военнопленного (одетого в немецкую форму!) пришлось сначала везти на электричке, а потом на автобусе до здания на площади Дзержинского. Немца поместили во внутреннюю тюрьму Лубянки и закрепили за Щорсом.

Дальнейшая история с «командира части» для операции «Березино» развивалась по следующему сценарию: пока Генрих Шерхорн находился в Москве, с ним несколько раз встречался Павел Судоплатов. Беседа велась на французском языке, переводчиком был Игорь Щорс. Надо сказать, что генерал был крайне недоволен процессом вербовки пленного. Он строго отчитал сотрудника, и тот потом долго вспоминал этот разговор. Вечерами у себя в кабинете Щорс, с санкции Судоплатова, проводил с «командиром» психологические беседы. После тщательно проведенной работы с немецким подполковником начальник Четвертого Управления НКВД СССР дал свое добро и утвердил кандидатуру Шерхорна на роль «командира»[204].

Новая командировка «Гейне»

Летом 1944 года в очередной радиограмме Александр Демьянов сообщил в Берлин, что из группы связи Генштаба его переводят в технические части в звании инженера-капитана и направляют в Минск. Затем передал, что служит в запасном полку связи и в настоящее время прикомандирован к отдельному дорожно-строительному отряду, находящемуся в 100 километрах от Могилева[205]. В Берлине еще не знали, что вместе с ценным агентом в Беларусь выехала оперативная группа Четвертого управления НКГБ СССР. Основная задача чекистов – проведение операции «Березино». Свое наименование она получила по названию деревни Березино, откуда «Макс» радировал в Берлин.

Спасти подполковника Шерхорна

Снова обратимся к мемуарам Отто Скорцени. Согласно изложенной им версии, события развивались так:

«Проведение операции поручили недавно образованному батальону “Охотничье подразделение Восток I”. Были образованы четыре группы по пять человек: два немецких стрелка-добровольца и трое русских, убежденных антисталинистов. Восемь немецких добровольцев говорили по-русски. Они были одеты в советскую форму, имели русские продовольственные пайки, оружие, боеприпасы, а также документы. Им полностью побрили головы и снабдили русской “махоркой”. У каждой группы имелась радиостанция.

Первую группу под командованием П., обершарфюрера войск СС, сбросили на парашютах в конце августа 1944 года с “Хе-111”, принадлежавшего к “Бомбардировочной авиационной эскадре 200”. Пролетев 500 километров в тыл неприятельских позиций, она совершила посадку восточнее Минска, под Борисовом. В ее задачу входило совершить марш на запад в поисках Шерхорна.

Уже в ночь приземления мы наладили первую радиосвязь с П., доложившим: “Посадка трудная… Мы собираемся… По нам стреляют из автоматов…” – и далее наступила тишина. Только через шесть или восемь недель, во время подготовки в Будапеште операции “Фауст-патрон”, мне стало известно, что П. смог добраться до группы Шерхорна, но его радиостанцию уничтожили в первый день.

Вторую группу мы сбросили в этом же районе в начале сентября. Ею командовал оберюнкер (прапорщик) войск СС Линдер, получивший то же задание, как и группа № 1, – маршировать на запад. На наши позывные он ответил на четвертую ночь и после обмена паролями доложил: “Посадка прошла хорошо. Группа Шерхорна найдена”. Легко можно представить нашу радость, дополненную на следующий день личной благодарностью подполковника Шерхорна, переданной нам по радио. Следующие группы, третью и четвертую, мы сбросили в районе Дзержинска и Вилейки. Они должны были совершить концентрический марш в направлении Минска.

О группе № 3 под командованием сержанта М. мы ничего не узнали; все наши радиопозывные остались без ответа. Их поглотила огромная Россия.

Судьба группы № 4 под командованием молодого прапорщика Р. оказалась неожиданной, даже сенсационной. Сначала поступили хорошие известия: посадка прошла без помех. Р. доложил, что вся пятерка собралась вместе. Затем он сообщил, что они встретили русских дезертиров, которые приняли их за своих, и что они с новыми товарищами отлично понимают друг

друга. От них Р. узнал, что в районе Минска действуют подразделения НКВД. Он предупредил нас, что на второй день вынужден изменить маршрут, на что и получил согласие. На третий день он сообщил, что они получили помощь от крестьян и измученное войной население этой части Белоруссии будет способствовать их деятельности. На четвертый день сообщений от него не поступило… Только через пятнадцать дней (в конце сентября) нам позвонили из одной части, находящейся на фронте в Литве: “Группа Р. докладывает, что вернулась без потерь”.

Группа № 4 не обнаружила Шерхорна, но сведения, добытые и доставленные ею, оказались очень важными. Она прошла более 300 километров по вражеской территории, когда неприятель готовился к наступлению…

После возвращения во Фриденталь Р. принял активное участие в подготовке акции с целью оказания помощи Шерхорну. Самым важным мы посчитали поставку медикаментов для его группы, где было много раненых и больных. Первый сброс закончился неудачно: наш врач сломал во время посадки обе ноги, и через несколько дней нам сообщили о его смерти. Второму доктору удалось присоединиться к группе вместе с медицинским снаряжением.

С этого времени самолет из “Бомбардировочной авиационной эскадры 200” через каждые два или три дня летал на восток, чтобы сбросить продовольствие, медикаменты и боеприпасы к стрелковому оружию. Эти полеты совершались ночью и при плохой погоде; пилоты вынуждены были ориентироваться на слабые световые сигналы, а подающие их с земли наши люди тоже рисковали. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие контейнеры пропали.

Вместе со специалистами из “Бомбардировочной авиационной эскадры 200” мы подготовили план эвакуации. Единственным способом оказалось сооружение вблизи леса, где скрывались наши товарищи, посадочной площадки для “Хе-111”, с которой сначала можно будет эвакуировать раненых и больных, а затем и способных к бою. Доброволец – инженер Люфтваффе – спрыгнул с парашютом, чтобы руководить строительными работами. В течение нескольких дней мы были полны оптимизма и надежды, но жестоким ударом стало известие о том, что русские обнаружили нашу посадочную площадку и ведут непрерывные атаки на нее.

Тогда мы определились, что Шерхорн попытается добраться до озерного края, расположенного на бывшей русско-литовской границе, который распростирался недалеко от Динебурга (Двинска), в 250 километрах севернее места, где он находился.

Если бы ему удалось дойти туда в начале декабря, замерзшие озера можно было бы использовать в качестве взлетной полосы. Мы произвели новые сбросы теплой одежды, продовольствия и боеприпасов – все для 2000 человек! Девять русских радиооператоров вызвались добровольцами, чтобы добраться до Шерхорна с радиостанциями….

Мы знали, что неприятель, безусловно, заметит марш на север 2000 человек. Поэтому нами было определено, что Шерхорн разделит свой "легион". Больные и раненые должны были перевозиться на крестьянских повозках. Они едут более медленно и подвергаются большей опасности. Поэтому требовался арьергард, который поручили возглавить прапорщику П., обнаружившему после многих недель скитаний подполковника и наших коллег; после этого он наладил с нами связь. Подполковник и унтерштурмфюрер Линдер должны были возглавить вторую группу, состоящую из боеспособных солдат, – их задачей было как можно более быстрое продвижение к нашим позициям…

Обе колоны отправились в путь в ноябре…

Средний темп марша через леса и болота редко превышал 4–5 километров в сутки…

В феврале 1945 года мы получили радиограмму унтерштурмфюрера Линдера: "Я с первой группой добрался до озер. У нас нет продовольствия, нам грозит голодная смерть. Можете ли вы нас принять?" Мы не могли. У нас уже не было ни "хейнкелей", ни топлива. Я находился тогда в городе Шведте-на-Одере. Под моим командованием была дивизия, организованная из различных подразделений….

Позже мы были вынуждены оставить Фриденталь и переместить наш штаб в Южную Германию. Операторы все еще напрягали слух на соответствующих частотах. Сигналы, приходившие от "пропавшего легиона", становились все слабее. Последняя радиограмма Линдера была самой трагической – он просил только немного топлива для генераторов подзарядки батареек радиостанции: "Я хочу только поддерживать с вами связь… Слышать ваши голоса…" Был апрель 1945 года. Позже наступила тишина…»[206].

Чекисты против «Браконьеров»

В реальности для Германии операция «Вольный стрелок» началась 18 августа 1944 года, когда агент «Макс» внезапно сообщил по рации, что недалеко от Минска, в районе озера Песочное, скрывается попавшая в окружение крупная немецкая воинская часть, которой командовал подполковник Вермахта

Генрих Шерхон. Под командованием этого офицера находилось около 2,5 тыс. германских военнослужащих. Об этом ему якобы сообщил пленный обер-ефрейтор из этой части, захваченный во время разведки на шоссе. Немцы скрываются в глубине лесного массива в одном из бывших партизанских лагерей, изредка нападают на отдельные автомашины и обозы, чтобы обеспечить себя продовольствием.

Эта радиограмма не удивила Берлин. После удачно проведенной летом 1944 года операции советских войск «Багратион» в тылу Красной Армии оказалось множество разрозненных подразделений. Другое дело, что большинство из них предпочли сдаться на милость победителям и попасть в лагерь для военнопленных, чем быть уничтоженным противником. А бойцы отряда Генриха Шерхона решили пробиваться на Запад. Вот только двигаться к фронту часть не может из-за большого количества раненых, нехватки боеприпасов, оружия и продовольствия.

После проверки сообщения ценного агента руководство СД[207] (после фактической ликвидации Абвера в феврале 1944 года функции военной разведки и контрразведки были переданы РСХА – Главному управлению имперской безопасности) доложило о геройском поступке бывшего командира 36-го полка 286-ой дивизии тыловой охраны подполковника Генриха Шерхона Адольфу Гитлеру и Герману Герингу. Руководители Третьего рейха приказали предпринять все для спасения попавших в окружение немцев. Ведь в случае успеха этих военнослужащих можно было бы объявить национальными героями. Какой ценный подарок для мастера пропаганды Йозефа Геббельса! На это и рассчитывал Павел Анатольевич Судоплатов, когда разрабатывал план операции «Березино». А в Берлине эту операцию по спасению Генриха Шерхона и его отряда было решено назвать «Браконьеры».

На Лубянке не удивились, когда 25 августа 1944 года расшифровали адресованную «Максу» радиограмму. Ее текст звучал так:

«Благодарим за Ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски багажа. Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии. Пароль будет Ганновер.

Привет[208]».

В ночь с 15 на 16 сентября 1944 года три первых «спортсмена» (так называли немецких парашютистов чекисты – участники операции) – специалиста по радиоделу и диверсиям – были выброшены в точке с указанными координатами. Вскоре двое, каждый по своей рации, условным кодом подтвердили прибытие в отряд Генриха Шерхорна, сообщив, что третий тяжело ранен при приземлении. Сотрудники немецкого радиоцентра подтвердили своему начальству, что «на ключе» работали действительно парашютисты, а не сотрудники НКГБ. Дело в том, что у каждого радиста существует свой индивидуальный почерк работы в радиоэфире и оператор без труда обнаружит подмену.

С ноября 1944 года по февраль 1945 года Верховное командование германской армии регулярно объявляло благодарности Генриху Шерхорну и его подчиненным за службу и отвагу. Это было единственное, чем Берлин мог поддержать бойцов отряда, действующих в глубоком тылу Красной Армии.

Внезапно руководство Германии решило отметить правительственными наградами наиболее отличившихся в боях с противником офицеров. 28 марта 1945 года Генрих Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника генштаба Вермахта генерал-полковника Гейнца Гудериана о присвоении ему звания полковника и награждении вместе с другими офицерами отряда по приказу самого Адольфа Гитлера орденом Рыцарский крест Железного креста[209].

А 5 мая 1945 года Генрих Шерхорн получил последнюю радиограмму из Берлина:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание Вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с Вами радиосвязь…»[210].

«Березино» – версия Лубянки

«Отряд» во главе с Генрихом Шерхоном действительно дислоцировался у деревни Глухое Червенского района Минской области на берегу озера Песочное. Об этом позаботилось руководство Четвертого Управления НКГБ СССР.

А 20 августа 1944 года заместитель наркома госбезопасности комиссар 2-го ранга Кобулов красным карандашом поставил свою подпись под планом «мероприятий по организации ложной базы якобы действующей в нашем тылу немецкой воинской части и обеспечению приема груза, курьеров, радистов, которые должны быть направлены немецкой разведкой на данную базу».

Документ гласил:

«Совершенно секретно. По делу “Монастырь” было получено очередное сообщение германского Центра о его готовности срочно прислать радиста с радиостанцией и сбросить необходимую помощь для легендируемой нами немецкой воинской части, оперируемой якобы в районе Березино.

В этой связи считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. Командировать в район Березино (БССР) специальную оперативную группу в составе 20 автоматчиков отдельного отряда Особого назначения НКГБ СССР (ОМСБОНа. – *Прим. авт.*) под командованием офицера капитана Гусева; в качестве старших оперативных начальников, ответственных за оперативную сторону проведения операции, – старшего оперуполномоченого 4-го Управления НКГБ СССР капитана госбезопасности тов. Леонова и старшего оперуполномоченного 4-го Управления НКГБ СССР майора госбезопасности тов. Борисова.

Перед группой поставить следующие задачи:

а) Из числа баз, действовавших в свое время в данном районе во время оккупации немцами, партизанских отрядов, подобрать подходящее место, где якобы укрывается легендируемая немецкая часть, а также пригодные площадки для приема груза и парашютистов, так и на случай возможного приземления немецких самолетов.

б) После того как противнику будут сообщены координаты подходящих площадок, оперативная группа принимает меры по обеспечению встреч немецких десантников, в том числе и радистов, прием сброшенных немцами грузов, приземлившихся немецких самолетов и осуществляет другие мероприятия, связанные с проведением данной комбинации.

2. В зависимости от обстоятельств руководителю оперативной группы разрешается, если в этом будет оперативная необходимость, организовать “встречу” прибывшего немецкого радиста или других агентов противника с командованием легендируемой части, а также использовать втемную немецкого радиста (с предварительной санкции НКГБ СССР для осуществления связи с германским разведцентром).

3. Вне зависимости от того, как будет организован “прием” прибывших агентов противника, т. е. будут они сразу арестованы или будет устроена “встреча” с командованием “части”, начальник оперативной группы принимает меры по обеспечению гласной или негласной охраны, полностью исключающей какие-либо возможности побега прибывших агентов.

В случае получения указаний Центра об аресте прибывших

немецких парашютистов-радистов начальник оперативной группы осуществляет это мероприятие немедленно.

4. Для возможного легендирования наличия в намеченном районе немецкой воинской части, а также на случай необходимости организации встреч “втемную” с прибывшими немецкими агентами оперативной группе придаются для использования военопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, фигурирующий в наших сообщениях противнику как командир легендируемой части, который содержится на базе под соответствующим конвоем. Подполковник в курс дела не вводится и используется исключительно втемную <Сноска: Шерхорн не знал о конечной цели операции “Березино”> и следующие агенты – немцы, обмундированные в форму германской армии: “Георг”, “Вальтер”, “Жак”.

5. Агент “Георг” намечается для осуществления и переговоров от имени немецкой воинской части с прибывшими немецкими агентами, если в этом будет соответствующая оперативная необходимость.

6. Для связи с НКГБ СССР в распоряжение начальника оперативной группы выделяются два радиста, а для поддержания регулярной связи с Минском и Могилевом – мотоциклист с мотоциклом.

7. Группа отправляется из Москвы на 2 автомашинах АХФУ НКГБ СССР.

8. Для питания агентуры, радистов и оперативных работников на время нахождения в лесу выделить 10 пайков 1-й категории из фондов 4-го Управления и выдать под отчет начальнику оперативной группы тов. Леонову 10 000 рублей на оперативные расходы.

9. Для маскировочных целей выделить в распоряжение начальника оперативной группы как “НЗ” трофейные продукты германского происхождения»[211].

Данный документ составил начальник Третьего отдела Четвертого Управления НКГБ СССР Михаил Макляровский, а завизировал Павел Судоплатов.

Выполнять содержащиеся в документе указания было поручено специально сформированной из сотрудников Четвертого управления НКГБ СССР оперативной группе во главе с Наумом Исааковичем Эйтингоном. В частности, чекистам пришлось построить несколько землянок для комфортного проживания в течение нескольких месяцев. В качестве площадки для приема грузов использовали старый партизанский аэродром, координаты которого были известны немцам еще с периода оккупации Белоруссии и борьбы с партизанами. В состав

оперативной группы входили десять завербованных немцев. Размещались все в землянках и палатках, одетые в германскую форму, для приема прибывающих парашютистов. Дальние подступы к лагерю по периметру охранялись войсковыми патрулями во избежание недоразумений с советскими частями. О количестве задействованных в операции войсковых частей можно узнать из формуляра одной из дивизий войск НКВД:

«19 октября 1944 года для проведения особо важной операции по линии 4-го управления НКГБ СССР на территории БССР в распоряжение комиссара государственной безопасности т. Эйтингона были выделены в полном составе три стрелковых батальона, три стрелковые роты и взвод роты автоматчиков»[212].

Недалеко от посадочной площадки установили зенитные пулеметные установки, тщательно их замаскировав.

Единственным настоящим во всей этой бутафории был подполковник Генрих Шерхон. «…Кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Взят в плен 09.07.1944 в районе Минска, член НСДАП с 1933 г. Настроен пессимистично. В победу Германии не верит»[213]. Об истории его вербовки рассказано выше. Добавим лишь, что после его включения в список членов оперативной группы НКГБ СССР в плане ее работы появился новый пункт: «Для возможного легендирования наличия в намеченном районе немецкой воинской части, а также на случай необходимости организации “встреч” “втемную” с прибывшими немецкими агентами оперативной группе придается военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, фигурирующий в наших сообщениях противнику как командир легендируемой части, который содержится на базе под соответствующим контролем»[214].

Когда считать мы стали трофеи

Итоги операции «Березино», согласно сообщению руководства советских органов безопасности от 30 апреля 1945 года в Государственный комитет обороны, выглядели так:

«С сентября 1944 года немцами совершено на территории легендируемой части 67 самолетовылетов и сброшено 25 германских разведчиков (все арестованы); 13 радиостанций, из которых 7 включены в игру с немцами; 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования; 20 пулеметов «МГ-42»; 100 винтовок и автоматов; 35 пистолетов; 2000 гранат; 142 тысячи патронов; более 2,5 тонны различных мясопродуктов; 370 кг шоколада; 4 тонны хлеба; 400 кг сахара; 100 бутылок вина и прочее. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей»[215].

А вот по данным архива Службы внешней разведки РФ, подведенные справкой от 8 марта 1947 года итоги операции «Березино» звучат скромнее:

«С сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолетовылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы Четвертым управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и 1 777 000 рублей советских денег»[216].

Полковника Генриха Шерхорна и немцев-военнопленных, помогавших в операции «Березино», после окончания Великой Отечественной войны освободили и разрешили уехать в Восточную Германию.

Александр Демьянов после войны жил в Москве и, работая инженером-электриком в НИИ, какое-то время оставался в резерве спецслужб. На связи с ним находился подполковник Игорь Щорс, участник операций «Монастырь» и «Березино». Но вскоре пути этих людей окончательно разошлись. Агент остался в Москве, а его последний куратор уехал на Чукотку работать директором большой угольной шахты.

Александр Демьянов умер в 1975 году от разрыва сердца. Похоронен на Введенском (Немецком) кладбище[217] рядом со своей женой и зятем – участниками операции «Монастырь».

Убить товарища Сталина

Об этой операции Отто Скорцени предпочитал не вспоминать. Может, из-за того, что она напоминала сюжет низкобюджетного кинофильма, сценарий которого написали люди, имевшие весьма поверхностное представление о том, как в реальности работают диверсанты. В результате до сих пор не утихают споры среди историков о том, а не была ли эта операция придумана чекистами. Точно так же, как «Длинный прыжок» – «немецкий заговор имевшего целью убийство «большой тройки» руководителей антигитлеровской коалиции – Иосифа Сталина, Уинстона Черчилля и Франклина Рузвельта – на Тегеранской конференции в 1943 году».

С «Длинным прыжком» все понятно – Лубянке он нужен был, чтобы во время встречи в Тегеране поселить делегацию из США на территории советского посольства, т. к. американское находилось на другом конце города, в отличие от британского, которое располагалось напротив. Благодаря этому чекисты смогли подслушать беседы членов американской делегации. К тому же история про то, как легендарный советский Николай Кузнецов, находясь на Украине, узнал от «виртуального» штурмбаннфюрера СС Ханса Ульриха фон Ортеля (в реальности такого офицера не было) за несколько месяцев до того, как в Москве, Лондоне и Вашингтоне приняли решение провести такую встречу, про планирующееся покушение, звучит как-то странно.

А вот с покушением на Сталина не все так однозначно. Возможно, что Отто Скорцени действительно готовил операцию, целью которой было убийство Сталина. Проблема в том, что, вероятно, главный герой нашей книги с самого начала не рассчитывал на ее успех. И поэтому он лишь выполнял указание начальства, продемонстрировав максимальную халатность.

Строители «воздушных замков»

Руководство Третьего рейха неоднократно обсуждало идею покушения на Иосифа Сталина. Хотя большинство планов очень сложно было реализовать на практике. Так, в 1944 году министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп пригласил к себе начальника политической разведки Вальтера Шелленберга и рассказал под секретом, что разработал такой план: необходимо «завлечь» Иосифа Сталина за стол дипломатических переговоров и при этих переговорах его… убить, за что брался сам министр. Именно для этой цели Риббентроп хотел получить у Шелленберга, во-первых, согласие на его личное участие в

будущей операции и на «техническую помощь». Риббентропу стало известно, что в ведомстве Шелленберга разработали револьвер в виде самопишущей ручки, который стреляет на расстоянии 6–8 метров… Эта бредовая идея осталась невыполненной, зато был разработан другой план: укрепить на автомашине Сталина мину-присоску, управляемую по радио на расстоянии до 7 км.

Вальтер Шелленберг так рассказал о том, как данный план был реализован на практике:

«Два военнопленных офицера Красной Армии, проведшие долгие годы в заключении в Сибири и ненавидевшие Сталина, – а один из них был знаком с монтером из сталинского гаража – взялись за это задание. Они были высажены с тяжелого самолета вблизи Москвы вместе с русской полицейской автомашиной. Под видом полицейского патруля они наверняка могли бы достичь центра русской столицы, так как не только тренировались для этой операции, но и располагали нужными бумагами. Однако план сорвался. Мы никогда и ничего не узнали об этих людях или о попытке покушения на Сталина».

Понятно, что такое возможно лишь в кино или шпионских романах. В 1944 году в Москве сотрудники милиции не патрулировали город на автомобилях, как это, возможно, происходило в Западной Европе. Правда, в этой истории есть один пикантный момент. Некая похожая история, но в ней вместо двух офицеров ехала супружеская пара, да не на машине, а на мотоцикле, действительно произошла[218]. Правда, до сих независимые историки спорят: инсценировали ее военные чекисты или немцы продемонстрировали максимум некомпетентности и преступной глупости.

Дело в том, что, по странному стечению обстоятельств, в мае 1944 года ГУКР НКО «Смерш» дважды докладывало в ГКО «о подтвержденной тенденции в тактике действий противника и на основе полученных указаний издало соответствующую директиву для подчиненных органов. Им приказывалось усилить агентурно-оперативную работу по выявлению террористов и разработке лиц, высказывающих намерения совершить акты террора, через командование ограничить командирование в Москву военнослужащих из числа бывших в плену и вышедших из окружения в одиночном порядке при подозрительных обстоятельствах. Эти директивы предполагалось довести вплоть до рядовых оперативных сотрудников»[219].

По версии советских органов госбезопасности, эти двое должны были убить самого Иосифа Сталина. Якобы летом 1944 года Адольф Гитлер приказал уничтожить Иосифа Сталина. А

двое немецких агентов согласились выполнить приказ фюрера[220]. Их задержали через несколько часов после появления в советском тылу, а потом привлекли к участию в радиоигре «Туман».

Лубянка уполномочена заявить

Официальная версия звучит так. 5 сентября 1944 года близ поселка Карманово Смоленской области задержали следовавших на мотоцикле «заместителя начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта, Героя Советского Союза, кавалера пяти орденов Петра Таврина и секретаря того же отдела младшего лейтенанта Лидию Шилову». За линию фронта их доставил специальный самолет «Арадо 332». При обыске у них обнаружили свыше 120 печатей и штампов для изготовления документов, свыше 500 бланков документов, крупную сумму денег (428 тыс. рублей), семь пистолетов, магнитную мину и специальное оборудование к ней, радиопередатчик, шифроблокноты и другое снаряжение диверсанта. Все это необходимо для организации покушения на Иосифа Сталина. Так звучит версия, озвученная в середине семидесятых годов прошлого века.

Ее авторы, правда, не смогли объяснить, как можно было все перечисленное выше снаряжение (некоторые авторы утверждают, что оно было упаковано в три больших чемодана) уместить в мотоцикл с коляской. Если при этом ехать еще и вдвоем.

Другой вопрос – как «майор» мог объяснить на многочисленных КПП, что он везет в трех огромных чемоданах, и при этом избежать личного досмотра. Теоретически он мог оформить груз как секретный, но тогда возникает другой вопрос: почему он его решил везти на мотоцикле, а в качестве охраны взял коллегу по работе – молодую и симпатичную женщину?

Предположим, что авторы этой версии немного приукрасили реальную историю. Ведь впервые она была «озвучена» в «открытой» печати еще в 1970 году, когда в сборнике «Фронт без линии фронта» был опубликован очерк «Провал акции “Цеппелин”», где было подробно рассказано о том, как немцы планировали организовать покушение на Иосифа Сталина[221].

В 1971 году Андрей Соловьев опубликовал в журнале «Смена» статью «Сентябрь сорок четвертого». Потом без нее не обходилось большинство публикаций о деятельности военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны, а сама она обрела множество «подробностей»[222]. Нет, если посмотреть официальные документы (один из них процитирован ниже), то объем перевозимого Шило шпионского снаряжения был значительно больше, чем написал Андрей Соловьев.

Среди изъятых у Петра Таврина вещей – несколько фотографий, которые он по непонятной причине взял с собой на задание. Фотосессия была организована непосредственно перед отправкой на задание в советский тыл. Так утверждают авторы рожденной в семидесятые годы прошлого века версии. На одном из снимков Таврин запечатлен с Отто Скорцени, на другом – с погибшим в автокатастрофе еще в начале 1944 года начальником Восточного отдела РСХА оберштурмбаннфюрером Г. Грайфе. Снимки в «деле» Таврина появились уже после окончания Великой Отечественной войны, т. к. в 1944 году он сообщил, что Г. Грайфе «погиб в начале января 1944 года во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор СС Хенгельгаугт»[223].

Если перечень изъятого у Таврина шпионского снаряжения оставим на совести чекистов – есть архивные документы (пусть даже и сфальсифицированные сотрудниками «СМЕРШ» или НКВД по «горячим следам» в первые часы или сутки задержания немецких агентов), то с причины его задержания – плод фантазий авторов семидесятых годов прошлого века.

По одной версии, первой, их задержал дорожный патруль только потому, что обратил внимание на их сухую одежду, в то время как там, где они ехали, по их словам, всю ночь хлестал проливной дождь. Она звучит более или менее убедительно. Теоретически такое могло произойти.

По второй версии, советская контрразведка была своевременно уведомлена прямо из логова врага и ждала их. И вновь две версии уведомления. Одна из Риги, где Таврин шил себе в секретном ателье СС специальное кожаное пальто с широченным правым рукавом, дабы прятать в нем устройство для стрельбы бронебойным мини-снарядом. О ней мы подробно поговорим ниже. Вторая версия – прямо из Берлина, из РСХА. Оказывается, едва Кальтенбрунер принял окончательное решение о сроке и месте десантирования, как к хозяйке кабаре на окраине Берлина фрау Зайферт – советской разведчице с кодовым именем «Фрау» явился один из особо «доверенных сотрудников» некоего оберштурмбаннфюрера СС Хенгельгаума (может, под этим именем скрывался советский разведчик Штирлиц) и обо всем доложил. И уже на следующий день, ранним утром, начальник «СМЕРШа» генерал Абакумов читал расшифрованную радиограмму[224].

Сюжет о таинственной разведчице «Фрау» более фантастичен, чем рассказы о многочисленных подвигах Штирлица. Они хороши для художественного произведения, но не допустимы для документальной повести или фильма, который претендует на

такой статус. Поясним, что речь идет о кинокартине «Семнадцать мгновений весны». Хотят авторы этого или нет, но не было у советской разведки агентов или источников информации в центральном аппарате ведомства Вальтера Шелленберга.

С фигурировавшим в официальной версии самолетом «Арадо 332» тоже не все понятно. Такой модели просто не существовало в природе. Возможно, авторы перепутали его с «Арадо Ar.232B-0», но ведь вот какая проблема. Экипаж этой машины – четыре человека. А чекисты утверждают, что они «трех членов экипажа задержали, одного убили, двух разыскивают»[225].

По мнению отдельных историков и журналистов, истинная цель дуэта Шило – Таврина после высадки в советском тылу – скрыться от германских и советских спецслужб. Убивать они никого не планировали, а набора бланков документов, печатей различных учреждений и крупной суммы советских денег было более чем достаточно для безбедной жизни в Советском Союзе. Тем более что Петр Шилов имел богатый опыт жизни на нелегальном положении в довоенной стране. А немцы «освежили» эти навыки. Им ведь важно, чтобы агент выполнил задание.

Довоенные похождения «убийцы» Иосифа Сталина

Петр Иванович Шило родился в 1909 году в Черниговской области. До 1930 года батрачил у местных кулаков, а после того как началась коллективизация, перебрался в Нежин, где устроился в отдел труда, который занимался вербовкой рабочей силы для строительства промышленных предприятий. В качестве уполномоченного этого отдела был послан в Глуховский район Черниговской области. Там проиграл пять тысяч казенных денег в карты. Пытался скрыться от правоохранительных органов. В 1932 году он работал в Саратове инспектором горсовета, но был разоблачен и оказался в местном следственном изоляторе. Разломав вместе с сокамерниками стену бани следственного изолятора, сбежал. Скрывался сначала в Иркутске, затем в Воронежской области у жены, которая работала учительницей в глухой деревне. Однажды в их хате вспыхнул пожар. Он воспользовался этим и обжег верх своего паспорта. После этого ему удалось оформить новый паспорт. Теперь он стал Гавриным. Под этой фамилией он поступил в Воронежский юридический институт. После окончания первого курса был принят на должность старшего следователя в воронежскую прокуратуру. Через год самовольно оставил работу и уехал в Киев, где был задержан и этапирован в Воронеж, где и был осужден по статье 111 УК РСФСР. Процитируем эту статью:

«Бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом

действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков, – лишение свободы на срок до трех лет».

Поясним, что статья 109 карала:

«злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия…».

Как видим, его осудили лишь за то, что он самовольно уехал из Воронежа в Киев, а не за подделку документов и растрату казенных денег.

В воронежской тюрьме Петр Шило находился недолго. Однажды во время работ за ее пределами он сбежал. Сначала жил в Ташкенте, потом в Уфе. В 1940 году, подправив первую букву в паспорте, из Гаврина превратился в Таврина. С «новым» документом уехал в Свердловск, где устроился на работу в Уралзолото. Оттуда 14 июля 1941 года был призван в Красную Армию. Попал на фронт, отличился в боях, за что был награжден орденом[226]. В мае 1942 года добровольно перешел на сторону противника. Якобы его биографией заинтересовались военные контрразведчики[227]. О его приключениях в немецком тылу будет рассказано ниже, а пока отметим лишь, что два важных факта.

Первый – Петр Шило никогда не демонстрировал своего недовольства советской властью. Поэтому согласиться участвовать в покушении на Иосифа Сталина он мог лишь по одной причине – чтобы получить от немцев «надежные» документы и советские деньги. А после того как попадет на советскую территорию – скрыться.

Второе – Петр Шило обладал необходимым практическим опытом пребывания на «нелегальном» положении, в отличие от

большинства немецких агентов, чья спецподготовка ограничивалась лишь прослушиванием лекций и семинарами в разведшколе.

Лубянка уполномочена заявить

По «странному» стечению обстоятельств, из тех руководителей спецслужб Третьего рейха, кто пережил Вторую мировую войну и мог бы рассказать подробности разработки Берлином плана покушения на главу СССР, остался один лишь Вальтер Шелленберг – руководитель внешнеполитической разведки Третьего рейха. Хотя его мемуары – сомнительный источник. Во-первых, они были изданы после смерти автора, который оставил после себя «сырую» рукопись, а не законченное произведение. Во-вторых, есть т. н. «немецкая»[228] и «английская»[229] версии мемуаров, которые существенно различаются между собой[230]. В-третьих, воспоминания кадрового разведчика всегда носят субъективный характер – их автор «страдает» многочисленными «провалами» памяти, путает имена, даты и географические названия.

Обратимся к отечественным источникам. Главный из них – «Сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР “Смерш” НКО СССР № 4126/М в ГКО», которое датировано 30 сентября 1944 года. Запомним эту дату! Вот что сообщило руководство органов госбезопасности в Государственный комитет обороны:

«5 сентября т.г. близ районного центра Смоленской области с. Карманово сотрудники НКВД-НКГБ задержали показавшегося подозрительным неизвестного в форме майора Красной Армии. Он следовал на мотоцикле с коляской по дороге на Ржев и предъявил документы на имя Героя Советского Союза Таврина Петра Ивановича. Вместе с ним была задержана женщина, следовавшая в коляске мотоцикла, назвавшаяся женой Таврина – Шиловой Лидией Яковлевной.

При обыске у задержанных изъято:

а) специальный аппарат “Панцеркнаке” с 9 снарядами.

При исследовании установлено, что снаряд “Панцеркнаке” калибром 30 мм, длиной 170 мм, весом 235 граммов является бронебойно-фугасной гранатой комулятивного действия с бронепробиваемостью 35–40 мм при дальности стрельбы до 300 метров. Аппарат соединен тонким проводом с электрической батареей и приводится в действие нажатием кнопки;

б) 7 пистолетов различных систем, в том числе автоматический 8-зарядный пистолет английского образца и 15 патронов к нему калибра 7,65 мм с разрывными пулями.

При анализе этих патронов установлено, что пули снабжены

сильнейшим кровяным порошкообразным ядом, вызывающим моментальную смерть;

в) мина типа магнитных, сильного действия и радиоприборы к ней, предназначенные для производства взрыва посредством радиосигнала с расстояния нескольких километров;

г) портативная коротковолновая приемо-передаточная радиостанция, условные таблицы, шифры, коды и средства тайнописи;

д) медаль “Золотая Звезда” Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», поддельные орденские книжки и поддельные вырезки из советских газет с Указами о присвоении Таврину звания Героя Советского Союза и награждении его перечисленными орденами и медалями;

е) большое количество бланков-документов, печатей и штемпелей различных военных учреждений[231].

ж) 428 тысяч рублей советских денег.

Для следствия Таврин был доставлен в Москву и на допросах показал:

Настоящая его фамилия – Шило Петр Иванович, родился в 1909 году в селе Бобрик Черниговской области, отец – кулак, расстрелян красными партизанами в 1918 году (подтверждено проверкой).

В 1940 г. сменил фамилию, получив обманным путем паспорт на имя Таврина, и устроился на работу в Свердловскую область в качестве служащего геолого-разведывательной партии Уралзолото (опознан как Таврин лицами, знавшими его по Свердловской области).

В августе 1941 г. был призван в Красную Армию и зачислен в 28-й запасный полк в гор. Свердловске, в составе которого выбыл на Калининский фронт (подтверждено проверкой).

30 мая 1942 года, будучи командиром роты 1196-го полка 359-й стрелковой дивизии 30-й армии на Калининском фронте, в районе гор. Ржева, изменил Родине и перешел на сторону противника. Находясь у немцев, содержался в различных лагерях для военнопленных и в июле 1943 года был завербован германской разведкой.

С сентября 1943 г. по август 1944 г. включительно, сначала в г. Пскове, а затем в городах Риге и Берлине под руководством начальника Восточного отдела СД в Берлине – подполковника СС Грейфе, сотрудника СД (принимавшего участие в похищении Муссолини) – Скорцени и начальника рижского органа СД – майора СС Крауса, проходил в индивидуальном порядке особую

подготовку как террорист для совершения террористических актов против руководителей СССР.

Кроме того, обработку Таврина на протяжении длительного времени вел находящийся в Германии изменник Родины – Жиленков Г.Н.

В ночь с 4 на 5 сентября сего года переброшен через линию фронта с Рижского аэродрома на 4-моторном транспортном немецком самолете, оборудованном для посадки на неприспособленных площадках, и высажен вместе с мотоциклом в районе с. Карманово. (При посадке самолет потерпел аварию, вследствие чего улететь обратно не мог. 3 члена экипажа задержаны, 1 убит, 2 разыскиваются).

Переброску организовал германский разведывательный орган СД в Риге, условно именуемый “Цеппелин”.

Цель переброски – организовать и осуществить террористический акт против _____[232] и при удобном случае также и других членов правительства – _____ и _____[233].

Для выполнения этого задания был снабжен перечисленными выше предметами вооружения и документами и получил лично от начальника Восточного отдела СД в Берлине Грейфе следующий план действий:

1) после выброски на территорию СССР прибыть в Москву и прописаться на частной квартире под видом майора Красной Армии, находящегося в отпуске после ранения (в процессе подготовки Таврина немецкой разведкой ему были хирургическим путем нанесены следы ранений в области живота и рук);

2) обосновавшись в Москве, устанавливать знакомства с техническими работниками правительственного аппарата, главным образом такими, как стенографистки, машинистки, телефонистки. Через этих лиц выяснить маршруты движения правительственных машин, время и место торжественных заседаний с участием руководителей советского правительства;

3) используя документы и соответствующие знаки отличия Героя Советского Союза, проникнуть на торжественное заседание и стрелять из автоматического пистолета отравленными разрывными пулями в _____[234];

4) в случае невозможности проникнуть на торжественное заседание стрелять из аппарата “Панцеркнаке” по машине, в которой будет следовать _____[235].

Таврин был предупрежден сотрудниками германской разведки, что хотя машины членов правительства СССР бронированы и оборудованы непробиваемыми стеклами, но

снаряды “Панцеркнаке” пробьют бронь толщиной до 45 мм.

Задержанная вместе с Тавриным Шилова Лидия Яковлевна, 1922 года рождения, постоянная жительница города Пскова, также является агентом германской разведки и была переброшена с Тавриным в качестве радистки.

Следствие по делу Таврина и Шиловой, проверка их показаний, а также необходимые агентурно-оперативные мероприятия проводятся органами НКВД-НКГБ и ГУКР “Смерш” НКО.

Протоколы допросов будут представлены дополнительно»[236].

Ожидая незваных гостей

Было бы странно, если бы Таврина не задержал первый патруль или на ближайшем от места высадки КПП. Дело в том, что майор военной контрразведки, имевший звания Героя Советского Союза, – случай уникальный. В годы Великой Отечественной войны только четверо военных чекистов были награждены этой высокой наградой, и все – посмертно. Да и не было у сотрудников «СМЕРШа» такого иконостаса из орденов на груди. Скупо было командование на награды.

Выше мы обратили внимание на дату процитированного документа – 30 сентября 1944 года. А за пять суток до этого – 25 сентября 1944 года – руководители органов госбезопасности утвердили «План агентурно-оперативных мероприятий НКГБ, НКВД и ГУКР “Смерш” НКО СССР по борьбе с агентами – террористами немецкой разведки». Сам по себе факт принятия этого плана – явление в годы Великой Отечественной войны обычное. Вот только с этим документом все сложнее.

В нем предписывалось не только усилить пропускной и контрразведывательный режим в Москве и пригородах, но и обратить особое внимание на охрану правительственных автотрасс! Оба варианта покушения на Иосифа Сталина или кого-нибудь из руководства страны предусматривали именно атаку на проезжающий автомобиль: подрыв мины или обстрел из специального оружия.

Другой важный факт. В плане особо подчеркивалась необходимость проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в Москве более суток. В первую очередь демобилизованные, находящиеся в отпусках или на излечении. При проведении такой проверки дуэт «немецких агентов-террористов», скорее всего, был бы разоблачен чекистами.

Третий факт – совпадение дат. Очень любопытная получается картина. 25 сентября принимается план оперативных мероприятий, а 30 сентября можно доложить о результатах.

Маловероятно, что руководство страны внимательно бы изучало содержание обоих документов. Вернее, только второго – рассказа о дуэте. Просто услышали от чекистов два факта – приняли оперативный план, и вот результат – поймали германских террористов.

Можно предположить, что руководство органов госбезопасности ожидало появления в Москве «немецкой специальной агентуры с заданиями по террору»[237]. Не понятно, на чем основывался такой прогноз: на сообщениях агентуры и результатах допросов Шило – Таврина или стремлении руководства Лубянки продемонстрировать «заботу» о безопасности руководства страны и нанести упреждающий удар?

Выше мы уже написали о том, что на Лубянке якобы узнали о намерениях Таврина убить Иосифа Сталина от таинственных информаторов из Риги. Просто других причин, кроме как сообщения из-за линии фронта, заставивших органы госбезопасности принять комплекс упреждающих мер, не было. По утверждению отдельных журналистов и историков: «от рижских подпольщиков советской разведке стало известно, что в одной из пошивочных мастерских столицы Латвии сделан странный заказ: респектабельный господин щедро оплатил пошив кожаного пальто по представленным им фасону (именно такой носили советские армейские контрразведчики) и мерке, которая была явно не его. Причем правый рукав он потребовал сделать на несколько сантиметров шире левого. Потом стало ясно – на правой руке закрепят “панцеркнакке”…»[238]. Хотя прошло больше шестидесяти лет, но так до сих не названы имена этих таинственных подпольщиков. А может, их вообще не было, а чекисты по другим каналам узнали о готовящейся переброске агентов?

По воспоминанию сотрудника «Смерша «С.З. Острякова, который принимал непосредственное участие в операции по нейтрализации «немецких агентов-террористов», она началась еще задолго до того, как «семейная пара» диверсантов была арестована.

В июне 1944 года в леса севернее Смоленска была сброшена группа из трех диверсантов. Они имели довольно необычное задание. Подобрать в районе приземления несколько грунтовых площадок, пригодных для посадки самолета. О результатах они должны были доложить в разведцентр, дислоцированный в Риге. Все они явились с повинной в органы советской контрразведки. Было решено провести радиоигру и захватить самолет противника.

Был подобран и соответствующим образом подготовлен «аэродром». В Смоленск срочно перебросили подразделение, которое уже имело опыт проведения операций по захвату летательных аппаратов.

Вот только в конечном итоге самолет приземлился в 150 км северо-восточнее того места, где его ждали. Просто при пересечении линии фронта он попал под огонь средств советского ПВО и получил несколько повреждений. К этому следует добавить плохую погоду в районе предполагаемой посадки.

Его обнаружили только утром и сразу же перекрыли силами чекистов и милиции все дороги в этом районе. Сначала на проселочной дороге, ведущей к шоссе Ржев – Москва, задержали диверсантов, а потом и шестерых членов экипажа. Один из них оказал вооруженное сопротивление и был застрелен.

Еще одна важная деталь. При проверке документов у мотоциклистов сотрудники НКВД обратили внимание на две детали: на гимнастерке у Таврина правительственные награды были размещены с нарушением недавно введенных правил, и подозрительная пара не выглядела уставшей, хотя согласно «легенде», они проехали свыше 200 км[239].

Другой ветеран военной контрразведки Леонид Георгиевич Иванов в своих мемуарах подтвердил рассказ своего коллеги. Он писал:

«В “Смерш” знали о готовящейся операции (переброске через линию фронта двух немецких агентов. – *Прим. авт.*), правда, неизвестны были цели противника, поэтому вели с немцами активную радиоигру»[240].

Так что не было никаких «тайных информаторов Москвы» из Риги, а просто благоприятное для чекистов стечение обстоятельств. Сначала они узнали о планируемой дате и районе приземления района, а потом перекрыли зону, где приземлилась «крылатая машина».

Радиоигра «Туман»

Расскажем о ходе радиоигры «Туман». Сначала в служебной переписке она именовалась «Семейка», а только потом стала «Туманом». В отличие от большинства аналогичных оперативных мероприятий, данная радиоигра – совместный «проект» «Смерша», НКВД и НКГБ. Так, «тексты радиограмм в “Цеппелин” готовились начальником 3-го отдела ГУКР СМЕРШ Барышниковым и утверждались лично начальником ГУКР СМЕРШ Абакумовым или его заместителем – генерал-лейтенантом Бабичем. Кроме того, радиограммы “Цеппелину” согласовывались с начальником 2-го Управления НКГБ СССР (контрразведка. –

Прим. авт.) Федотовым и начальником Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Леонтьевым»[241].

С радиоигрой «Туман» тоже связана масса разночтений, а ее подробности до сих официально не рассекречены. Есть лишь высказывания ветеранов военной контрразведки (они были причастны к ее проведению), журналистов и историков (правда, без ссылок на архивные документы). Так, ветераны военной контрразведки, которые в годы Великой Отечественной войны непосредственно занимались радиоиграми, утверждают, что «игру “Туман” с участием захваченных террористов “Покровских” начали с запозданием. Во-первых, ”желавший искупить вину” и сразу “согласившийся работать на советскую разведку” на следствии “вел себя неискренне”. Его напарница имела слабую радиоподготовку, путала коды, медленно работала на ключе. Немцы, подчеркивают ветераны, знали об этом и поэтому задержки с выходом в эфир не вызвали у них подозрений». Вот такую странную радистку направили в советский тыл для участия в операции по ликвидации Иосифа Сталина[242].

30 сентября 1944 года в Государственный комитет обороны «товарищу Сталину И.В., товарищу Молотову В.М.» из НКГБ СССР поступила докладная записка № 4126/М. В документе, в частности, сообщалось о дальнейший судьбе террористов:

«Для выявления дальнейших намерений германской разведки по делу Таврина начата радиоигра с немцами. 25 октября с.г. с радиоцентром противника установлена двусторонняя связь. В качестве радистки используется жена Таврина – Шилова Лидия Яковлевна (арестована), которая прошла у немцев курс радиодела и была выброшена в тыл вместе с Тавриным…».

А вот дальше начинаются вопросы. Шилова сразу же сообщила о сигнале, который она должна использовать в случае «провала»: если они работают под контролем, то в конце радиограммы будет подпись «Л.Ш.», а при самостоятельной работе – «Л.П.». Но, как выяснилось позднее, это были не все меры предосторожности, которые предусмотрели в «Цеппелине»…

Позже в ходе следствия удалось также установить, что сотрудниками «Цеппелина» была разработана еще одна предосторожность на случай провала, о которой знал только Таврин. Перед заброской в советский тыл последний согласовал с немецким командованием условный сигнал, который он должен был применить в случае своего ареста советской разведкой. Его жена, заброшенная вместе с ним в качестве радистки, не знала о наличии этого условного сигнала.

Принцип шифровки условного сигнала состоял в следующем: берется слово, в котором имеются две одинаковые буквы рядом,

например «русский», «коммуна» и т. п. Для подачи сигнала немцам о работе под диктовку Таврин должен был внести в текст радиограммы два слова, начинающиеся с этих букв, например «милая мама», «сильный снегопад», и вставить их в определенное место радиограммы. Однако более подробно и конкретно объяснить способ кодировки условного сигнала Таврин на следствии отказался.

Поэтому возникает вопрос: а был ли он честен с советскими контрразведчиками и не передал ли сигнал о том, что работает «под контролем»? А сообщенная чекистам информация была вымышленной.

Согласно официальной версии, целями «игры» были вызов на нашу сторону германской агентуры и ее последующий арест, а также получение явок к другим агентам германской разведки в СССР. План «игры» предусматривал в первой телеграмме правдиво описать обстоятельства аварии самолета и указать на то, что агент не смог воспользоваться мотоциклом и был вынужден, захватив с собой радистку, пробираться пешком. В отношении летчиков сообщить, что они ушли в лес с целью пробиться за линию фронта, на Запад. Сеансы радиосвязи осуществляли путем выезда за город. Тем временем Шило-Таврин и его супруга содержались под стражей во Внутренней тюрьме. Вместо фамилий им для конспирации присвоили номера «35» и «22» соответственно.

Первый выход в эфир состоялся 27 сентября 1944 года. Правда, в течение месяца имитировались помехи в эфире, а также невозможность установить двустороннюю связь с Центром. И только 19 октября 1944 года в «Цеппелине» наконец-то смогли прочесть первую радиограмму: «Вызывайте дольше и отчетливее. Лида плохо разбирает. Вас слышим редко, почему нерегулярно работаете. Привлеките радиста, который ее тренировал. Примите все меры, чтобы связаться…». Отметим, что эта радиограмма была отправлена «вслепую». Шилова, не дожидаясь подтверждения Центра о том, что он ее слышит, просто отправила сообщение.

Высока вероятность того, что до 19 октября сотрудники советской контрразведки пытались выяснить: передала радистка или нет условный сигнал о том, что она работает под контролем. И только решив, что она полностью лояльна, «позволили» (не стали создавать помех в эфире) ей связаться с Центром.

Наконец, 26 октября 1944 года связь была установлена, и в «Цеппелин» отправили радиограмму: «Очень рад, что наконец появилась надежда. Думал, со связью уже ничего не получится. Лида совсем измучилась. Нахожусь в пригороде Москвы, поселок

Ленино, Кирпичная ул., д. № 25… Сообщите, получили ли мое донесение о высадке – телеграмма 230 групп. Еще раз прошу, чтобы с Лидой работал опытный радист. Передавайте медленно. С нетерпением жду ваших сообщений. Привет всем. Л.П.» Поясним, что «230 групп» означало следующее. Зашифрованный текст разбивали на группы, состоящие из 5 цифр. Назвав количество групп, Таврин тем самым пояснил, о какой именно радиограмме идет речь.

29 октября 1944 года пришло сразу две радиограммы: «Прошу сообщить точно, где остался самолет и его экипаж…» и «Не давайте ваши телеграммы больше чем 50 групп. Повторяйте каждые имена и числа два раза. Работаю с вами сам. Мы еще сработаемся. Привет… Михель».

В ответ повторно сообщили подробную радиограмму из 280 групп: «В первой телеграмме сообщал, что при посадке самолет врезался в деревья, потерпел аварию, только случайно все остались живы. Летчики оказались малоопытными и растерянными. Кроме того что не сумели посадить машину, место для посадки почему-то выбрали около деревни. Вскоре после аварии в нашу сторону побежали люди. Я вынужден был действовать быстро и решительно. С трудом вытащил мотоцикл и с Лидой немедленно отъехал от этого места, экипаж ушел на запад. Из-за плохой дороги мотоцикл отказал, его и все лишнее имущество пришлось уничтожить и двигаться лесом. С трудом добрались до Ржева, где жили 12 дней. Пытались с вами связаться. 28 сентября прибыл в Москву, сейчас живу в пригороде по сообщенному вам адресу. Пока все благополучно, изучаю возможности работы. Сообщите, где семья Лиды. Л.П.»

А дальше началась рутинная «переписка». В ноябре 1944 года Таврин объяснил, почему не смог выполнить задание: «не смог получить пригласительного билета в Кремль… демонстрации и парада (7 ноября. – *Прим. ред.*) не было».

13 декабря 1944 года из «Цеппелина» были получены две радиограммы. Первая: «Родственники находятся в безопасности, здоровы и работают; что слышно об основании комитета Власова, сумеете ли вы наладить отношения с комитетом “Свободная Германия” под руководством Зайдлица?» И вторая: «Почему у вас нет возможности получать сведения из Кремля, что слышно про Сталина. Предупреждаю, что ваш зажигательный аппарат радиомины к концу ноября будет непригоден для пользования».

23 декабря 1944 года были отправлены в «Цеппелин» три короткие шифровки: «О Власове и русской освободительной армии здесь знают, влияние разное, среди отдельных военных положительное, об основании комитета Власова пока ничего не

слышно», комитет “Свободная Германия” активно действует, сужу (по) сообщениям печати, ищу возможности наладить отношения», «Сведений о Кремле не имею из-за отсутствия нужных людей, продолжаю искать».

В середине января 1945 года – три короткие радиограммы: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожить. По выполнении доложить. Вблизи от вас работают друзья. Хотите ли для взаимной поддержки быть сведены вместе?», «Газетные сообщения о комитете “Свободная Германия” здесь известны, передавать не нужно. Важно установить связь и сообщить о месте жительства членов, насколько они свободны», «Сообщите, соответствует ли курс новых печатных чешских денежных знаков: 5,5 чешской кроны одному рублю. Повторяю 5,5 кроны равны одному рублю».

Руководство советской разведки посчитало, что поспешное согласие на соединение с другой группой немецких диверсантов может вызвать у противника подозрение. Кроме того, предполагалось, что члены этой группы «друзей» являются участниками другой нашей же «радиоигры» – «Загадка»…

В этой связи 27 января 1945 года в Центр направили ответы следующего содержания: «Зажигательный аппарат радиомины уничтожен. Относительно друзей, в зависимости от вашего решения. Если это поможет ускорению выполнения моего задания, я согласен. Но чтобы люди были вами проверены и я их лично знал и им бы доверял», «Ваша телеграмма № 3 плохо расшифровывается и мне непонятна. О чешских кронах здесь ничего не слышно. Сообщите яснее, что я должен узнать о них», «Грайфе. Ваш радист быстро передает, не соблюдает пауз между группами, Лиде принимать тяжело. Прошу указать радисту (на) необходимость отчетливой работы».

После этих сообщений из «Цеппелина» больше не поступало новых указаний. Разве что сообщили об изменениях в процедуре шифрования. Ну и еще пообещали прислать новое спецоружие взамен уничтоженного.

В марте-апреле 1945-го радиоточка неоднократно пыталась установить связь, но «Цеппелин» в эфире больше не появлялся. Тем временем оперативные сотрудники НКВД и НКГБ параллельно продолжали следственные мероприятия[243].

Какая-то странная получилась радиоигра. Других немецких агентов выявить не удалось, обещанное спецоружие также не прислали. Да и не особо настаивали на выполнении задания. Возможно, что произошло следующее. В «Цепеллине» поняли, что Таврин работает под контролем, но решили это скрыть. Зачем? Ну, во-первых, чтобы узнать, какую именно дезинформацию будет

передавать Лубянка. Во-вторых, Отто Скорцени решил скрыть от начальства свою неудачу. Ведь именно он не только трижды встречался с Тавриным, но и участвовал в разработке операции.

Для сравнения. Например, только с апреля 1943 года по декабрь 1944 года «Смерш» инициировал и провел 30 радиоигр. «В результате этих игр было арестовано 40 агентов противника, изъято более 500 кг взрывчатки, 13 ящиков винтовочных патронов и много других материальных средств для проведения шпионской и диверсионной работы в тылу Красной Армии»[244].

Дуэт «немецких агентов-террористов» 1 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-1а, 58–16 и 19-58-8 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор в отношении Шило (Таврина) Петра Ивановича приведен в исполнение 28 марта 1952 года, в отношении Шиловой (Адамчик) Лидии Яковлевны – 2 апреля.

Почему двух агентов германской разведки осудили только в 1952 году, через семь лет после окончания Великой Отечественной войны? Существуют две диаметрально противоположные версии.

Согласно первой, в течение всего этого времени на Лубянки ждали, что новые хозяева агентуры спецслужб Третьего рейха решат использовать дуэт в своих целях. А когда поняли, что по каким-то причинам он неинтересен западным спецслужбам, то отправили уголовное дело в суд.

Вторая версия: дуэт пал жертвой интриг среди руководства Лубянки, или германских агентов решили расстрелять, чтобы скрыть следы инсценированного самим руководством органов госбезопасности покушения на Иосифа Сталина.

И последний сложно объяснимый факт. Ни один из рядовых участников операции «Перехват» (так иногда называют мероприятие по задержанию дуэта агентов-террористов), предотвративших покушение на Иосифа Сталина (а их, судя по публикациям, было немало), не был награжден. Ордена был удостоен только один человек – начальник «Смерша» генерал В. Абакумов. Его отметили орденом Кутузова I степени. Полководческим орденом. Это было началом его головокружительной и трагической карьеры[245].

В этом нет ничего удивительного. Летом 1944 года четырьмя сотрудниками «Смерша» было предотвращено покушение на заместителя наркома МВД СССР Ивана Серова. Особняк, где он жил, немецкие диверсанты планировали взорвать. Один из военных обратил внимание на подозрительных военных, курсирующих около резиденции функционера. В результате оперативных мероприятий они были задержаны. При обыске

изъяты две радиоуправляемые мины. Из четверых смершевцев был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени только руководитель группы – начальник Особого отдела Управления войск НКВД охраны тыла подполковник Анатолий Михайлович Гуськов[246].

Историк Лев Безыменский считает, что покушение на Иосифа Сталина не было инсценировано чекистами. В качестве аргументов он называет три вещи:

Во-первых, упоминание о покушении в мемуарах Вальтера Шелленберга. Отметим, что руководитель германской внешнеполитической разведки изложил другую версию операции.

Во-вторых, тот факт, что Таврин и его жена были «использованы НКГБ для долгой и успешной радиоигры с их бывшими вербовщиками вплоть до апреля 1945 года». Сложно сказать, на основании чего Лев Безыменский решил, что радиоигра «Туман» была результативной. Агент действительно регулярно сообщал в Берлин о ходе подготовки покушения. Возможно, его благодарили за настойчивость, проявленную при выполнении задания, но никакой практической пользы эта радиоигра Москве не принесла. Дезинформации передать не удалось. Вызвать курьера или прислать грузы – тоже. И возникает вопрос: а радиоигра была нужна?

В-третьих, «известно, что после ареста Шило произошли изменения в организации охраны Сталина»[247]. Это спорное утверждение. Выше мы процитировали документ, который вступил в силу еще до того, как Таврин был задержан.

Операция закончена… Забудьте…

Кто на самом деле организовал покушение на Иосифа Сталина – советская военная контрразведка или германские спецслужбы? Есть три версии. Первая подробно изложена в начале данной главы. Правда, из-за множества нестыковок она вызывает большие сомнения. Вторая версия – покушение инсценировали сами чекисты. О причинах говорить не будем. В ней тоже масса нестыковок. Третья версия – самая реалистичная. Она звучит примерно так.

После того как весной 1944 года Абвер прекратил свое существование, а «разведывательно-диверсионной» деятельностью в советском тылу пришлось заниматься РСХА, то руководству последнего потребовалось организовать уникальную операцию. Это не важно, что она изначально обречена на «провал». Наоборот, чем громче получится эффект от разоблачения «террориста-диверсанта», тем лучше. Именно тогда кто-то предложил организовать ликвидацию Иосифа Сталина.

Возможно, что события развивались по такому сценарию. В район Смоленска была десантирована группа немецких агентов, которым предстояло подобрать площадку для посадки самолета. Основные требования к взлетно-посадочной полосе – большая длина и отсутствие деревьев и оврагов. Группа была задержана чекистами и сразу же согласилась сотрудничать со следствием.

Через несколько дней из-за линии фронта прилетел самолет с «террористом-диверсантом» и его спутницей. Машина приземлилась в другом районе – не там, где ее ждали чекисты. К осени 1944 года у Лубянки был накоплен богатый опыт в сфере розыска парашютистов, поэтому нет ничего удивительного в том, что первый же патруль задержал Таврина. К тому же немцы сделали все, чтобы облегчить работу советской контрразведки.

На допросе Таврин, прекрасно понимая, что подготовка покушения на «жизнь дорогого Иосифа Виссарионовича» – это гарантированный расстрел, охотно сотрудничал со следствием. А по поводу его «неискренности» во время следствия, на которую указали ветераны «СМЕРШа», – так это еще как оценивать. Может, говорил он правду, только звучала она очень странно.

Реабилитации не подлежит

Даже если покушение на Иосифа Сталина инсценировали военные чекисты, то все равно по совокупности совершенных Тавриным и Шиловой преступлений им грозила «высшая мера» или многолетнее нахождение в ГУЛАГе. Процитируем «Заключение Главной военной прокуратуры по делу Шило (Таврина) Петра Ивановича и Шиловой (Адамчик) Лидии Яковлевны». Согласно этому документу:

«Шило (Таврин) признан виновным в том, что он, состоя на службе в действующей Красной Армии, во время боя в мае 1942 года в районе гор. Ржева изменил Родине – добровольно перешел на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь в плену у немцев, он в августе 1942 года был завербован в антисоветскую организацию – “Русскую трудовую народную партию”, а в июне 1943 года в г. Вене завербован сотрудником гестапо в качестве агента германской разведки.

В начале сентября 1943 года, будучи доставленным в Берлин в главное управление гестапо, от руководящих работников германского разведывательного органа Грейфе и Хельгенгаупта получил задание и инструктаж на совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

С сентября 1943 года по сентябрь 1944 года, находясь при германском разведывательном органе “Цеппелин” (Норд) в г.

Пскове, а затем в г. Риге, под руководством начальника этого органа Крауса Отто проходил специальную подготовку как агент-террорист, для чего систематически тренировался в стрельбе из разных видов ручного оружия.

Приняв задание германских органов на совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства, в июне 1944 года самолетом был направлен для переброски в советский тыл, но, вследствие того что в полете немецкий самолет был поврежден огнем советских войск, вынужден возвратиться.

Затем, после новой подготовки, снабженным германскими разведорганами пистолетами в количестве 7 штук и большим количеством патронов к ним, в том числе с разрывными и отравленными ядом пулями, динами, специальным бронебойным оружием, так называемым “Панцеркнаке” для стрельбы по автомашинам членов советского правительства, радиоприемником и радиопередатчиком, а также большим количеством чистых бланков советских паспортов, партийных билетов членов ВКП(б), штампов и печатей различных советских учреждений, большой суммой денег, орденами и медалями, включая Золотую Звезду Героя Советского Союза, с подложными документами на имя Шило (Таврина), являющегося якобы Героем Советского Союза и заместителем начальника контрразведки “Смерш” 39-й армии, в ночь с 4 на 5 сентября 1944 года вместе с радисткой-шпионкой Шиловой (Адамчик) Лидией на специальном самолете был переброшен через линию фронта.

При ночной посадке в Кармановском районе Смоленской области немецкий самолет потерпел аварию, и Шило (Таврин), воспользовавшись имевшимся в самолете мотоциклом, вместе с Шиловой (Адамчик) направились в сторону Москвы, но вскоре в пути следования в одном из населенных пунктов были задержаны – Шило (Таврин) в форме майора, а Шилова (Адамчик) в форме лейтенанта Советской Армии. При задержании у них были изъяты перечисленное выше оружие, подложные документы, печати, бланки и 428 500 рублей советских денег.

Шилова (Адамчик) признана виновной в том, что она, проживая на оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории в г. Пскове, изменила Родине и работала в германском разведоргане “Цеппелин” в качестве машинистки, а затем вступила в сожительство с агентом гестапо Шило (Тавриным), по рекомендации которого в августе 1944 года была завербована в качестве агента германской разведки, о чем дала соответствующую подписку.

После кратковременного обучения на курсах агентов-

радистов при германском разведоргане “Цеппелин” она по заданию гестапо в ночь на 5 сентября 1944 года совместно с агентом-террористом Шило (Тавриным) на самолете была переброшена через линию фронта с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, но при обстоятельствах, указанных выше, вместе с Шило (Тавриным) была задержана в Кармановском районе Смоленской области (*из приговора, т. 2, л. д. 417–419*).

Уголовное дело проверено без обращения, в порядке исполнения Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий”.

На предварительном следствии и в суде Шило (Таврин) виновным себя в измене Родине в форме перехода на сторону врага и приготовлении к террористической деятельности признал, однако заявил, что осуществлять террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства не намеревался (*т. 1, л. д. 399–404; т. 2, л. д. 403–410, 413–416*).

Шилова (Адамчик), признав себя виновной в измене Родине, отрицала свою причастность к заданию по совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства *(т. 2, л. д. 87–90, 117–122; т. 2, л. д. 404, 411–414, 416*).

Кроме того, их виновность в измене Родине и приготовлении к террористической деятельности подтверждается показаниями свидетелей Жиленкова Г.Н. (*т. 2, л. д. 247–254, 415*), Авдеева Н.М. (*т. 2, л. д. 236–239*), Джона А.К. (*т. 2, л. д. 226–227*) и Корнеевой Р.А. (*т. 2, л. д. 208–211, 413*), протоколом задержания (*т. 1, л. д. 7, 18–22*), вещественными доказательствами (*т. 2, л. д. 320–329*) и другими собранными по делу доказательствами.

Таким образом, анализируя материалы уголовного дела в их совокупности, следует признать, что военнослужащий Красной Армии Шило (Таврин), добровольно сдавшись немцам в плен, проводил враждебные действия против СССР, а именно: добровольно согласился работать на германскую разведку и с террористическим заданием был направлен в Москву, чем совершил измену Родине, то есть действия в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости и неприкосновенности его территории, как то: переход на сторону врага, а также приготовительные действия к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, за что законно и обоснованно осужден по ст. 58–16 и 19-58-8 УК РСФСР.

В свою очередь, советская гражданка Шилова (Адам),

добровольно согласившись работать на германскую разведку и убыв вместе с Шило (Тавриным) для выполнения террористического задания в Москву в качестве радистки, совершила преступления, предусмотренные ст. 58-1а и 19-58-8 УК РСФСР, за что также осуждена законно и обоснованно.

С учетом изложенного, в соответствии с п. “а” ст. 4 и ч. 3 ст. 8 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” Шило (он же Таврин) Петр Иванович и Шилова (она же Адамчик) Лидия Яковлевна реабилитации не подлежат»[248].

Заключение

Лучше всего реальную деятельность Отто Скорцени во время Великой Отечественной войны описал Петр Соколов.

«Как сейчас общеизвестно из литературы и кинофильмов, между армией и СС всегда существовали неприязнь и антагонизм. В наибольшей степени это проявлялось в разведорганах. Они в той и другой организации существовали параллельно и старались не столько дополнить друг друга, сколько подставить друг другу ножку. Армейскую разведку – Абвер возглавлял адмирал Канарис, разведку СС – VI отдел СД (Службы Безопасности), возглавляемый В. Шелленбергом. В прифронтовой полосе эти службы управлялись командованием фронтов (их было 3: Южный, Центральный и Северный) и соответственно Управлениями разведки СС, носящими названия Хаупткоммандо Зюд, Норд и т. д. У меня сложилось впечатление, что бесполезность дублирования была достаточно очевидна, и основные усилия наше командование прилагало к тому, чтобы втереть очки высшему руководству видимостью работы, оправдать затрату средств, а также чтобы удержаться на плаву и не загреметь на фронт. Этим целям и служили предприятия вроде нашего, рассчитанные на масштабность и дутый эффект. С них они снимали неплохой навар, не задумываясь о судьбе людей, которые осуществляли эти прожекты» [249].

Отто Скорцени был из числа тех, кто мог запустить множество различных проектов. И пусть большинство из них было нежизнеспособно, зато процесс их реализации создавал видимость активной деятельности множества сотрудников германской внешнеполитической разведки.

Приложения

Приложение 1
Истребительное соединение войск СС

Летом 1944 года по указанию рейхсфюрера СС в РСХА был создан специальный орган для проведения диверсионно-террористических и разведывательных мероприятий в тылах армий стран антигитлеровской коалиции. Орган, получивший название Истребительное соединение войск СС («Ваффен СС Ягдвербанд»), находился под непосредственным контролем рейхсфюрера. Комплектованием и руководством практической деятельностью ведал оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, одновременно возглавлявший реферат VIЦ IV управления РСХА, а также группу Д военного управления РСХА. Таким образом, в руках одного человека были сосредоточены все части специального назначения немецкой армии, СС и Люфтваффе.

Личный состав нового органа состоял из опытных кадров гитлеровского спецназа. Официальные сотрудники и агентура Абвера и «Цеппелина», военнослужащие соединения «Бранденбург-800» и войска СС передали «Ягдвербанду» свои надежные и хорошо обученные кадры. По мере расширения формирования в него вливались бывшие кадры полицейских, охранных, восточных батальонов и рот и прочих коллаборационистских формирований.

Деятельностью Истребительного соединения руководил штаб формирования, размещавшийся в м. Фриденталь в нескольких километрах от Ораниенбурга. Начальником штаба был назначен гауптштурмфюрер СС барон Адриан фон Фелькерзам.

Главный штаб формирования, именовавшийся также «Спецподразделение СС ЦБФ “Фриденталь”», созданный 5 августа 1943 года, состоял из следующих отделов:

1А – ведал разработкой планов диверсионных операций, производил заброску агентуры и боевых групп, руководил их действиями. Начальник отдела – гауптштурмфюрер СС Гунке, затем штурмбаннфюрер Айк;

1Б – отвечал за обеспечение и снабжение агентуры и боевиков. Начальник – гауптштурмфюрер СС Гергардт;

1Ц – разведка. Осуществлял сбор и обработку разведывательных данных, вел контрразведывательную работу среди личного состава органа. Начальник – оберштурмфюрер СС Ридль;

оперативный отдел – занимался вопросами подбора и подготовки кадров. Начальник – гауптштурмфюрер СС Вайс.

В непосредственном подчинении штаба находились 600-й воздушно-десантный и 502-й егерский батальоны.

502-й батальон егерей под командованием обер-штурмбаннфюрера СС Фукса дислоцировался в м. Фриденталь. Батальон имел в своем составе 4 роты солдат спецподразделений СС. 1-ю роту батальона составляли немцы, обучавшиеся диверсионному делу «настоящим образом». 2-я рота состояла так же из немцев и использовалась в качестве пехотного подразделения для проведения больших диверсионных операций. 3-я рота батальона несла охрану территории штаба и расположения батальона. 4-я рота состояла из бывших советских граждан, французов, чехов, словаков и поляков – агентов Абвера и «Цеппелина».

К концу 1944 года 502-й батальон был реорганизован. В его составе остались 3 немецкие роты. 1-я рота по-прежнему готовила диверсантов, другие роты были перевооружены и моторизованы. 4-я рота стала самостоятельным подразделением и находилась в непосредственном подчинении штаба соединения. Русские военнослужащие выбыли из нее в город Хохензальц (Иноврoцлав) на комплектование филиала «СС Ягдвербанд-Ост» (Истребительное подразделение СС «Восток»). Реорганизованный 502-й батальон получил новое наименование и стал называться «СС Ягдвербанд Митте» (Истребительное подразделение СС «Центр») и под этим названием принимал участие в ряде боевых операций. В начале 1945 года батальон использовался при захвате плацдарма на восточном берегу Одера, против г. Шведт и в иных, не менее рискованных операциях. Во время наступления союзников личный состав батальона принимал участие в диверсионной работе в тылу наступающих американских войск под видом отступившего с передовой подразделения. В апреле 1945 года батальон был передислоцирован в Австрию для участия в обороне так называемой «Альпийской крепости».

600-й батальон парашютистов под командованием штурмбаннфюрера СС Милиуса дислоцировался в г. Нойштрелице, в 100 км от Берлина и использовался лишь в операциях особой важности.

В начале марта 1945 года штаб соединения выбыл из Фриденталя в баварский город Хоф, затем переместился в Зальцбург (Западная Австрия). После капитуляции Германии Скорцени и большинство его коллег оказались в американской оккупационной зоне.

Основную оперативную работу против советского тыла проводили филиалы соединения, и особая роль в подрывной работе отводилась его головному филиалу – Истребительному

подразделению «Восток».

Истребительное подразделение «Восток»

«СС Ягдвербанд Ост» было создано в октябре 1944 г. для ведения подрывной работы на территориях советских республик Прибалтики и северной части Польши.

Этот филиал состоял из штаба и 3 рот специального назначения, нескольких диверсионных групп, дислоцировавшихся отдельно от штаба. Внутренняя структура штаба строилась аналогично головному штабу «Ваффен СС Ягдвербанд». Отделом 1А руководил унтерштурмфюрер СС фон Бремен, затем унтерштурмфюрер СС Остафель, отдел 1Ц возглавлял унтерштурмфюрер СС Гине Эрих. Всем филиалом руководил барон фон Фелькерзам. В январе 1945 г. барон погиб, и его сменил оберштурмфюрер СС Александр Аук. Штаб филиала и приданные ему боевые единицы дислоцировались до января 1945 г. в г. Хохензальце в казармах на Вокзальной улице.

Каждая из рот специального назначения имела особое назначение и использовалась штабом филиала как отдельная боевая единица. 1-я рота предназначалась для проведения диверсионно-террористических операций в тылах советских воинских частей. 2-я рота несла охрану территории штаба и состояла из фольксдойчей. 3-я рота, под командованием Решетникова, состояла из бывших советских военнопленных и применялась в антипартизанских акциях.

При формировании вышеназванных рот их личный состав состоял в основном из немцев и русских, служивших в 502-м егерском батальоне. Впоследствии роты пополнялись коллаборационистами. Так, рота Решетникова была создана на базе остатков антипартизанского отряда Мартыновского, созданного немцами в 1942 году на территории Ленинградской области. В 1944 году этот отряд действовал в Италии. В роте также служили люди, завербованные Решетниковым в лагере № 8 в г. Цешине (Чехословакия).

При штабе находились самостоятельные диверсионные группы по 15–18 человек в каждой. Группы постоянно находились в ожидании заброски в советский тыл партиями по 3–4 человека. 1-ю группу обучал унтершарфюрер Башко, 2-ю – обершарфюрер Тони. Большинство членов этих групп ранее служили в полиции городов Порхова и Дриссы (Ленинградская обл.) и были завербованы Башко и Тони осенью 1944 г. в Данциге, где пребывали в сборном лагере для эвакуировавшихся пособников (гражданский лагерь «Хог»).

Все подразделения «СС Ягдвербанд Ост» делились на группы:

А) балтийская группа, или «Ягдайнзатц Балтикум», под руководством штурмбаннфюрера СС Пехау готовила повстанческие группы для действий в Прибалтике и сеть своей разведагентуры на оседание. Кадры для них вербовались из числа членов антисоветских прибалтийских организаций. В августе 1944 года в Латвии «Ягдайнзатц Балтикум» была создана повстанческая организация «Межа Кати», или «Дикая Кошка» («Wilde Katze»). Организация состояла из ряда диверсионных групп, сформированных по принципу землячества и соответственно этому названных: латгальская, видземская, курземская и др. Штаб «Дикой Кошки» под руководством Янкауса располагался на хуторе Дравас Кубилюсской волости Кулдигского уезда.

В «Межа Кати» вербовались военнослужащие латышских дивизий СС, полицейских формирований, айзсарги. В организации они получали документы, свидетельствующие об их принадлежности к «Ваффен СС Ягдвербанд». Всего организация насчитывала в своих рядах более 1000 человек, многие из которых проходили спецподготовку при фронтовой разведывательной группе 212 (бывшая Абвергруппа-212). В начале 1945 г. «кошачьи» диверсанты усилили свою деятельность в тыловых районах Красной Армии. На усиление были дополнительно переброшены 3 группы под общим наименованием «Линда». Помимо диверсионно-террористической деятельности, «Межа Кати» вела антисоветскую пропаганду, издавала газету «18 ноября», занималась созданием тайных лесных баз. После капитуляции Германии «Дикая Кошка» перешла на нелегальное положение.

В распоряжении «Межа Кати» в качестве резерва находились группа диверсантов-латышей под командованием ротенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и эстонская рота унтершарфюрера СС Алупкре (он же Алуперс) Густава. Обе группы были подготовлены к заброске на территорию Прибалтики;

Б) общерусская группа («Russland im gesand»), под командованием штурмбаннфюрера Хайнце Эберхарда, имела в своем составе южнорусскую подгруппу гауптштурмфюрера Кирша в с. Санта-Глаус в Чехословакии. Подгруппа Сухачева была подготовлена в чешском городе Трутнов (Траутенау). Украинская подгруппа во главе с Т. Бульбой (полковником Боровцом) размещалась в г. Альтбургунде.

В январе 1945 г. при занятии Хохензальца передовыми советскими частями «СС Ягдвербанд Ост» был уничтожен, значительная часть руководящего и рядового состава была убита или пленена. Из остатков формирования весной 1945 года на

территории Чехословакии были созданы 2 группы, которые вели работу по переходу организации на нелегальное положение.

Истребительное соединение «Запад»

«Запад», или «СС Ягдвербанд Вест», дислоцировалось в Висбадене и вело разведывательно-диверсионную работу на Западном фронте против армий союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

Филиал состоял из 2 оперативных групп: «СС Ягдайнзатц Норд-Вест» (г. Фленсбург) и «СС Ягдайнзатц Зюд-Вест».

Истребительное соединение «Юг»

«СС Ягдвербанд Зюд» вело работу на территориях Югославии, Албании и Испании в г. Тремсе. Филиал состоял из нескольких подразделений.

«СС Ягдвербанд Зюд-Ост» дислоцировался в Вене и имел в подчинении оперативные группы «СС Ягдайнзатц Словакия», «Болгария» и «Хорватия», опираясь в своей диверсионно-террористической деятельности на националистические группировки этих стран.

Истребительное соединение «Север»

«СС Ягдвербанд Норд» дислоцировался в г. Нойштрелиц близ Берлина.

Вся агентура Истребительного соединения войск СС подбиралась с учетом знания языка страны, где ей предполагалось действовать. Агенты изучали следующие специальные дисциплины: практику и теорию диверсионного дела, способы вывода из строя промышленных предприятий; знакомились с оружием советского, американского и английского производства. Обучение личного состава проводилось непосредственно в подразделениях. При необходимости мог быть осуществлен выезд для дополнительной подготовки в войсковые школы СС (ваффеншулле). Так, для углубленного изучения парашютного дела курсанты выезжали в школу парашютистов в м. Ойенхаузен близ Ганновера. Когда подготовленная часть диверсантов отбывала на выполнение задания, занятия в подразделениях не прекращались, а после возвращения с задания курсанты возвращались в свое подразделение и продолжали обучение. Ненемецкий состав обучался отдельно от немцев и более конспиративно.

Школа для подготовки диверсантов

В конце 1944 года по приказу Скорцени была создана

спецшкола по подготовке диверсантов. До мая 1945 года она находилась на горе Шварценберг близ г. Трутнова в м. Санкт-Иохан-ам-Вальде. Под учебные и жилые помещения были заняты строения бывшего дома отдыха офицеров ВВС. Руководил школой немец гауптман Гилль. Школа вела подготовку диверсантов для совершения акций на железнодорожных магистралях в районах Витебска, Смоленска, Бобруйска, Минска.

В марте 1945 года в учебную программу были внесены дополнения, и курсанты стали также изучать методику ликвидации высшего комсостава Красной Армии и партийных органов.

Преподавательский состав школы был причислен к военнослужащим РОА. Преподавателями в основном являлись члены НТС. Начальником школы был сотрудник «Цеппелина» майор Игорь Юнг.

Курсантами школы были бывшие военнопленные, зарекомендовавшие себя на службе у оккупантов и из числа рабочих-остовцев. Общее количество слушателей достигало 100 человек, в том числе несколько женщин. Все учащиеся были разделены на 4 взвода. Обучение велось по уставам Российской императорской армии. Основное место уделялось политико-идеологическим вопросам с ориентацией на идеологическую платформу НТС. Среди специальных предметов проводились занятия по радиосвязи, маневры в лесистой местности.

Кроме того, школой было подготовлено подразделение истребителей танков, насчитывавшее 100 украинцев. Из состава курсантов была сформирована лишь одна группа под руководством братьев Соловьевых и переброшена в Галицию.

Накануне капитуляции Германии школа получила приказ о переподчинении начальнику войсковой группы генералу Штрахвицу для действий в районах, уже занятых советскими частями, но большая часть школы попала в плен к передовым частям американской армии.

Источник: *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего рейха. Кн. II. СПб.; М., 2003. С. 221–230.

Приложение 2
Операция «Березино» – «Вольный стрелок»

Сообщение НКГБ СССР в ГКО от 4 ноября 1944 г. № 4843/М «О ходе операции по легендированию перед Верховным командованием Германии наличия немецкой воинской части, скрывающийся в лесах Белоруссии».

С февраля 1942 года НКГБ СССР легендирует перед немцами якобы существующую в Советском Союзе церковно-монархическую организацию с центром в Москве.

В результате этой разработки (дело «Монастырь») было разоблачено и задержано 15 агентов немецкой разведки, переброшенных в наш тыл, 7 немецких пособников в г. Москве, получено 4 радиостанции, из них 2 введены в игру, и денег 1 500 000 рублей…

Из донесений агентуры и радиоперехвата НКГБ СССР стало известно, что немецкая разведка предполагает наличие в лесах Белоруссии отдельных групп германских солдат и офицеров, ранее попавших в окружение и пытающихся ныне пробиться через линию фронта на соединение с действующими частями германской армии. Было решено воспользоваться этим обстоятельством и легендировать перед немецким командованием наличие в лесах Белоруссии скрывающейся немецкой воинской части.

18 августа 1944 г. немцам было сообщено через Московскую радиостанцию упомянутой выше легендируемой церковно-монархической организации, что в районе Березино (БССР) скрывается крупная немецкая «воинская часть» численностью до 1800 человек, потерявшая связь со своим командованием. «Воинская часть» испытывает большую нужду в продовольствии, обмундировании, боеприпасах, имеет в своем составе значительное число раненых солдат и офицеров, затрудняющих движение «части» на запад.

В качестве командира «части» был назван подполковник германской армии Шерхорн, взятый в плен Красной Армией в июле 1944 года в Минской области, содержавшийся в лагере для военнопленных и завербованный НКГБ СССР.

В ответ на наше сообщение 25 августа т. г. немцы передали по радио следующее: «Благодарим Вас за Ваше сообщение. Просим помочь нам связаться с этой немецкой частью. Мы намерены для них сбросить различные грузы и прислать радиста, который мог бы связаться со здешними руководящими

органами…»

7 сентября с. г. немцам было сообщено, что «часть» дислоцируется на озере Песочное Червенского района Минской области, и указаны координаты площадки для выброски груза и радиста.

Одновременно НКГБ СССР была направлена в район нахождения «части Шерхорна» специальная оперативная группа вместе с Шерхорном, с задачей обеспечить задержание парашютистов и прием грузов.

Для этой цели в районе озера Песочное была подобрана удобная для сброски грузов и посадки самолетов площадка – бывший партизанский аэродром, о существовании которого немцам было известно в период оккупации Белоруссии. В нескольких километрах от площадки, в лесу, было создано подобие лагеря скрывающейся «немецкой части»: разбито несколько палаток, сооружены землянки, в которых находились бойцы оперативной группы НКГБ СССР. Часть бойцов одета в немецкую форму. С 7 сентября т. г. немцы стали сбрасывать на площадку людей и грузы.

На площадке для задержания парашютистов и приема грузов постоянно находится группа бойцов и оперативных работников НКГБ СССР, одетых в немецкую форму. В составе этой группы имеются 10 проверенных агентов НКГБ СССР, по национальности немцев, участвующих под видом немецких солдат в «приеме» немецких парашютистов.

Подступы к площадке тщательно охраняются войсковыми патрулями.

В 300 метрах от площадки разбита палатка – «штаб Шерхорна», где Шерхорн в присутствии оперработников НКГБ СССР, владеющих немецким языком, принимает и беседует с прибывшими немецкими парашютистами.

В 75 метрах от палатки Шерхорна расположена палатка оперативной группы НКГБ СССР, в которой находится руководство группы, поддерживающее телефонную связь с расположенными вокруг площадки постами и специальными войсковыми резервами, подготовленными на случай каких-либо осложнений. В районе площадки замаскировано несколько зенитных установок.

После беседы прибывших парашютистов с Шерхорном, в процессе которой они сообщают ему о целях своего прибытия и полученных заданиях, парашютисты в сопровождении агентов оперативной группы, одетых в немецкую форму, направляются Шерхорном в «лагерь части».

По дороге в «лагерь», проходящей через лес, прибывшие

парашютисты вместе с сопровождающими их агентами НКГБ, одетыми в немецкую форму, задерживаются патрулями опергруппы, одетыми в красноармейскую форму, обыскиваются и доставляются в качестве арестованных в дер. Градно в штаб опергруппы НКГБ СССР, где содержатся в изоляции.

Задержанные вместе с парашютистами бойцы оперативной группы, владеющие немецким языком, используются в качестве внутрикамерных агентов, способствуя получению от арестованных немецких парашютистов правдивых показаний.

Таким порядком 23 октября т. г. были приняты выброшенные на площадку «части» три радиста – немцы, военнослужащие германской армии.

В беседе с Шерхорном старший группы прибывших радистов, унтер-офицер Курт Киберт, рассказал, что за несколько дней до его выброски о группе Шерхорна было доложено Гитлеру и Герингу, которые велели передать Шерхорну, что ими будет сделано все необходимое для спасения возглавляемой Шерхорном «части».

Как сообщил Киберт, немецкое командование решило послать Шерхорну врача и офицера авиации. Последний должен подготовить площадку для посадки самолетов типа «Арадо», на которых будут доставлены для «части Шерхорна» вооружение, боеприпасы, обмундирование и продовольствие.

По заявлению Киберта, немецкое командование намерено раненых из группы Шерхорна вывезти этими самолетами, с тем чтобы вооруженная и снабженная всем необходимым группа Шерхорна могла продвигаться на запад на соединение с германской армией.

Задержанные немецкие радисты имели указание германской разведки на другой день после приземления сообщить, каждый по своей рации, действительно ли существует воинская часть Шерхорна, и подтвердить, что они находятся в расположении этой части.

После соответствующей обработки радисты Курт Киберт и Фрвдрих Шмитс были завербованы оперативной группой НКГБ СССР и включены в радиоигру с немцами под контролем оперативной группы. О третьем радисте немцам было сообщено, что он тяжело ранен.

Получив подтверждение от указанных выше радистов-немцев о действительном наличии в лесу «части Шерхорна», «характер которой не вызывает у них сомнения», немецкое командование выбросило 27 октября на площадку «части» новых двух немцев – военнослужащих германской армии – капитана-врача Ешке и унтер-офицера авиации Гарри Вильда.

Ешке и Вильд были также в указанном выше порядке приняты Шерхорном, которому они передали директивное письмо от 26 октября т. г. генерал-полковника Рейнгарда – главнокомандующего немецкой армейской группой «Центр» и письмо от 23 октября начальника «Абверкоманды 103», старшего лейтенанта Адольфа Барфельда.

Вильд и Ешке сообщили Шерхорну, что лично Герингом отдано распоряжение о посылке Шерхорну четырех транспортных самолетов типа «Арадо» для доставки груза и вывоза раненых, причем унтер-офицеру Вильду поручено подготовить площадку для посадки этих самолетов, для чего он был снабжен специальной инструкцией.

Арестованные Ешке и Вильд на допросе показали, что они должны по радиостанции ранее присланных радистов-немцев сообщить немецкому командованию условные фразы о своем благополучном или неблагополучном приземлении.

Поскольку показания Вильда сомнения не вызывали, он был завербован опергруппой, и его условная фраза была передана немецкому командованию, а относительно капитана Ешке было сообщено, что он при приземлении разбился и находится в тяжелом состоянии.

За период с 7 сентября 1944 г. немцами в район легендируемой «части Шерхорна» совершено 17 самолето-вылетов и сброшено 16 германских разведчиков, из коих семь немцев; 8 радиостанций, пять из которых включены в игру с немцами по данной разработке; 55 мест различного груза, в том числе 186 комплектов зимнего десантного обмундирования, 220 пар перчаток и рукавиц, 30 пар трикотажного белья, 30 пар обуви, 60 кг сахара, 60 кг шоколада, 20 000 сигарет, полтонны разных медикаментов, ящик поперечных пил, осветительные лампы и другое оборудование для приема самолетов, 10 автоматов МР-44 с боеприпасами, 250 топографических карт районов Белоруссии и др. Кроме того, немецким командованием прислано Шерхорну 870 000 руб. советских денег.

30 октября немецкое командование по радио предписало Шерхорну:

«Как только площадка будет подготовлена, при первой же благоприятной погоде будет проведена операция. Предварительное извещение за день, окончательное – в тот же день до 17 часов по московскому времени. Требуется:

1. Держать всех раненых и команду по разгрузке в непосредственной близости от площадки.

2. Обеспечить охраной.

3. Провести быструю и организованную разгрузку и погрузку.

Вильд отвечает за летную часть. Врач будет. Оба возвращаются с последней машиной.

Верховное командование».

Дальнейшее легендирование… по этой разработке возможно в следуюших двух направлениях:

1. Можно принять предложение немцев о присылке в «часть Шерхорна» одного-двух трансфертных самолетов типа «Арадо» с грузом для «вывоза раненых» и захватить самолеты вместе с экипажем. Но в этом случае доверие немецкого командования к «части Шерхорна» может быть поколеблено, и дело придется свернуть.

2. Учитывая, что немцы намерены вывести «часть Шерхорна» за линию фронта на соединение с германской армией, можно в процессе радиоигры добиться открытия немецким командованием одного из участков фронта для прохода «части Шерхорна» и ввести в проход под этим предлогом заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной Армии, для прорыва немецкого фронта.

Для осуществления этого варианта потребуется:

а) сообщить немецкому командованию, что «часть Шерхорна» окружена советскими войсками и вынуждена вести бои с целью прорвать окружение и что в результате боев «часть Шерхорна» потеряла раненых, обоз и небольшое количество солдат, прорвало кольцо окружения, быстро двигается на запад и что поэтому нет необходимости присылать самолеты для «вывоза раненых»;

б) в «пути продвижения» к фронту затребовать от немцев подкрепление боеприпасами, продовольствием, снаряжением и красноармейским обмундированием для маскировки «движения части»;

в) по «маршруту движения части», указанному немцами, создавать видимость скрытого продвижения «части Шерхорна» (на случай возможной проверки этого «движения» немцами с самолетов).

Кроме того, в целях дезинформации немецкого командования можно одновременно легендировать захват «частью Шерхорна» в прифронтовой полосе советской штабной машины с документами, среди которых будут «обнаружены» важные «оперативные планы» советского командования.

Эти «планы» должны быть составлены таким образом, чтобы они могли быть приняты немцами как достоверные и чтобы их получение немцами могло быть эффективно использовано командованием Красной Армии.

Прошу Ваших указаний.

Приложение:

1. Перевод на русский язык письма генерал-полковника Рейнгарда на имя подполковника Шерхорна от 26 октября 1944 г.

2. Перевод письма начальника Абверкоманды 103 ст. лейтенанта Барфельда от 23 октября 1944 г.

3. Перевод на русский язык инструкции о посадке самолета.

4. Альбом фото и документов к агентурному делу «Березино»1.

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР
комиссар госбезопасности 1-го ранга *Меркулов*

Приложение № 1

Главнокомандующий армейской группой «Центр» Главная квартира, 26.X.44 г.

(№ 1500/44)

Господину подполковнику Шерхорну

1. Выражаю Вам и Вашим людям мое восхищение и полную признательность по поводу Вашей храброй стойкости. Само собой разумеется, что я буду стремиться оказывать Вам и в дальнейшем всемерную помощь.

2. Немедленно после проведения десантной операции (подробности устно через унтер-офицера Вильде) боевая группа снимается с места, так как в данном случае ее местонахождение, бесспорно, будет открыто.

3. В зависимости от расположения неприятеля в Вашем районе и состояния Ваших частей должно быть принято решение, как провести переход в район расположения ближе к фронту. Ваши соображения доложите. Как потом провести возвращение к нашим линиям (просачивание мелкими группами или прорыв общими силами), будет зависеть от состояния положения на фронте.

4. Ежедневные радиосообщения отдельных групп армейской группе являются крайне необходимыми для осуществления руководства и обеспечения.

5. Я выражаю надежду, что Вам удастся пробиться с как можно большим числом храбрых воинов и продолжить совместно с нами борьбу за свободную и счастливую Великую Германию.

Да здравствует фюрер!

Рейнгардт, генерал-полковник

Верно:

Начальник 4-го Управления НКГБ СССР
комиссар госбезопасности *Судоплатов*

Приложение № 2

Уважаемый господин подполковник!

Уже два месяца прошло с тех пор, как я впервые получил возможность доложить армейской группе о том, что под Вашим руководством в глубоком тылу врага собралось большое количество немецких солдат.

Нас всех занимает вопрос, как мы могли бы эффективно оказать Вам помощь. Радисты могли бы Вам кое-что сообщить о том, господин подполковник, как все отделы верховного командования неустанно этим занимаются.

Теперь кажется, что наша задача установить с Вами надежную связь наконец осуществляется.

Я разрешаю себе, многоуважаемый господин подполковник, направить Вам эти строки и считать себя представителем всех заинтересованных в этом деле и пожелать Вам всем солдатского счастья и скорого свидания.

Враг стоит на границе, борьба упорная и тяжелая, но победа будет за нами. В этом наша вера! Хайль Гитлер!

Рудольф.

Верно:

Начальник 4-го Управления НКГБ СССР

комиссар госбезопасности *Судоплатов.*

Приложение № 3

Вильд Харри, унтер-офицер

№ 55467/Лг. На. Берлин О. У., 20.10.44 г.

Фронтовой разведывательной команде № 103.

Касается: подготовки и опознавательных сигналов для десанта «Арадо»-232.

(Требуется точно знать, как пользоваться этой машиной.)

Я постараюсь, насколько возможно, освободить просеку подлета машины к аэродрому от возможных деревянных препятствий, по меньшей мере последний отрезок прямого сектора снижения до посадочного пункта около посадочного креста. Нужно по возможности точно приземлиться справа от посадочного креста, поскольку я хорошенько обозначу последний, кроме белых платков, еще 5 белыми лампами, и поэтому прямая посадка на сам посадочный крест может повлечь за собой порчу ламп.

Для точного направления средней линии посадочной площадки почти в середине ее поставлены 2 зеленые лампы, а к ним присоединены 3 красные лампы, отмечающие последнюю треть посадочной площадки.

На конце посадочной площадки стоит человек, указывающий

этот конец качанием двух красных ламп.

Я лично буду при посадке стоять вблизи посадочного креста, чтобы при непредвиденных обстоятельствах или при каких-либо иных надобностях пускать световые ракеты, имеющие нижеследующее значение:

а) если нужно соблюдать особую осторожность при посадке (например, очень плохая почва или разные мелкие почвенные препятствия), выпускается одна красная ракета;

б) неправильный подлет самолета, который не может обеспечить точного приземления, или непредвиденные препятствия на земле, грозящие опасностью для моментального приземления, выпускаются 2 красные ракеты (т. е. нужно совершить еще раз подлет);

в) если вообще посадка невозможна из-за непредвиденных обстоятельств, выпускаются 3 красные ракеты;

г) если (при приближении самолета) все в порядке и можно совершить посадку, выпускается 1 зеленая ракета.

Кроме того, слева от посадочного креста будут стоять освещенные дымовые столбы, показывающие направление ветра.

При моем прибытии на место я сообщу по радио минимальную высоту полета значком «ха» (значок основного подлета машины), который будет соответствовать тамошним условиям. Если я начну подавать непрерывные сигналы белым карманным фонарем, то, значит, тем самым я обозначу момент перелета «ха» – высоты самолета, который затем может идти на точную посадку справа от посадочного креста.

Эти сигналы будут продолжаться вплоть до посадки машины, т. е. пока я буду подавать эти сигналы, самолет может снижаться. Как только я прекращу их – самолет должен сейчас же набрать надлежащую высоту снижения (следует соблюдать осторожность, чтобы не войти в соприкосновение с препятствиями!). Как только я вновь начну подавать сигналы, можно будет вновь снижаться.

Невзирая на помеченную мной длину траектории пути, следует придерживаться как можно более короткой посадочной площадки.

Приблизительную длину и ширину посадочной площадки, так же как угол основной линии подлета и прочие важные данные, которые я смогу установить лишь на месте, я сообщу по радио.

На обороте см. чертеж пометок на посадочной площадке.

Вильд, унтер-офицер

Верно:

Начальник 4-го Управления НКГБ СССР

комиссар госбезопасности *Судоплатов*.

Источник: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М., 2007. С. 548–552.

Приложение 3
«Ягдвербанд Скорцени» в Прибалтике

Организация «Ягдвербанд» сама по себе заслуживает особого рассмотрения. Остановимся лишь на деятельности этого органа на территории Прибалтики.

«Ягдвербанд Скорцени» (буквально: «Истребительный отряд Скорцени») имел в своем подчинении несколько штабов, отвечавших за разные районы Европы, – соответственно, называвшиеся «Восток», «Запад», «Северо-Запад», «Юг», «Юго-Восгок» и «Центр» (Jagdverband Ost, West, Nordwest, SUd, SUdost, Mitte). Территории Советского Союза находились в ведении «истребительного отряда “Вооок”» («Ягдвербанд Ост»), который возглавлял оберштурмфюрер СС Адриан фон Фепькерзам, одновременно являвшийся начальником штаба «Ягдвербанда Скорцени», бывший обер-лейтенант дивизии особого назначения абвера «Бранденбург».

В марте 1944 года, после ареста нескольких высокопоставленных офицеров военной разведки, Гитлер перестал доверять адмиралу Карису. Абвер как единый орган был передан в подчинение Главного управления имперской безопасности. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года гестапо провело основательную чистку военной разведки. Среди арестованных оказался и сам адмирал Канарнс. Начальники трех основных управлений Абвера – генералы Лахузен фон Вивремонт, Пикенброк и Бентивеньи – были отправлены на фронт командовать дивизиями. Абвер был фактически обезглавлен и преобразован в «Военное управление» в составе VI управления РСХА. Бывшее управление «Абвер-II», занимавшееся саботажем и диверсиями, было преобразовано в отдел «Д» Военного управления РСХА во главе с Отто Скорцени. Дивизия «Бранденбург», которую называли «домашним войском адмирала Канариса», стала использоваться как обычная пехотная дивизия на фронте, и многие солдаты и офицеры поспешили перейти из нее в другие спецподразделения (всего около 1800 человек). Именно так поступил и Адриан фон Фелькерзам, явившийся к штурмбаннфюреру СС Отто Скорцени с просьбой принять его в свой отдел.

Штаб «Ягдвербанд Ост» располагался в городе Хоэнзальца в Воочной Пруссии (ныне город Иновроцлав, Польша) и имел в своем составе два отдела – «Балтика» (Jagdeinsatz Ba1tikum) и «Россия» (Jagdeinsatz Russ1and insgesamt). Зоной действия первого

была Прибалтика. Согласно показаниям одного из бывших сотрудников этого органа, латыша Бруно Тоне (бывшего солдата 15-й дивизии войск СС), начальником «Ягдайнзатц Балтикум» являлся штурмбаннфюрер Манфред Пехау, а оперативным офицером штаба (в немецкой терминологии эта должность называется «Ia») был унтерштурмфюрер СС Шмидт. В состав этого органа входили Латвийский и Эстонский штабы (Литвой он не занимался, хотя она входила в сферу его деятельности). Начальником Латвийского штаба был латыш Альфонс Райтумс, одновременно являвшийся руководителем созданной немцами на оккупированной территории Латвии фашистской партии «Лидумнекс». Начальником Эстонского штаба был эстонец, штандартенфюрер войск СС Пулинг. Штабы комплектовались из профашистски настроенных латышей и эстонцев – из 15-й латышской дивизии войск СС, латышских полицейских и саперных батальонов, из лагерей латышских беженцев в Германии, а также из 20-й эстонской дивизии войск ее и из эстонских полицейских батальонов, эвакуированных в Германию. Но функции этих штабов были ограничены: они занимались лишь подбором агентуры и могли давать рекомендации относительно ее использования. Агентура обучалась диверсионному и стрелковому делу, изучала навыки поведения в тылу противника, а также радиодело (в каждой диверсионной группе, готовившейся к заброске в тыл Красной Армии, было по два радиста). Диверсанты носили униформу войск ее, а перед заброской через линию фронта получали форму РККА или гражданскую одежду.

Штабом «Ягдайнзатц Балтикум» было сформировано несколько групп «для заброски в тыл советских войск с целью производства диверсионных актов, организации бандгрупп и террористических актов».

В их числе были:

– группа обершарфюрера войск ее Башко (18 человек, из них 3 девушки, сформированная из латышей и русских, проживающих в Латвии). Ее задачей были сбор сведений о военных перевозках и проведение ряда диверсионных актов на участке железной дороги Двинск – Режиц, а также террористические акты против работников НКВД и антисоветская агитация против советской власти среди местных жителей – с целью организации пресловутого националистического сопротивления. Группа имела в своем составе двух радистов;

– группа ротенфюрера войск ее Йонеса Рудынскиса (17 человек, все латыши). Задачей группы являлись диверсионные акты на участке железной дороги Индра – Двинск и контроль за параллельно идущей шоссейной дорогой. Группа имела в своем

составе трех радистов;

– эстонская рота диверсантов, сформированная из эстонской роты войск СС, прибывшей в г. Хоэнзальцу в октябре 1944 года (в составе примерно 100 человек, все эстонцы). Главная задача, поставленная перед ротой, заключалась в том, чтобы организовать сопротивлениие Красной Армии на территории Эстонии (ее деятельность должна была ограничиваться треугольником г. Тервете – г. Печоры – Чудское озеро). Командиром роты являлся эстонец, унтерштурмфюрер войск СС Густав Алуперс, ранее служивший в 5-й танковой дивизии СС «Викинг»; командирами двух взводов диверсантов были унтерштурмфюрер войск СС Раадма и обершарфюрер войск ее Пикел (оба эстонцы, ранее служившие в 20-й эстонской дивизии войск СС).

Предполагалось сформировать еще латышскую роту диверсантов, командование которой должен был принять на себя латыш Бруно Тоне, офицер войск ее, ранее служивший в штабе Латышского легиона СС, а затем командовавший ротой в 19-й латышской дивизии СС, которая охраняла концлагерь Саласпилс и участвовала в антипартизанских операциях. Но командование «Ягдайнзатц Балтикум» не успело сделать этого.

И все же одной из самых многообещающих акций «Ягдфербанда Ост» стало создание так называемой «Курляндской группы», более известной под названием «Дикие кошки», или «Лесные кошки» (лат.: «Межа кати», нем.: Wi1dkatzen).

Организация «Дикие кошки» была сформирована в октябре 1944 года начальником «Ягдайнзатц Балтикум» Манфредом Пехау из латышей, ранее служивших в Латышском легионе ее и полицейских батальонах, а затем прошедших специальную диверсионную подготовку. Она насчитывала в общей сложности 600 человек, командиром был латыш, унтерштурмфюрер войск ее Янкавс. По словам Бруно Тоне, бывшего сотрудника «Ягдайнзатц Балтикум», главной задачей «Диких кошек» было «организовать партизанское движение в освобожденных Красной Армией районах Латвии», а попутно «осуществлять диверсионные акты на важных железнодорожных и военных объектах в слабо охраняемых районах… захватывать власть в свои руки, среди населения проводить антисоветскую агитацию, вовлекать население в группы для активной борьбы против советской власти». Таким образом, «Дикие кошки» должны были стать ядром националистического движения сопротивления в освобожденной Латвии.

Несколько групп «диких кошек» во главе с Янкавсом должны были перейти линию фронта в местечке Граиздутье Талсинекого

уезда Латвии, а затем сосредоточиться в районе озера Лобее и начать свою подрывную деятельность. В распоряжении группы была радиостанция, с помощью которой можно было поддерживать связь со специальной радиостанцией в Вевтспилсе, а та, в свою очередь, поддерживала прямую связь со штабом «Ягдфербанд Ост» в Хоэнзальце.

В первой половине ноября 1944 года Янкавс прибыл в местечко Кабиле Кулдигского уезда в Курляндии, где собрались все руководители групп «диких кошек». Он поставил перед ними задачу «остаться на покидаемой немцами территории и в районах предполагаемых действий против советской армии и советских властей подготовить бункеры на 5–6 человек».

В конце ноября и в декабре 1944 года руководители групп «диких кошек» получили оружие, боеприпасы и продовольствие со складов «Ягдфербанд Ост» в Кулдиге. Штаб Янкавса разместился на хуторе Дравас Кабилеской волости Кулдигского уезда, а его филиалы – в городах Талси и Стенде (Курляндия).

Агентуру для «диких кошек» вербовали не только «Ягдфербанд» (орган СД), но и группы фронтовой разведки Абвера, поскольку с июля 1944 года весь аппарат Абвера перешел в подчинение СД. Например, руководитель одной из групп «диких кошек» Ас.-К. А. Гринховс на допросе в мае 1945 года показал, что был завербован начальником Абвергруппы 212 Хассельманом и по его заданию создал из бывших айзсаргов (членов военизированного формирования, которое существовало в Латвии в 1919–1939 годах. – *Прим. ред.*) ягдкоманду – специально для «Ягдфербанда СС» – в составе 75 человек, которая была разбита еще на 7 мелких групп. Каждая группа должна была вести диверсионную деятельность после отступления немецких войск в одном из районов Латвии. В конце октября 1944 года команда была окончательно передана Абвергруппой 212 в распоряжение Янкавса.

Многие считали «Диких кошек» самостоятельной организацией латвийских националистов – именно в этом и состоял замысел руководителей «Ягдфербанда». Однако даже помимо показаний пленных (Б. Тоне и др.), сохранились документы, проливающие свет на подлинный характер этой организации и ее деятельности. Один из таких документов – докладная записка гауптштурмфюрера войск СС Янкавса на имя рейхсфюрера СС Гиммлера от 12 ноября 1944 г. (По-видимому, Янкавс был к тому времени повышен в звании, так как в октябре 1944 года он был всего лишь унтерштурмфюрером!) В докладной записке говорилось:

«В конце августа 1944 года я получил задание от

оберштурмбаннфюрера СС Скорцени по созданию и руководству в Латвии движения сопротивления. Я немедленно изъявил готовность к этому и принял руководство всем движением… Я предложил использовать для этой цели штурмбаннфюрера ~С д-ра Пехау, который вследствие многолетней работы в России с латышскими подразделениями знает местную обстановку и пользуется большим доверием у латышей. Это предложение было принято… Одновременно я в своем штабе выработал политику, в основу которой положил, что мы, латыши, ожидаем и заботимся о том, чтобы отношения обоюдного доверия и впредь не нарушались бы руководством прибалтийских немцев… Мне вполне ясно, и я это всегда выражал во всей своей деятельности, что наши цели могут быть осуществлены в тесной связи с Германией… Несмотря на труднейшие обстоятельства, я создал в течение нескольких дней подготовительную почву для движения сопротивления в Курляндии – 64 группы общей численностью 1164 человека. Далее я подобрал для выполнения особых поручений при штабе 160 человек, которые в настоящий момент готовы к использованию по объединению многочисленных групп, оперирующих на оккупированной большевиками территории Латвии, чтобы организовать совместные операции».

В заключение Янкавс ссылался на полную поддержку его действий СО стороны высшего фюрера СС и полиции в «Остланде» Йекельна, командующего зипо и СД в «Остланде» Фукса и командира зипо и СД в Латвии Ланге и просил не допускать к руководству «движением сопротивления» прибалтийских немцев, чтобы те «не оттолкнули от себя латышское население и не дискредитировали идею».

В связи с советским наступлением в Польше (Висло-Одерская операция) штаб «Ягдфербанд Ост» в январе 1945 года был вынужден перебазироваться из Хоэнзальцы в г. Бойшен, близ Познани. За день до взятия советскими частями Хоэнзальцы все документы и ценности организации были перевезены в Бойшеи. Последним поездом на Познань, за 3 часа до появления советских танков, из Хоэнзальцы выехало все руководство «Ягдайнзатц Балтикум» вместе с обеими латышскими диверсионными группами и эстонской ротой диверсантов почти в полном составе.

В Хоэнзальце в качестве прикрытия были оставлены две немецкие роты парашютистов из фольксдойче, раньше служивших в дивизии особого назначения «Бранденбург» (по 120 человек каждая), а также рота оберштурмфюрера войск СС Решетникова (180 человек) и рота унтерштурмфюрера войск СС Сухачева (около 100 человек), состоявшие из русских и белорусов из бывшего карательного отряда СС и переданные в распоряжение

«Ягдфербанда Ост» в октябре 1944 года. Все четыре роты заняли оборону города, но с появлением советских танков разбежались. Как раз накануне отступления командир «Ягдфербанда Ост» гауптштурмфюрер СС Фелькерзам вместе со своим штабом приехал в Хоэнзальцу. Когда советские танки вошли в город, руководство «Ягдфербанда» было еще там. По слухам, Фелькерзам был убит. Больше о нем никто ничего не слышал.

Голова спрута – штаб «Ягдфербайд Ост» – была уничтожена, но его обрубленные щупальца продолжали жить своей жизнью. «Дикие кошки» в Курляндии не закончили свою деятельность. Первоначально немцы не думали, что так называемая «Курляндская группировка» из остатков группы армий «Север» продержится долго. Отряды «диких кошек» готовились именно для того, чтобы остаться в тылу Красной Армии после эвакуации немецких войск из Курляндии. Но Курляндская группировка оборонялась до самого конца войны – вплоть до 9 мая 1945 года. В результате отряды «диких кошек» и тому подобные спецподразделения (зачастую даже не имевшие официального статуса воинских частей) оказались не у дел. Поэтому Йекельн бросил их на борьбу с советскими партизанами, действовавшими в Курляндском котле. Знаменитый партизанский командир, Герой Советского Союза Вилис Самсонс так пишет об этом в своих воспоминаниях:

«К концу зимы [1944/1945 гг.] наметилась усиленная активизация всех противопартизанских сил в окрестностях Усмы – Ренды – Кабиле. [Штаб и основные силы “диких кошек” размещались как раз в Кабилеской волости Курляндии.] В деятельности штосгрупп, ягдкоманд и отрядов “лесных кошек” чувствовалась большая согласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее. После большой встряски пришли в себя и численно возросли скудрское и граудупское отделения ягдфербанда: проявлять активность их заставило предупреждение начальства».

«Утром 7 февраля, – пишет Вилис Самсонс, – отряд “лесных кошек” при поддержке штосгруппы в Кабильском лесу напал на след объединенного отряда Капустина и Дубровина. Разведчики расположились в 11 удобных землянках в двух с половиной километрах к северу от хутора Спрунгули, где группа в 40 человек намеревалась переждать зимние холода. Идя по следу, оставленному подвозчиками продовольствия, гитлеровцы вышли к партизанскому посту на просеке в северной стороне лагеря; пост открыл огонь из пулемета…»

Вскоре пулеметчик был убит, и эсэсовцы смогли приблизиться к землянкам партизан. «Капустин приказал всем

залечь в цепь навстречу вражеской атаке и выдвинул в помощь еще 2 пулемета, – рассказывает далее Самсонс. – Положение партизан становилось критическим – превосходящие силы противника могли легко окружить их на небольшом холме. Однако сильный встречный огонь заставил “лесных кошек” споткнуться. Через разрывы в цепи разведчиков только двум ягдфербандовцам удалось проникнуть на территорию лагеря, но с ними было быстро покончено». Партизаны одержали победу, но были вынуждены отступить – днем в сторону села Абавы, чтобы запутать следы, а затем в Стендские леса, где им снова пришлось отбиваться от карателей из латышской полиции.

По свидетельству одного из партизан, заместителя командира отряда К. Витола, каратели – «лесные кошки», одного из которых он лично застрелил на территории лагеря, – были одеты в немецкие пилотки, френчи и брюки, но знаков различия он не разглядел. Бывший сотрудник «Ягдфербанд Ост» Тоне подтвердил в своих показаниях, что до заброски в тыл Красной Армии все служащие «Ягдфербанда» носили униформу войск СС, по-видимому, включая и «лесных кошек».

9 мая 1945 года Янкавс собрал своих командиров, чтобы объявить им о капитуляции Германии. Он приказал им направиться в заданные районы и приступить к выполнению заранее намеченных акций. Всего на момент капитуляции в его распоряжении находилось как минимум 6 групп, которые из Курземе рассеялись по всей Латвии:

– 1-я группа во главе с унтерштурмфюрером СД Карклиньшем (с ним также два радиста) и 2-я группа во главе с бывшим айзсаргом Падыньшем отправились в Рижский уезд;

– 3-я группа под командой Гибжея и Лиепиньша и 4-я группа под командой Балодиса (с одним радистом) – отправились в район Валмиере;

– 5-я группа во главе с Крустом – в Цесисский уезд;

– 6-я группа под командой унтерштурмфюрера СД Г. Коркла – Екабпилсский уезд.

Сам Янкавс со своим штабом скрылся в лесах Курземе. Примерно в эти же дни, в мае 1945 года, органы военной контрразведки Ленинградского фронта арестовали группу «диких кошек» во главе с Гринховсом (завербованным еще в сентябре 1944 года Абвергруппой 212). В октябре – ноябре 1945 года органы НКГБ Латвии обезвредили еще несколько диверсионно-террористических групп из бывших айзсаргов, подготовленных в 1944–1945 годах спецслужбами рейха. В их числе была группа Г.-А.П. Дановекиса из 11 человек, заброшенная с самолета на освобожденную территорию Рижского уезда, а также оставленные

немцами при отступлении группы Дамбитиса и П.Э. Лепиньша, которые должны были всеми средствами сдерживать наступление Красной Армии после отхода немецких войск. Все они были когда-то подготовлены, обучены и вооружены уже не раз упоминавшейся Абвергруппой 212.

Руководитель «диких кошек» и один из предводителей латвийского националистического подполья Янкавс был обнаружен органами безопасности только в 1947 году в лесах Латвии и после вооруженного сопротивления арестован в январе 1947 года. В апреле – июне 1947 года на территории Арлавской волости была ликвидирована последняя группа «диких кошек», которую возглавлял немецкий офицер Фельберг, бывший когда-то начальником одного из подразделений «Ягдфербанд». При захвате группы были изъяты оружие, немецкий войсковой радиоприемник, ротатор (аппарат для размножения машинописных или рукописных текстов. – *Прим. ред.*) с принадлежностями и документы.

Источник: *Крысин М.Ю.* Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М., 2004. С. 259–266.

Приложение 4
Письмо Б. Янкауса (Янкавса) рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру

Письмо начальника штаба латышской националистической диверсионно-террористической организации «Межакати» («Дикая кошка») Б. Янкауса (Янкавса) рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру о «Движении сопротивления» на территории Латвии, освобожденной войсками Красной Армии

12 ноября 1944 г.

Рейхсфюрер!

Прошу разрешения обратиться непосредственно к Вам по вопросу, имеющему решающее значение для наших действий в Латвии.

В конце августа 1944 г. я получил задание от оберштурмбаннфюрера СС Скорцени по созданию и руководству в Латвии «движения сопротивления». Я немедленно изъявил готовность к этому и принял руководство всем «движением».

Германским руководителем всего «движения» в Прибалтике предусматривался штурмбаннфюрер СС Краузе.

Краузе – балтийский немец. Этот факт побудил меня обратиться к оберштурмбаннфюреру Скорцени, которому я пояснил нецелесообразность этого мероприятия в связи с тем, что, как это видно из всего хода исторического развития, балтийские немцы не будут в состоянии заслужить доверие подданных Прибалтийских стран. Ясно, что эта работа может быть построена только на обоюдном доверии. В связи с этим я предложил использовать для этой цели штурмбаннфюрера СС доктора Пехау, который вследствие многолетней работы в России с латышскими подразделениями знает местную обстановку и пользуется большим доверием у латышей. Это мое предложение было принято.

Одновременно я в своем штабе выработал политику, в которой положил за основу, что мы, латыши, ожидаем и заботимся о том, чтобы отношения обоюдного доверия и впредь не нарушались бы руководством прибалтийских немцев.

Нам, латышам, твердо сказано, что мы будем бороться для нашей страны и для нашей свободы. Мне вполне ясно, и я это всегда постоянно выражал во всей своей деятельности, что наши цели могут быть осуществлены в тесной связи с Германией.

Но ни один латыш не верит, что выражать его цели могут

балтийские немцы. Только при беспрекословном принятии моих основоположений я был уверен, что «движению сопротивления» будет дана готовая политическая основа. С этими предложениями я начал работу.

Несмотря на труднейшие обстоятельства, я создал в течение нескольких дней подготовительную почву для «движения сопротивления» в Курляндии – 64 группы общей численностью 1164 человека.

Далее я подобрал для выполнения особых поручений при штабе 160 человек, которые в настоящий момент готовы к использованию для объединения многочисленных групп, оперирующих на оккупированной большевиками территории Латвии, чтобы организовать совместные операции. Я лично готов с моим штабом в ближайшие дни вступить в действие и с прежней энергией руководить работой по ту сторону фронта.

Однако в данный момент, когда я должен действовать, надо мной довлеет тяжелая забота, которая вытекает как из собственных заключений, так и из донесений моих людей, вернувшихся из Германии. Эта забота после длительных размышлений побудила меня обратиться к Вам, рейхсфюрер, с просьбой помочь нам и снять ее с наших плеч.

Уполномоченным по работе в Латвии поставлен унтерштурмфюрер, который является балтийским немцем. Последний работает со своим штабом, который состоит также из трех балтийских немцев.

Руководитель предусматриваемого радиоцентра, с которым мы будем поддерживать связь, – также балтийский немец.

Между прочим, мне также известно, что для действий в Эстонии руководство состоит исключительно из балтийских немцев. Частично из известных мне лично данных, частично мне донесено, что руководящий орган – командный пункт «Ост» – от командира до писаря состоит исключительно из балтийских немцев. Мои люди, которые прибывают на командный пункт, должны все вопросы, от мелочей до значительных проблем, разрешать с балтийскими немцами.

Подобная ситуация вызвала большое беспокойство среди моих людей. Я неоднократно обсуждал эти затруднения с высшим руководителем СС и полиции Прибалтики обергруппенфюрером СС Еккельном, прежде чем обратиться к Вам, рейхсфюрер. Обергруппенфюрер СС, так же как начальник политической полиции и СД Прибалтики обер-фюрер доктор Фукс и начальник политической полиции и СД Латвии оберштурмбаннфюрер доктор Ланге, знающие из многолетней работы эту проблему, разделяют мое мнение, и настолько, что считают, что подобным

мероприятиям подлежит вся деятельность, поскольку она находится в опасности, и эти учреждения готовы помочь в ближайшее время.

Рейхсфюрер, я знаю, что в настоящий момент имеется достаточно чисто германских специалистов политической полиции и СД, которые долголетней работой заслужили доверие и которые должны быть привлечены к работе по разрешению предстоящих задач, где требуется доверие, и далее, я знаю, что это не будет противоречить интересам балтийских немцев. Поскольку мне известно, что вышестоящие учреждения и командный пункт «Ост» заняты только балтийскими немцами, я, как последнее средство, решил обратиться непосредственно к Вам, рейхсфюрер.

Прошу Вас, рейхсфюрер, мои выводы не принимать как жалобу, а считать тем, чем они должны быть, то есть вкладом в урегулирование политических вопросов в интересах Германии и всеобщей ожесточенной борьбы против большевизма, борьбы за мой народ и окончательную победу рейха.

Прошу Вас, рейхсфюрер, затронутые вопросы разрешить приказом (так как он Вами однажды был дан), который освободит путь от длительных бесплодных переговоров для необходимой совместной, полной взаимного доверия работы.

Хайль Гитлер!

Преданный Вам начальник штаба легиона
и унтерштурмфюрер СС *Янкаус*

Источник: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М., 2007. С. 817–819.

Приложение 5
Протокол допроса Тоне Бруно

Протокол допроса

1945 г., февраля месяца, 11-го дня.

Я, начальник 2-го отделения 4-го отдела Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта капитан Гершгорин, сего числа допросил арестованного

Тоне Бруно, 1918 г. рождения, уроженец и житель г. Риги, ул. Волдомарская, д. 75, кв. 6, по национальности латыш, образование среднее, холост, подданный СССР.

Начало допроса в 23.00.

Допрос окончен 13 февраля [19]45 г. [в]24.00.

С перерывом: 12 февраля [19]45 г. с 6.00 до 9.00 и с 17.00 до 21.00; 13 февраля,[19]45 г. с 6.00 до 9.30 и с 17.00 до 21.30.

Вопрос. Чем Вы занимались, проживая на территории, временно оккупированной немецкими войсками?

Ответ. В октябре 1941 г. я добровольно поступил на службу в качестве переводчика при заместителе главного начальника войск СС, гестапо, СД и криминальной полиции Прибалтийских стран в северной России бригаденфюрера [СС] Шталеккера, где прослужил до ноября 1941 г., затем был переведен на службу в 21-й латвийский полицейский батальон в качестве командира взвода.

В ноябре 1941 г. в составе батальона я выехал в район г. Тосо, который расположен между Ленинградом и Новгородом, для охраны железнодорожных объектов, одновременно для пресечения деятельности советских партизан. В начале января 1942 г. вместе со своим взводом полицейских я был прикомандирован к штабу 28-го армейского корпуса 18-й немецкой армии, где использовался по разведке обороны советских войск и захвату «языков».

Вместе со взводом я трижды ходил в разведку, причем два раза нам не удавалось захватить «языка», а в третий раз я встретился с большой группой разведчиков Красной Армии и в завязавшемся бою был ранен и одновременно получил обморожение стопы левой ноги, на излечении я находился при госпитале в г. Риге примерно до мая 1942 г.

Во время нахождения в госпитале меня навестил мой хороший знакомый подполковник Вайс, который в то время уже

был начальником штаба при генерал-инспекции латвийских войск СС. Во время беседы Вайс предложил мне по излечении явиться к нему, и он мне предоставит должность.

В мае 1942 г. я явился к подполковнику Вайсу и был назначен его ординатором, выполняя в основном задания последнего по проведению мобилизации латышской молодежи в национальные части СС.

Вопрос. Чем занимался штаб генерал-инспекции латвийских легионов СС в период Вашей службы в последнем?

Ответ. Весной 1942 г. обергруппенфюрером [СС] Еккельном был издан приказ о переименовании батальонов охранной полиции в латвийские легионы СС. Генерал-инспектором латвийских легионов СС был назначен группенфюрер [СС] Бангерскис, начальником штаба подполковник Вайс.

Деятельность штаба латвийских легионов СС в период моей службы заключалась в формировании на базе существующих легионов двух латвийских дивизий СС. Проводилась усиленная работа по мобилизации новых контингентов латышей в войска СС. Таким образом, в начале 1943 г. были сформированы 15-я и 19-я латвийские дивизии СС. В этом время подполковник Вайс принял командование 1-м полком 19-й латвийской дивизии СС, а я остался при штабе и исполнял обязанности по социальному обеспечению семей латышей-военнослужащих немецкой армии, находящихся на фронте.

Вопрос. Как долго Вы служили при штабе генерал-инспеции латвийских войск СС?

Ответ. В средних числах июля 1943 г. я был назначен на должность командира роты 4-го латышского батальона СС, в составе которого нес охрану концлагеря, находящегося в м[естечке] Саласпилс, 20 км восточнее г. Риги, где содержались политические заключенные из числа латышей, евреи и другие арестованные немецкими карательными органами. Охрану лагеря рота несла до октября 1943 г., после чего была в числе других войск СС направлена на охрану границы Латвии с Советским Союзом, существовавшей до 1939 г., от проникновения подразделений советских партизан на территорию Латвии.

Вопрос. Какой режим был установлен немецким командованием для заключенных концлагеря?

Ответ. В концлагере, расположенном в м[естечке] Саласпилс, в то время насчитывалось более 500 заключенных. Комендантом последнего являлся обершарфюрер [СС] Никке, по национальности немец. Режим для заключенных был установлен исключительно тяжелый и непосильный. Заключенные работали на тяжелых работах по двадцать часов в сутки. За малейшее

нарушение распорядка заключенные администрацией избивались до потери сознания. Всех держали на голодном пайке и в антисанитарных условиях, в результате чего большое количество заключенных от заболевания тифом и истощения умирало.

Вопрос. Какие обязанности возлагались на роту СС, которой Вы командовали, по охране заключенных концлагеря и степень их выполнения?

Ответ. Солдаты роты СС, которой я командовал, несли охрану вокруг концлагеря с целью исключения возможных побегов заключенных. Одновременно с этим конвоировали заключенных на работы по разработке торфяных болот и другие, на допросы в СД г. Риги, [обеспечивали] охрану карцера. Случаев издевательств солдат над заключенными не было, так как у многих солдат роты родственники находились в этом лагере, что явилось причиной к замене моей роты другой ротой, личный состав которой состоял исключительно из немцев.

Вопрос. Неся охрану границы от проникновения советских партизан на территорию Латвии, как часто рота вела бои с советскими партизанами?

Ответ. На протяжении 3,5 месяца рота СС, которой я командовал, несла охрану участка границы на территории Осуньской волости и систематически вела бои с советскими партизанами. Конкретно когда это было, я сейчас вспомнить не могу.

Вопрос. В последующем где использовалась рота СС?

Ответ. В октябре 1943 г. рота СС, которой я командовал, вошла в состав группы войск СС и действовала против частей Красной Армии в районе г. Невеля. Группой командовал обергруппенфюрер [СС] Еккельн, и в состав последней входили: полицейский полк СС «Рига», 20-я эстонская дивизия СС и другие отдельные батальоны.

В январе 1944 г. в связи с заболеванием малярией я был направлен на излечение в г. Ригу и по выздоровлении в июне 1944 г. поступил на службу в криминальную полицию в качестве практиканта при следственном отделе по борьбе с хулиганством, кражами и другими преступлениями, где проходил практику до августа того же года и был назначен переводчиком при отделе «1Ц» 3-го танкового корпуса СС.

Вопрос. При каких обстоятельствах Вы поступили на службу в отдел «1Ц» 3-го танкового корпуса СС?

Ответ. В августе 1944 г. в связи с наступлением частей Красной Армии я был отозван в распоряжение штаба латвийских легионов СС, в то время располагавшегося в г. Риге, и был направлен в распоряжение штаба 3-го танкового корпуса СС… По

прибытии в таковой я был назначен на должность переводчика при отделе «1Ц».

Вопрос. Какие функции входили в поле деятельности отдела «1Ц»?

Ответ. Отделы «1Ц», по существу, являются разведывательными отделами и существуют при всех штабах соединений немецкой армии, начиная с дивизии и выше. Основной задачей «1Ц» является сбор разведывательных данных о противнике, действующем против соединения. Параллельно с этим ведут и контрразведывательную работу как в подразделениях соединения, так среди местного населения.

Вопрос. Расскажите о методах работы отделов «1Ц».

Ответ. Интересующие командование соединения сведения о противнике отделы «1Ц» добывают путем аэроразведки, допросов военнопленных, перебежчиков и опросов местного населения.

Контрразведывательную работу проводят так называемые абвер-офицеры, которые находятся в каждом полку и подчинены непосредственно начальнику отдела «1Ц». Абвер-офицеры являются негласными сотрудниками и прикрываются в полках различными должностями.

Абвер-офицеры в полках, батальонах, ротах имеют агентурную сеть, а также среди окружающего населения. Подробными данными об их работе я не располагаю.

Вопрос. Ведут ли отделы «1Ц» зафронтовую агентурную работу?

Ответ. В масштабе корпуса отделы «1Ц» ведут зафронтовую агентурную работу, забрасывая в расположение частей противника агентуру с целью разведки обороны, насыщенности последней огневыми средствами, установления нумерации частей и расположения штабов дивизий, полков и батальонов.

В период моей работы при отделе «1Ц» корпуса последним в сентябре 1944 г. было переброшено три группы агентов по два человека в каждой.

Вопрос. Каким образом отделы «1Ц» приобретают агентуру для заброски в расположение частей Красной Армии?

Ответ. Отделы «1Ц» сами вербовкой и подбором агентуры для зафронтовой работы не занимаются, а получают таковую, уже подготовленную из разведпунктов. В мою бытность агентура экипировалась в гражданскую одежду, причем последняя приобреталась [у] содержащихся в тюрьмах дезертиров-латышей. Посылаемые три группы агентов задания не выполнили, так как одна из них подорвалась на минах, а две остальные попали под сильный обстрел и возвратились обратно.

…

Вопрос. Как долго Вы находились на службе в качестве переводчика при отделе «1Ц» 3-го танкового корпуса?

Ответ. В октябре 1944 г. из отдела «1Ц» корпуса я был откомандирован в распоряжение штаба 19-й латвийской дивизии СС. Прибыв в штаб, я встретился с другими шестью офицерами, отозванными из других частей, и последние мне рассказали, что в 19-ю латвийскую дивизию СС, где они служили, приезжал руководитель фашистской партии Латвии «Лидумнекс» Альфонс Райтумс, собрал их и предложил им в тылу Красной Армии на территории Латвии заняться «партизанской» деятельностью против органов советской власти, на что они изъявили согласие. Вместе с Альфонсом Райтумсом в дивизию приезжал штурмбаннфюрер [СС] Пехау, который имел предписание от Гиммлера на право отбора в дивизию необходимых для него офицеров.

22 октября 1944 г. в числе группы офицеров я был направлен в г. Либаву, [в] генерал-инспецию латвийских легионов СС, где нас принял группенфюрер [СС] Бангерскис и познакомил нас со штурмбаннфюрером Пехау, в распоряжение которого мы и были переданы.

В тот же день наша группа офицеров была принята штурмбаннфюрером [СС] Пехау. На приеме присутствовал Альфонс Райтумс. Пехау нам заявил, что в его распоряжении имеется вооруженный и обученный отряд из числа латышей в количестве 600 человек, предназначенный для переброски на территорию Латвии, освобожденной частями Красной Армии, для подрывной и террористической деятельности, и в этом отряде мы должны занять командные должности. На этом приеме я заявил, что по причине отсутствия всех пальцев левой ноги я не смогу действовать в тылу Красной Армии. Моя просьба была удовлетворена.

24 октября 1944 г. по распоряжению Пехау я был направлен в г. Хохензальц (Иноврoцлав) к штурмбаннфюрерУ [СС] Хайнце, который, как я узнал позже, являлся заместителем начальника германского разведывательно-диверсионного органа, действовавшего на восточном фронте, условно именуемого «Ягдфербанд Ост» (Истребительное соединение «Восток»).

Хайнце предложил мне временно поместиться в городской гостинице и ожидать приезда в Хохензальц штурмбанфюрера [СС] Пехау, который являлся начальником одного из подчиненных «Ягдфербанд Ост» органов и именовался условно «Ягдайнзатц Балтикум» (Истребительная команда, оперирующая в Прибалтийских странах). Через несколько дней Пехау вместе со штабом из г. Либавы переехал в г. Хохензальц, и я был назначен

официальным сотрудником германского разведывательно-диверсионного органа «Ягдфербанд Ост» при отделе «Ягдайнзатц Балтикум».

Вопрос. Когда и кем был создан разведывательно-диверсионный орган «Ягдфербанд Ост»?

Ответ. В последних числах декабря 1944 г. по вопросу истории организации немецкого разведывательно-диверсионного органа, условно именуемого «Ягдфербанд», начальник штаба последнего гауптштурмфюрер [СС] фон Фелькерзам на совещании офицеров рассказал следующее. В начале 1944 г. разведорган «Ягдфербанд» [был] создан по распоряжению рейхсфюрера СС Гиммлера на базе кадров личного состава дивизии «Бранденбург» и непосредственно подчинялся Гиммлеру, причем [для] организации названного разведоргана послужили нижеследующие обстоятельства. Летом 1943 г. штурмбаннфюреру [СС] Скорцени было поручено провести операцию по похищению Муссолини. Для этого было отобрано до роты солдат-добровольцев из дивизии «Банденбург», которые прошли соответствующую подготовку, после чего десантом были выброшены в район местонахождения Муссолини, похитили его и доставили в Берлин. За осуществление этой операции Скорцени был произведен в оберштурмбаннфюреры [СС].

После похищения Муссолини у Скорцени возникла мысль создать при рейхсфюрере специальный орган, который бы имел специально проверенные и обученные кадры для выполнения в тылах воюющих с Германией стран особо важных государственных заданий. Гиммлер одобрил предложение Скорцени и поручил ему формирование такого органа, главный штаб которого стал бы условно именоваться «Ягдфербанд».

Главный штаб «Ягдфербанд» возглавлял оберштурмбанфюрер [СС] Скорцени, дислоцировался в м[естечке] Фриденталь – 5 км севернее г. Ораниенбурга, подчинялся непосредственно Гиммлеру и действует против всех стран, находящихся в состоянии войны с Германией.

Вопрос. Какие задачи ставились перед разведорганом «Ягдфербанд»?

Ответ. В задачи немецкого разведоргана «Ягдфербанд» входили подготовка парашютистов и осуществление десантных операций силами до роты и батальона для захвата или уничтожения в тылу противника к моменту операций германских войск особо важных военных объектов. Кроме этого, подготавливались небольшие группы агентов-парашютистов. В том числе и радистов, для осуществления в близких тылах войск неприятеля диверсионных и террористических актов,

организации повстанческой деятельности и сбора разведывательных данных о войсках противника.

Вопрос. Расскажите о структурном построении немецкого разведывательно-диверсионного органа «Ягдфербанд».

Ответ. Главный штаб «Ягдфербанд» состоял из следующих отделов:

отдел «1А» занимался разработкой оперативных планов действий диверсионных групп в тылах противника, начальником отдела являлся унтерштурмфюрер [СС] Остафель;

отдел «1Б» занимался снабжением забрасываемых в тыл противника диверсионных групп обмундированием, питанием, вооружением и др.;

отдел «1Ц» в основном вел контрразведывательную работу среди личного состава «Ягдфербанд»;

отдел «4А» – хозяйственная часть, ведал всеми пошивочными мастерскими, столовой и финансировал личный состав;

отдел «Картен штелле» (отдел топографических карт) подготавливал топографические карты для забрасываемых в тыл войск противника диверсионных групп;

отдел пропаганды занимался снабжением групп, забрасываемых в тыл противника, пропагандистской литературой, листовками и др.;

отдел учета вел учет всей агентуры, находящейся при разведоргане «Ягдфербанд». Фамилии начальников отделов мне неизвестны.

1. «Ягдвербанд» имел три подчиненных органа:

1) «Ягдвербанд Ост» (Истребительное соединение «Восток») являлся руководящим органом «Ягдфербанд» на советско-германском фронте и осуществлял руководство диверсионно-террористической деятельностью против Красной Армии.

Штаб «Ягдвербанд Ост» имел аналогичные отделы, как и главный штаб «Ягдвербанд», причем начальником отдела «1А» являлся унтерштурмфюрер [СС] Остафель, отдела «1Б» – унтерштурмфюрер [СС] Милен, отдела «1Ц» – унтерштурмфюрер [СС] Рине, отдела «4А» – унтерштурмфюрер [СС] Рокман. Отдел пропаганды возглавлял начальник «1Ц» Рине, отдел учета возглавлял начальник отдела «4А» Рокман. Кто являлся начальником отдела «Картен штелле», я сейчас не помню.

«Ягдвербанд Ост» возглавлял гауптштурмфюрер [СС] фон Фелькерзам. Одновременно последний являлся начальником штаба «Ягдвербанд» и дислоцировался в г. Хохензальце (Иновроцлав).

«Ягдвербанд Ост» имел в своем подчинении «Ягдайнзатц Балтикум», и возглавлял последний штурмбаннфюрер [СС] Пехау,

деятельность которого ограничивалась прибалтийскими странами, и «Ягдайнзатц руссланд ин гезанд» (Истребительная команда «Вся Россия») находился непосредственно при «Ягдвербанд Ост» и действовал на всем остальном советско-германском фронте.

«Ягдайнзатц руссланд ин гезанд» размещался в г. Хохензальце по Вокзальной улице в корпусах гренадерских казарм.

Сам штаб «Ягдайнзатц Балтикум» размещался в том же городе по улице Гитлера, д. № 45/47;

2) «Ягдвербанд Вест» осуществлял свою деятельность на Западном фронте, на территории Франции, Бельгии, Голландии, и имел в своем подчинении «Ягдайнзатц Норд-Вест» и «Ягдайнзатц Зюд-Вест».

В январе 1945 г. перед началом наступления немцев в Бельгии против войск 1-й американской армии «Ягдвербанд Вест» высадил на парашютах десант в составе батальона из числа немцев, владеющих английским языком, экипированных в американские военные мундиры, который в тылах американской армии поднял панику, осуществил ряд диверсионных актов, чем значительно облегчил наступательные операции немцев.

Другими какими-либо данными о структурном построении разведоргана «Ягдвербанд Вест», а также о деятельности последнего я не располагаю.

3. «Ягдвербанд Зюд» (Истребительное соединение «Юг») действует на Южном фронте в Италии, Албании. Подробными данными о нем не располагаю.

Вопрос. Какое количество агентуры имелось в распоряжении разведоргана «Ягдвербанд Ост»?

Ответ. В связи с тем, что «Ягдайнзатц руссланд ин ге-занд» (Истребительная команда «Вся Россия») как единица не существовала, а числилась только формально, работой по заброске диверсионно-истребительных групп на территории Советского Союза, за исключением Прибалтийских республик, занимался непосредственно «Ягдфербанд Ост», который в своем подчинении имел следующий агентурный аппарат:

две роты парашютистов, которые были укомплектованы исключительно из числа немцев, «фольксдойч», ранее состоявших на службе в дивизии «Бранденбург». Каждая рота насчитывала по 120 человек;

рота оберштурмфюрера [СС] Решетникова насчитывала до 180 человек и в прошлом являлась карательным отрядом СС. Она состояла из русских и белорусов. Рота Решетникова в распоряжение «Ягдфербанд Ост» прибыла в октябре 1944 г.;

в октябре того же года в распоряжение названного разведоргана прибыла группа унтерштурмфюрера [СС] Сухачева, которая насчитывала до 100 человек.

Таким образом, только в распоряжении «Ягдфербанд Ост» имелось более 500 человек агентов-диверсантов, которые подготавливались для заброски в тыл советских войск с целью производства диверсионно-террористических актов.

Вопрос. Расскажите подробно, что вам известно о враждебной деятельности «Ягдайназтц Балтикум» против Советского Союза.

Ответ. Поскольку я являюсь официальным сотрудником разведывательно-диверсионного органа «Ягдайнзатц Балтикум», о последнем я располагаю более подробными данными.

Как я уже показал выше, «Ягдайнзатц Балтикум» являлся подведомственным органом «Ягдфербанд Ост» и ограничивал свою деятельность только прибалтийскими странами: Латвией и Эстонией. Литвой не занимался, хотя она входила в район его действия.

«Ягдайнзатц Балтикум» имел в своем подчинении так называемый латвийский штаб и эстонский штаб.

Начальником латвийского штаба являлся Альфонс Райтумс. Он же – руководитель созданной немцами на территории Латвии фашистской партии «Лидумнекс». Начальник эстонского штаба – штандартенфюрер [СС] Пулинг (эстонец).

Функции штабов ограничивались лишь подбором агентуры и высказываниями руководству «Ягдайнзатц Балтикум» своих соображений об их использовании. Исходя из характера их работы, штабы комплектовались из числа латышей и эстонцев, которые пользовались авторитетом среди профашистски настроенной части населения Прибалтики и знали хорошо территорию последних.

Вопрос. Из какого контингента лиц подбиралась агентура для «Ягдайнзатц Балтикум»?

Ответ. Базой для подбора агентуры по латвийской линии являлись 15-я латышская дивизия СС, латвийские полицейские и саперные части, а также лагеря латышей-беженцев на территории Германии.

По эстонской линии агентура подбиралась из полицейских частей, которые находились в Германии, и частично 20-й эстонской дивизии СС.

Агентура подбиралась группами, и каждой из них предъявлялись следующие требования: добровольное желание проводить подрывную деятельность в тылу Красной Армии, каждый из группы должен был знать друг друга, район, занятый частями Красной Армии, где имеется интересующий

«Ягдвербанд» объект в смысле осуществления диверсии и сбора разведданных.

Вопрос. Как оформлялась вербовка агентуры?

Ответ. Все лица, прибывающие в распоряжение разведоргана «Ягдайнзатц Балтикум», в первый же день прибытия заполняли специальную анкету, в которой отражались полные автобиографические данные, и в конце анкеты отпечатана подписка. Содержание подписки предусматривало добровольное желание выполнять задания германского командования и обязывало каждого агента все известное ему держать в строжайшей тайне.

Агентура при оформлении псевдонимов не получала и таковые должна была получать накануне переброски в тыл советских войск для выполнения заданий.

Вопрос. Как проходило обучение вновь завербованной агентуры?

Ответ. Вновь завербованная агентура проходила обучение непосредственно при разведоргане «Ягдайнзатц Балтикум» группами, и основными дисциплинами являлись: диверсионное дело, стрелковое дело, поведение в тылу противника. В каждой группе два человека проходили подготовку радистов.

По диверсионному и радиоделу занимались с агентурой преподаватели из «Ягдвербанд Ост», а по остальным дисциплинам лекции читали начальник «Ягдайнзатц Балтикум» штурмбаннфюрер [СС] Пехау и начальник отдела «1Ц» унтерштурмфюрер [СС] Шмидт.

Для диверсионно-террористических групп Пехау и Шмидт заранее разрабатывали планы их действий. Вследствие этого агентура изучала район [предстоящих] действий, его особенности, объекты диверсий и террора.

Вопрос. Какой срок был установлен для обучения агентуры?

Ответ. Установленных сроков обучения агентуры не было, но, как мне известно, не меньше двух месяцев.

Вопрос. Какую форму носила агентура в период ее нахождения при разведоргане?

Ответ. Вся агентура по прибытии в разведорган «Ягдайнзатц Балтикум» обмундировывалась в форму солдат войск СС.

Вопрос. Как экипировалась агентура, забрасываемая в тыл советских войск?

Ответ. В период моей работы при разведоргане случаев переброски агентуры в тыл советских войск не было, а поэтому я прямого ответа на этот вопрос дать не могу. Мне известно, что на складах имелись гражданская одежда, красноармейское обмундирование, предназначенные для этих целей.

Вопрос. Какой режим был установлен для агентуры, подготавливаемой для заброски в тыл советских войск?

Ответ. Агентура размещалась в казармах группами и ротами в разрезе предполагаемых их действий в тылу советских войск. Режим для них был таковой: подъем в 7.00, туалет, зарядка и завтрак до 8.00. подготовка к занятиям с 8.00 до 9.00, занятия с 9.00 до 11.30, обеденный перерыв до 14,00, занятия до 18.00, отбой в 22.00.

Вопрос. Какие Вам известны группы агентов-диверсантов, подготавливаемых для заброски в тыл советских войск?

Ответ. При разведывательно-диверсионном органе «Ягдайнзатц Балтикум» подготавливаются группы агентов-диверсантов для заброски в тыл советских войск с целью производства диверсионных актов, организации бандгрупп и террористических актов. Мне известны следующие группы агентов-диверсантов:

1) группа обершарфюрера [СС] Башко насчитывала 18 человек, в числе которых были три девушки. По своему национальному составу состояла из латышей и русских, проживающих на территории Латвии. Группа готовилась для осуществления диверсионных актов на участке железной дороги Двинск – Режица, сбора сведений на этом участке о военных перевозках, и последние передавать в «Ягдвербанд Ост». В распоряжении группы было два радиста с рацией. Параллельно с основным заданием группа Башко должна была осуществлять террористические акты в отношении работников НКВД путем минирования их зданий и среди населения вести антисоветскую агитацию;

2) группа ротенфюрера [СС] Рудынскиса Ионаса насчитывала 17 человек, в числе ее были три радиста с одной радиостанцией. Состояла только из мужчин-латышей. Группа закончила обучение и ожидала выброску в тыл советских войск с заданием производства диверсионных актов на участке железной дороги Индра – Двинск. Кроме того, должна была держать под контролем шоссейную дорогу, которая шла параллельно железной дроге;

3) «курляндская группа» была сформирована в октябре 1944 г. штурмбаннфюрером [СС] Пехау с задачей организации «партизанского» движения в освобожденных Красной Армией районах Латвии и находилась непосредственно при разведоргане «Ягдайнзатц Балтикум». Насчитывала она 600 человек диверсантов и укомплектована была латышами, ранее состоявшими на службе в латвийских легионах СС и полицейских частях. Группа агентов-диверсантов была полностью обучена и в ожидании перехода линии фронта находилась в м[естечке]

Грауздутье Талсинского уезда. После перехода линии фронта группа должна была сосредоточиться в районе озера Лобес, откуда [предполагала] начать свою подрывную деятельность. Возглавлял группу диверсантов унтерштурмфюрер [СС] Янкаус, и в его распоряжении находилась одна радиостанция, посредством которой, будучи в тылу Красной Армии, должны были поддерживать связь с «Ягдфербанд Ост».

Для связи с Янкаусом была выделена специальная радиостанция, которая после перехода группы диверсантов линии фронта должна была переместиться в г. Вентспилс (Виндава), откуда держать связь с группой диверсантов и «Ягдфербанд Ост». Как мне известно, перед названной группой диверсантов была поставлена задача осуществлять диверсионные акты на важных железнодорожных и военных объектах, в слабо охраняемых районах (населенных пунктах), захватывать власть в свои руки, среди населения проводить антисоветскую агитацию, вовлечение населения в группу для активной борьбы против [советской] власти. «Курляндская группа» диверсантов имела псевдоним «Вилд катце» («Дикая кошка»).

Переброска указанной группы диверсантов предполагалась в период наступления Красной Армии, с тем чтобы после продвижения последних остаться на освобожденной территории и приступить к выполнению задания;

4) в октябре 1944 г. в г. Хохензальц прибыла эстонская рота СС и была передана в распоряжение «Ягдайнзатц Балтикум». Рота насчитывала около 100 человек и предназначалась для подрывной деятельности в районах Эстонии, освобожденных Красной Армией. Перед эстонской ротой стояли такие же задачи, как и перед «курляндской группой», и деятельность ее должна была ограничиваться в треугольнике – Тервете, Петсери и оз. Пейпус [Чудское озеро]. Командиром роты являлся унтерштурмфюрер [СС] Алуперс Густав.

Кроме названных мною групп диверсантов, в распоряжении «Ягдайнзатц Балтикум» находилась обученная группа радистов. Использованию подлежала в тех случаях, когда необходимо было срочно выбросить в тыл советских войск разведгруппу, а времени для подготовки радистов не было.

Таким образом, при разведгруппе «Ягдайнзатц Балтикум» находилось больше 750 агентов-диверсантов, которые в основном были подготовлены для выполнения специальных заданий в тылу советских войск.

Вопрос. Назовите известных Вам официальных сотрудников разведывательно-диверсионного органа «Ягдвербанд» и подведомственных ему органов.

Ответ. Из числа официальных сотрудников разведывательно-диверсионного органа «Ягдвербанд» и подведомственных ему органов мне известны следующие.

Главный штаб «Ягдвербанд»

1. Командующий главным штабом разведывательно-диверсионного органа «Ягдвербанд» оберштурмбаннфю-рер [СС] Скорцени, лет 35, немец, организатор похищения Муссолини и названного разведоргана.

Других сотрудников главного штаба я не знаю.

Штаб «Ягдвербанд Ост»

1. Командир «Ягдвербанд Ост», он же начальник главного штаба «Ягдвербанд», гауптштурмфюрер [СС] фон Фелькерзам, 30 лет, по национальности немец, уроженец Латвии, с 1939 г. проживает в г. Познани.

2. Заместитель командира «Ягдвербанд Ост» штурмбанфюрер [СС] Хайнце, 32 лет по национальности, немец, уроженец и житель южной Германии.

[…]

«Ягдайнзатц Балтикум»

1. Руководитель разведоргана «Ягдайнзатц Балтикум» штурмбаннфюрер [СС] Пехау Манфред, доктор юридических наук, 35 лет, немец, житель г. Берлина, руководил всей деятельностью разведоргана, подготавливал агентуру, разрабатывая задания и легенды.

[…]

Эстонская рота диверсантов

1. Командир эстонской роты унтерштурмфюрер [СС] Алуперс Густав, 30 лет, эстонец, житель г. Ревеля (Таллин), состоял на службе в германской танковой дивизии СС «Викинг», награжден немцами орденом Железного креста 2-й степени. Владеет немецким и русским языками.

2. Командир взвода диверсантов унтерштурмфюрер [СС] Раадма, лет 30, эстонец, состоял на службе в 20-й эстонской дивизии СС.

3. Командир взвода диверсантов обершарфюрер [СС] Пикел, 25 лет, эстонец, служил в 20-й эстонской дивизии СС, владеет немецким и русским языками.

[…] Других из эстонской роты диверсантов я не знаю.

Резервная группа агентов-радистов

1. Агент-радист обершарфюрер [СС] Лукстинын, 30 лет, латыш, житель г. Екабпилса, служил в артполку 19-й латвийской дивизии СС, проходил обучение на радиста при разведоргане «Ягдвербанд Ост».

[…]

1. Агент-радист обершарфюрер [СС] Лукстинын, 30 лет, латыш, житель г. Екабпилса, служил в артполку 19-й латвийской дивизии СС, проходил обучение на радиста при разведоргане «Ягдвербанд Ост».

[…]

2. Агент-радист унтершарфюрер [СС] Суомс, 25 лет, латыш, житель г. Риги, состоял на службе в 15-й латвийской дивизии СС. Обучался на радиста при разведоргане «Ягдвербанд Ост».

[…]

3. Агент-радист Антенс, 22 лет, латыш, служил в одном из подразделений латвийской полиции.

Обучался на радиста при разведоргане «Ягдвербанд Ост».

[…]

Других из числа радистов я знаю только в лицо.

Вопрос. Назовите весь преподавательский состав разведывательно-диверсионного органа «Ягдверабнд Ост».

Ответ. Из преподавательского состава разведоргана «Ягдвербанд Ост» мне известны:

1) штурмшарфюрер [СС] Мазпрецниекс Эйжане, старший преподаватель радиодела, лет 25, латыш, житель Рижского уезда, служил в латвийских полицейских частях. В 1944 г. преподавал радиодело в германском разведоргане «Цеппелин»;

2) обершарфюрер [СС] Фрицнович, преподаватель радиодела, лет 30, выдает себя за латыша, житель г. Риги, до войны работал радистом на торговых судах, владеет многими иностранными языками;

3) преподаватель подрывного дела гауптшарфюрер [СС] Лиспинг Герман, 40 лет, латыш, в Германии окончил университет, по специальности горный инженер, житель г. Риги. Раньше служил в немецком разведоргане «Цеппелин».

Вопрос. Кого Вы знаете из агентов-диверсантов, переброшенных на сторону Красной Армии для выполнения специальных заданий?

Ответ. В период моей работы при разведоргане «Ягдвербанд Ост» случаев переброски агентуры не было.

Вопрос. [Назовите] местопребывание в настоящее время разведоргана «Ягдвербанд» и ему подведомственных органов.

Ответ. Разведорган «Ягдвербанд» в связи с наступлением Красной Армии должен был перебазироваться в г. Бойшен, недалеко от г. Познани. За день до взятия советскими частями г. Хохензальца все документы разведоргана, ценности автомашинами были направлены в указанный город.

Последним поездом на Познань, за три часа до появления советских танков, из г. Хохензальца выехало все руководство

разведоргана «Ягдайзатц Балтикум» с большей частью обеих диверсионных групп и эстонской ротой диверсантов.

Обе немецкие роты, а также рота Решетникова и Сухачева заняли оборону города, но с появлением советских танков разбежались.

Все руководство «Ягдвербанд Ост» во главе с гауптштурмфюрером [СС] Фелькерзамом, который накануне отступления приехал в «Ягдвербанд Ост», к моменту прихода советских танковых частей еще было в городе, по слухам, якобы Фелькерзам был убит.

Вопрос. Какую должность Вы занимали при разведоргане «Ягдвербанд Ост»?

Ответ. Главным штабом «Ягдвербанд» я был назначен командиром латвийской роты диверсантов при разведоргане «Ягдайнзатц Балтикум», но в связи с тем, что латвийская рота диверсантов не существовала, я занимался подбором и вербовкой агентуры. Одновременно я преподавал топографию для подготавливаемых к переброске на сторону Красной Армии диверсионных групп.

Вопрос. Что Вам известно о перестройке работы немецких разведывательных и контрразведывательных органов в связи с успешным наступлением частей Красной Армии?

Ответ. Мне известно, что за последнее время в связи с успешным наступлением частей Красной Армии немецкие разведывательные и контрразведывательные органы приобретают агентуру из числа «фольксдойч» и для диверсионно-террористической деятельности оставляют в тылу Красной Армии группы диверсантов-террористов.

В конце декабря 1944 г. я, будучи в командировке в г. Берлине, встретился со своим хорошим знакомым шофером Кукайнсом, который работает при главном штабе имперской службы безопасности, и последний мне сказал, что все официальные сотрудники службы безопасности имеют при себе фиктивные документы, с тем чтобы скрыть свое действительное лицо на случай оккупации союзными войсками Германии. Кроме этого, он мне рассказал, что имперская служба безопасности начинает прятать совершенно секретные документы. В Берлине имеется засекреченный туннель, где были спрятаны документы и до 400 легковых машин. Насколько это правдиво, я утверждать не могу.

Протокол допроса с моих слов записан верно, мною лично прочитан, в чем и расписываюсь.

Тоне допросил начальник 2-го отделения 4-го отдела УКР

«Смерш» 1-го Белорусского фронта капитан Гершгорин.

Верно: заместитель начальника 2-го отделения
4-го отдела УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта.

Источник: *Ямпольский В.П.* …Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 годы. М, 2008. С. 289–309.

Приложение 6
Протокол допроса Таврина П. И

Протокол допроса Таврина Петра Ивановича

Таврин П.И., 1909 г. р., урож. с. Бобрик Нежинского района Черниговской обл. УССР, русский, в 1942 г. на фронте вступил в кандидаты в члены ВКП(б), образование незаконченное высшее, до войны работал нач. Туринской геолого-разведочной партии Исыковского приискового управления, прииск «Урал-Золото». В Красную Армию призван 14 августа 1941 г.

Вопрос: 5 сентября с. г. при вашем задержании Вы заявили, что являетесь агентом германской разведки. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, я действительно являюсь агентом германской разведки.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вы были привлечены к сотрудничеству с германской разведкой?

Ответ: 30 мая 1942 г., будучи командиром пулеметной роты 1196-го полка 369-й стрелковой дивизии 30-й армии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 г. в гор. Вене, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо Байер и Тельман и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие.

Вопрос: Когда и каким путем Вы были переброшены через линию фронта?

Ответ: Через линию фронта я был переброшен германской разведкой в ночь с 4 на 5 сентября с. г. с рижского аэродрома на 4-моторном транспортном самолете специальной конструкции. Немецкие летчики должны были высадить меня в районе Ржева и возвратиться в Ригу. Но самолет при посадке погерпел аварию и подняться снова в воздух не смог.

Вопрос: В чем заключается «специальность» конструкции самолета, на котором Вас перебросили?

Ответ: Этот самолет снабжен каучуковыми гусеницами для приземления на неприспособленных площадках.

Вопрос: А разве не была заранее подготовлена площадка для посадки самолета, на котором Вы были переброшены?

Ответ: Насколько мне известно, площадка никем не была

подготовлена, и летчики произвели посадку самолета, выбрав площадку по местности.

Вопрос: Для какой цели Вы имели при себе мотоцикл, отобранный у Вас при задержании?

Ответ: Мотоцикл с коляской был дан мне германской разведкой в Риге и доставлен вместе со мной для того, чтобы я имел возможность быстрее удалиться от места посадки самолета и этим избегнуть задержания.

Вопрос: С какими заданиями Вы были переброшены германской разведкой через линию фронта?

Ответ: Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя советского государства И.В. Сталина.

Вопрос: И Вы приняли на себя такое задание?

Ответ: Да, принял.

Вопрос: Кто Вам дал это задание?

Ответ: Это задание мне было дано начальником Восточного отдела СД в Берлине подполковником СС Грейфе.

Вопрос: Кто персонально должен был осуществить террористический акт?

Ответ: Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа СД в Риге, именуемого «Главной командой “Цеппелин-Норд”», майором Краусом Отто я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием «панцеркнакке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

Вопрос: Что это за аппарат?

Ответ: «Панцеркнакке» состоит из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закрепляется на правой руке. Аппарат портативный и может быть замаскирован в рукаве пальто. В ствол помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производится бронебойно-зажигательными снарядами.

Перед переброской через линию фронта я тренировался в стрельбе из «панцеркнакке», при этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм.

Вопрос: Каким образом Вы намеревались использовать это оружие?

Ответ: Готовивший меня для террора, названный мною выше майор СС Краус Отто предупредил меня, что машины, в которых ездят члены советского правительства, бронированы и снабжены

специальными непробиваемыми стеклами. «Панцеркнакке» я должен был применить в том случае, если бы мне предоставилась возможность совершить террористический акт на улице, во время прохождения правительственной машины.

Вопрос: А для какой цели предназначались отобранные у Вас при задержании отравленные и разрывные пули?

Ответ: Этими пулями я должен был стрелять из автоматического пистолета в том случае, если бы очутился на близком расстоянии от И.В. Сталина.

Вопрос: Расскажите подробно, каким путем Вы должны были совершить террористический акт? Какие указания в этой части Вы получили от германской разведки?

Ответ: Майор Краус поручил мне после высадки из самолета проникнуть в Москву и легализоваться. Для этого я был снабжен несколькими комплектами воинских документов, большим количеством чистых бланков, а также множеством штемпелей и печатей военных учреждений.

Вопрос: Как Вы должны были проникнуть в Москву?

Ответ: В Москву я должен был проникнуть с документами на имя заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. По прибытии в Москву я должен был этот документ сменить.

Вопрос: Почему?

Ответ: Мне было указано, что документы СМЕРШ абсолютно надежны и что я по ним проникну в Москву, не вызвав никаких подозрений. Но, как объяснил мне Краус, по этому документу находиться длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если я по прибытии в Москву изготовлю из имеющихся у меня чистых бланков документ на имя офицера Красной Армии, находящегося в отпуске после ранения. В Москве я должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам.

Вопрос: Что Вы должны были делать дальше?

Ответ: Обосновавшись таким образом в Москве, я должен был, расширяя круг своих знакомых, устанавливать личные отношения с техническими работниками Кремля либо с другими лицами, имеющими отношение к обслуживанию руководителей советского правительства. При этом Краус рекомендовал мне знакомиться с женщинами, в частности с такой категорией сотрудниц, как стенографистки, машинистки, телефонистки.

Вопрос: Для какой цели?

Ответ: Через таких знакомых я должен был выяснить места пребывания советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где

должны происходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства.

Краус предупреждал меня, что такие сведения получать нелегко, и поэтому рекомендовал с нужной мне категорией женщин устанавливать интимные отношения. Он даже снабдил меня специальными препаратами, которые при подмешивании в напитки вызывают у женщин сильное половое возбуждение, что я и должен был использовать в интересах порученного мне дела.

Независимо от степени близости с людьми сведения о членах правительства мне поручено было выведать в осторожной форме. Для проникновения на торжественные заседания я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: Перед переброской через линию фронта германской разведкой мне были даны: Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды и две медали «За отвагу», орденские книжки к ним, а также специально сфабрикованные вырезки из советских газет с указами о присвоении мне звания Героя Советского Союза и награждении перечисленными орденами и медалями.

Должен заметить, что германская разведка своих агентов, забрасываемых в СССР, снабжает фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но мне были выданы подлинные.

Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И.В. Сталину и стрелять в него отравленными и разрывными пулями.

Работниками германской разведки, в частности Грейфе и Краусом, мне было также указано, что если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства.

Вопрос: Против кого именно?

Ответ: Против В.М. Молотова, Л.П. Берия и Л.М. Кагановича. Причем для осуществления террора против них я должен был руководствоваться теми же указаниями, какие были мне даны Грейфе и Краусом в отношении осуществления террористического акта против И.В. Сталина.

Вопрос: Чем Вы заслужили столь большое доверие германской разведки?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Вы говорите неправду. Такое большое доверие германской разведки Вы могли заслужить своей активной предательской работой.

Ответ: Нет, предательской работой я не занимался. Видимо, Грейфе доверил мне это задание потому, что меня соответствующим образом рекомендовал ему Жиленков.

Вопрос: Кто такой Жиленков?

Ответ: Жиленков Георгий Николаевич – бывший секретарь райкома ВКП(б) гор. Москвы. Во время войны, будучи членом Военного совета 24-й армии, попал в плен к немцам. В данное время он ведет активную антисоветскую работу по заданию германской разведки.

Вопрос: Где и когда Вы установили связь с Жиленковым?

Ответ: С Жиленковым впервые я встретился в июле 1942 г. в Летценской крепости (Восточная Пруссия), где мы вместе содержались. Жиленков рассказал мне тогда, что, попав в плен, он вьдал себя за шофера и работал в немецкой воинской части, но затем был опознан и заключен в Летценскую крепость. Уже тогда Жиленков высказывал резкие антисоветские настроения, обрабатывал военнопленных в антисоветском духе и написал антисоветскую клеветническую брошюру под названием «Первый день войны в Кремле». Позже Жиленков вошел в состав так называемого «Русского кабинета».

Вопрос: Что это за организация и кто входит в ее состав?

Ответ: В состав «Русского кабинета» входят: Власов Андрей Андреевич – бывший генерал Красной Армии, возглавляющий «кабинет», Жиленков – ближайший помощник Власова, Мачинский – бывший профессор Ленинградского университета, Иванов и Сахаров – белоэмигранты, произведенные немцами в генералы, Благовещенский – бывший генерал Красной Армии, Калмыков – доктор технических наук, Дубин – инженер, работавший до войны в Киевском военном округе. Все эти лица тесно сотрудничают с германской разведкой. «Кабинет» называет себя будущим правительством России.

Вопрос: Об антисоветской работе изменников Родины Власова и других Вы будете подробно допрошены ниже. Сейчас ответьте на вопрос: чем помог Вам Жиленков зарекомендовать себя перед германской разведкой?

Ответ: Это произошло при следующих обстоятельствах. После вербовки меня германской разведкой я в августе 1943 г. был переведен из венской тюрьмы в специальный лагерь СД близ города Замберга и зачислен в «Особую команду».

Вопрос: Каково назначение «Особой команды»?

Ответ: «Особая команда» в Замбергском лагере СД состояла из агентов германской разведки, намеченных для активной работы на территории СССР. В составе команды было 23 человека. Пробыв некоторое время в Замберге, я в последних

числах августа 1943 г. был доставлен в Берлин к подполковнику СС Грейфе. Последний в разговоре со мной расспрашивал о моих биографических данных, выяснял причины, побудившие меня дать согласие на сотрудничество с германской разведкой, после чего рассказал о заданиях, которые мне могут быть даны для работы на территории СССР.

Вопрос: Что именно говорил Вам Грейфе?

Ответ: Он мне сказал, что может использовать меня для разведки, диверсии или террора, и предложил подумать – какая отрасль работы меня больше устраивает, что снова вызовет меня из лагеря в Берлин.

Вопрос: Вызывал ли Вас Грейфе снова в Берлин?

Ответ: Да, вызывал. Этому вызову предшествовало одно обстоятельство, которое определило мое дальнейшее поведение при встрече с Грейфе.

Вопрос: Какое именно обстоятельство, расскажите о нем.

Ответ: В первых числах сентября 1943 г. в Замбергский лагерь, где я в то время находился, прибыли Власов и Жиленков для передачи немцам одного из сформированных ими отрядов из русских военнопленных.

Вопрос: Для какой цели создавались эти отряды?

Ответ: Как мне впоследствии объяснил Жиленков, Власов сформировал ряд воинских частей из числа советских военнопленных и белогвардейцев и поставил перед немцами вопрос о выделении ему самостоятельного участка фронта, на котором он мог бы воевать против Красной Армии силами созданных им частей. С этим якобы немцы не согласились и предложили передать сформированные части в распоряжение германского командования для направления отдельными подразделениями на различные участки фронта.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания.

Ответ: Выстроив отряд, Власов произнес речь, в которой объявил, что отряд передается в распоряжение германского командования для отправки на Балканы. Затем Жиленков ходил по лагерю и беседовал с военнопленными. Я подошел к нему, и мы разговорились.

Вопрос: О чем Вы говорили?

Ответ: Я рассказал ему, что согласился работать на германскую разведку и зачислен в «Особую команду». Жиленков одобрил мое поведение, заявив: «Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно». Затем я сообщил Жиленкову о вызове к Грейфе и о сделанном им предложении о работе в пользу германской разведки в советском тылу.

Вопрос: Как отнесся к этому Жиленков?

Ответ: Выслушав меня, он стал в резкой форме высказывать злобу против руководителей советского правительства и доказывать мне, что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против И.В. Сталина, так как, по заявлению Жиленкова, за этим последует развал Советского государства. В конце нашего разговора Жиленков рекомендовал мне принять задание по террору и заявил, что по возвращении в Берлин он примет необходимые меры к ускорению моей переброски в СССР. Тут же он сделал какие-то заметки в своей записной книжке. И действительно, вскоре после отъезда Власова и Жиленкова я снова был вызван к Грейфе.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Насколько я припоминаю, это было 4 или 5 сентября 1943 г.

Вопрос: О чем в этот раз с Вами говорил Грейфе?

Ответ: Грейфе интересовался моей жизнью в лагере, а затем спросил, думал ли я над его предложением и какое принял решение.

Вопрос: Что Вы ответили Грейфе?

Ответ: Я сказал ему, что готов принять задание по террору.

Вопрос: Вы и ранее выполняли задания германской разведки по убийству советских людей?

Ответ: Нет, в этот раз я впервые принял на себя задание по террору.

Вопрос: Вы принимали участие в борьбе немцев против партизан и других советских патриотов?

Ответ: Нет, я этого не делал. Для этой цели германская разведка меня не использовала.

Вопрос: Почему же Вы тогда по собственной инициативе выбрали для себя задание по террору?

Ответ: В данном случае я руководствовался указаниями, которые мне дал Жиленков.

Вопрос: Какое задание Вам дал Грейфе по практическому осуществлению террористического акта?

Ответ: Получив от меня согласие принять задание по террору, Грефе предложил разработать и представить ему в письменном виде конкретный план совершения терористического акта, а также указать, какие средства мне необходимы для этой цели.

Вопрос: Вы разработали этот план?

Ответ: Этот план был разработан Жиленковым, я его лишь переписал.

Вопрос: Вы показываете неправду, пытаясь умалить свою роль. Говорите правду.

Ответ: Я говорю правду. Получив от Грейфе задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников Грейфе в гостиницу, где меня поселили. В тот же день ко мне приехал Жиленков, которому я рассказал о задании, полученном от Грейфе, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда Жиленков предложил мне свою помощь и увез к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить Грейфе.

Вопрос: Какие мероприятия предусматривались этим планом?

Ответ: Большая часть плана была посвящена всякого рода клеветническим выпадам против советского правительства и декларативным утверждениям о необходимости совершения террористического акта против И.В. Сталина. Затем было указано, что террористический акт должен быть совершен путем проникновения на какое-либо торжественное заседание. Все это было написано Жиленковым, я лишь дописал о средствах, необходимых для его выполнения.

Вопрос: Следовательно, Вы по своей инициативе потребовали от немцев такие средства, как отравленные разрывные пули и бронебойные снаряды?

Ответ: Нет, я этого не требовал. Все это мне дали немцы незадолго перед переброской через линию фронта. В плане я написал лишь о том, что мне необходимы 500 тыс. рублей денег, документы и пистолеты.

Вопрос: Вы передали Грейфе этот план?

Ответ: Да, я переписал весь план совершения террористического акта своей рукой и на следующий день вручил Грейфе. Он одобрил его и направил меня в распоряжение начальника главной команды «Цеппелин Норд» майора Отто Крауса, под руководством которого я должен был проходить подготовку. Краус в то время постоянно находился в городе Пскове, куда я и прибыл 23 сентября 1943 г.

Вопрос: В чем заключалась подготовка Вас к выполнению террористического задания?

Ответ: В Пскове я занимался физической подготовкой и тренировался в стрельбе из оружия. 6 ноября 1943 г. я был снова вызван в Берлин.

Вопрос: Для чего?

Ответ: Мне это неизвестно, но полагаю, что Грейфе хотел лично проверить, как идет моя подготовка, так как он в беседах со мной интересовался только этим вопросом и дал мне указание ускорить окончание подготовки. Кроме того, в Берлине я имел беседу с прибывшим туда из Пскова майором Краусом. В этой

беседе Краус известил меня о том, что принято решение о моем переводе в Ригу, так как, по его словам, в Пскове много советской агентуры, которая может узнать о подготовке меня к переброске через линию фронта.

В соответствии с этим указанием я в Псков не возвратился, а 2 декабря 1943 г. выехал из Берлина в Ригу, куда прибыл 5 декабря. 20 января 1944 г. в связи с обстановкой на фронте в Ригу была переведена из Пскова вся команда «Цеппелина».

После прибытия «Цеппелина» в Ригу я продолжал дальнейшую подготовку к переброске через линию фронта.

Вопрос: В чем заключалась Ваша подготовка в Риге?

Ответ: Совместно с переводчиком «Цеппелина» лейтенантом Делле я вплоть до моей переброски через линию фронта подготавливал для себя легенду, соответствующие документы и экипировку.

Вопрос: Вы показали, что прибыли в Ригу по указанию Крауса 5 декабря 1943 г., а возобновили подготовку к заброске через линию фронта лишь 20 января 1944 г., после прибытия команды «Цеппелина». Что Вы делали в Риге с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г.?

Ответ: Я ничего не делал.

Вопрос: Почему?

Ответ: Мне дали возможность отдохнуть.

Вопрос: Вы об этом просили немцев?

Ответ: Нет, не просил.

Вопрос: Выше вы показали, что Грейфе в беседе с Вами в Берлине в ноябре 1943 г. дал указание ускорить окончание Вашей подготовки к переброске через линию фронта, теперь Вы показываете, что Вам была предоставлена возможность отдохнуть с 5 декабря по 20 января. Мы требуем от Вас правдивых показаний, что Вы делали в этот период в Риге?

Ответ: Я показал правду. Грейфе по своей инициативе дал мне возможность отдохнуть. Вообще, он проявлял в отношении меня признаки особого внимания. Так, когда я был вызван в Берлин в ноябре 1943 г., для меня по его указанию была куплена хорошая одежда и обувь. Кроме того, по указанию Грейфе в Берлин была вызвана моя жена Шилова Лидия Яковлевна, которая прожила там со мной 10 дней, затем мы вместе выехали в Ригу.

Вопрос: Следовательно, задержанная совместно с Вами Шилова Лидия Яковлевна является Вашей женой?

Ответ: Да, с ноября 1943 г. она является моей женой.

Вопрос: Какое участие в совершении террористических актов должна была принять Шилова?

Ответ: Шилова также является агентом германской разведки и переброшена со мной в помощь мне, но она не посвящена в то, что я имею задание по террору.

Вопрос: Вы говорите неправду. Агент германской разведки, переброшенный совместно с Вами для оказания Вам помощи в выполнении задания немцев, не мог не знать об этих заданиях.

Ответ: Я говорю правду. Шилова не знает о заданиях, которые дали мне немцы, я взял ее с собой только как радистку.

Вопрос: Она разве радистка по специальности?

Ответ: Нет, она по специальности бухгалтер, но была подготовлена рижской командой «Цеппелина» в качестве радистки и придана мне.

Вопрос: Шилова находилась в Риге с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г.?

Ответ: Да, в это время она также находилась в Риге.

Вопрос: Выше вы показали, что с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г. отдыхали в Риге и никуда из города не выезжали. Допрошенная нами Шилова показала, что Вы выезжали из Риги в декабре 1943 г. Более того, она показала, что Вы вернулись в Ригу раненым. Куда Вы ездили?

Ответ: Должен признать, что я скрыл от следствия следующий факт: подготавливая меня к переброске через линию фронта, Краус несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию, в результате которой стану хромым. С тем чтобы уговорить меня, он связал меня с немецкими врачами, которые доказывали мне, что после войны мне сделают еще одну операцию, в результате которой нога будет нормальной. Я категорически отказался от этого. Тогда Краус предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений. Я и от этого отказывался, но под давлением Крауса все же был вынужден на это согласиться.

Вопрос: Какая же операция была произведена над Вами немцами?

Ответ: В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольшие раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами. Для того чтобы скрыть этот факт от Шиловой, я, по указанию Крауса, сообщил ей, что уезжаю в командировку на фронт, а по возвращении из госпиталя домой рассказал, что был ранен. Именно в этой связи я и не мог в декабре 1943 г. заниматься подготовкой к переброске через линию фронта.

Вопрос: Медицинским осмотром Вас установлено, что кроме «ранений», о которых Вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, Ваши показания о том, что Вы захвачены в плен немцами, будучи раненым, ложны?

Ответ: Да, я должен это признать.

Вопрос: При каких же обстоятельствах Вы в действительности очутились у немцев?

Ответ: 30 мая 1942 г., находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

Вопрос: Почему Вы изменили Родине?

Ответ: Я должен признать, что скрыл от следствия еще один факт.

Вопрос: Какой именно?

Ответ: В 1932 г., работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег.

В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 г., я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 годах я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побеги. В 1939 г. я по фиктивным справкам получил документы на имя Таврина и под этой фамилией был призван в Красную Армию.

Находясь на Калининском фронте, 29 мая 1942 г. я был вызван к уполномоченному Особого отдела капитану Васильеву, который интересовался, почему я переменил фамилию Шило на Таврина.

Поняв, что Особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев.

Вопрос: Не понятно, почему Вы, боясь ответственности за совершенные ранее уголовные преступления, решились на новое, тягчайшее преступление – измену Родине?

Ответ: Я полагал, что это не станет известным советским властям, а я до конца войны останусь у немцев на положении военнопленного.

Вопрос: Вас допрашивали немцы о мотивах перехода на их сторону?

Ответ: Да, допрашивали. Я не хотел говорить, что совершил уголовное преступление, поэтому сообщил им ложную версию о том, что являюсь сыном полковника царской армии, преследовался органами советской власти, в связи с чем и был вынужден перейти на сторону немцев.

Вопрос: А об обстоятельствах Вашей вербовки германской

разведкой Вы показали правду?

Ответ: Да, я показал правду. После того как я перешел на сторону немцев, ко мне отнеслись как к обычному военнопленному, и все, что я показал выше о моем пребывании в лагерях и обстоятельствах вербовки, соответствует действительности.

Вопрос: Кто Вас практически готовил на роль террориста, кроме Крауса?

Ответ: Практически, кроме Крауса, меня никто не подготавливал, если не считать трех бесед со Скорцени.

Вопрос: Кто такой Скорцени и для чего Вам были организованы встречи с ним?

Ответ: Скорцени был известен мне из газет как руководитель и личный участник похищения из Италии Муссолини, после того как он был взят в плен англичанами. В первой беседе со мной в ноябре 1943 г. в Берлине Скорцени расспрашивал меня о моем прошлом, и беседа носила больше характер ознакомления с моей личностью. Цель этого свидания стала для меня ясна несколько позже, после второй встречи со Скорцени.

Вопрос: Расскажите об этой встрече подробно.

Ответ: В январе 1944 г., находясь в Риге, я получил приказ Крауса выехать в Берлин. Сопровождал меня переводчик СД Делле. По прибытии в Берлин я узнал от Делле, что полковник Грейфе погиб в начале января 1944 г. во время автомобильной катастрофы и что вместо него назначен майор СС Хенгельгаупт. Делле мне сообщил, что Хенгельгаупт вызвал меня для личного знакомства, но придется подождать некоторое время, так как он занят и не может меня принять. Через два-три дня мне была организована встреча со Скорцени.

Вопрос: Где происходила эта встреча?

Ответ: Делле привез меня в служебный кабинет Скорцени на Потсдамерштрассе, № 28. Кроме Скорцени, в кабинете находились еще два неизвестных мне работника СД.

В беседе Скорцени объяснял мне, какими личными качествами должен обладать террорист. По ходу разговора он рассказывал о деталях организованного им похищения Муссолини. Скорцени заявил мне, что если я хочу остаться живым, то должен действовать решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость могут меня погубить. Скорцени рассказал, как во время похищения Муссолини он перепрыгнул через ограду замка, очутился в 2 шагах от стоявшего на посту карабинера. «Если бы я тогда хоть на секунду замешкался, – заявил Скорцени, – то погиб бы, но я без колебаний прикончил карабинера и, как видите, выполнил

задание и остался жив».

Весь этот разговор сводился к тому, чтобы доказать мне, что осуществление террористических актов в отношении специально охраняемых лиц вполне реально, что для этого требуются только личная храбрость и решительность и что при этом человек, участвующий в операции, может остаться живым и стать «таким же героем», каким стал он – Скорцени.

Вопрос: Вы рассказали только о двух встречах со Скорцени. Когда же состоялась Ваша третья встреча?

Ответ: Третья встреча со Скорцени состоялась так же в январе 1944 г. в Берлине.

Вопрос: О чем Вы говорили в этот раз?

Ответ: Скорцени в этот раз расспрашивал меня о Москве и пригородах и под конец прямо поставил передо мной вопрос – возможно ли осуществление в СССР такой операции, какую он провел в Италии? Я ответил, что затрудняюсь судить об этом, но, по моему мнению, проведение такой операции в СССР значительно сложнее, чем похищение Муссолини из Италии.

Вопрос: Почему Скорцени интересовался Вашим мнением по этому вопросу?

Ответ: У меня создалось впечатление, что Скорцени разрабатывает план похищения кого-то из руководителей советского правительства.

Вопрос: А что Вам достоверно известно о планах германской разведки?

Ответ: Мне известно, что главная команда «Цеппелин Норд» в Риге готовит выброску через линию фронта нескольких групп агентов с задачей совершения крупных диверсионных актов.

Вопрос: От кого это Вам стало известно?

Ответ: Об этом мне лично говорил начальник команды «Цеппелина» Краус Отто.

Вопрос: Почему Краус посвящал Вас в дела, являющиеся служебной тайной?

Ответ: Краус относился ко мне с большим доверием, так как видел тот значительный интерес, который проявляло ко мне руководство восточным отделом СД в Берлине, в частности Грейфе, а после него Хенгельгаупт, поэтому, очевидно, он и посвящал меня в свои дела.

Должен вместе с тем заметить, что постановка конспирации в команде «Цеппелин» в Риге такова, что подобные факты становились известными многим агентам.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Краус периодически организовывал так называемые «камрадабенд» – товарищеские ужины, на которые приглашалась

доверенная агентура, в том числе и я. На этих ужинах происходили обсуждения очередных мероприятий «Цеппелина» и намечались конкретные лица для исполнения заданий. Из разговоров за ужинами, а также из личных бесед с Краусом мне известно, что на протяжении года моего пребывания в «Цеппелине» было заброшено через линию фронта большое количество агентуры, однако переброска производилась мелкими группами, вследствие чего их работа была малоэффективной. Некоторые группы обосновались в Советском Союзе и поддерживают радиосвязь с немцами, но, как жаловался мне Краус, результаты их работы ничтожны.

На одном из таких ужинов, незадолго до моей выброски, ряд агентов, подготовленных и уже длительное время ожидавших переброски через линию фронта, выражали недовольство тем, что «Цеппелину» предоставляется мало транспортных средств, в связи с чем задерживается отправка агентуры. Особенно активно по этому поводу высказывался Филистинский.

Вопрос: Кто такой Филистинский?

Ответ: Филистинский – уроженец г. Москвы, русский, настоящая фамилия его мне неизвестна, ему 38 лет, в прошлом арестовывался органами советской власти за антисоветскую работу и содержался где-то в лагерях. При каких обстоятельствах попал к немцам – не знаю. Филистинский активно используется германской разведкой. В Риге он являлся редактором газеты «Новое Слово», а затем был подготовлен Краусом в качестве редактора подпольной газеты в СССР.

Вопрос: Такая газета существует?

Ответ: Насколько мне известно, такой газеты нет, но в Риге подготовлена к выброске в Вологодскую область типография, упакованная в 32 тюка, приспособленных к грузовым парашютам. Краус намерен установить эту типографию в какой-нибудь глухой деревушке и там печатать подпольную газету. Филистинский должен быть выброшен в то же место для редактирования этой газеты.

Вопрос: Почему немцы намечают выброску типографии именно в Вологодскую область?

Ответ: Мне известно от Крауса, что в Вологодской области действует группа агентов «Цеппелина», поддерживающая систематическую связь с Рижским радиоцентром германской разведки.

Вопрос: Какие агенты германской разведки находятся на территории Вологодской области и где именно?

Ответ: Я знаю, что эту группу возглавляет Семенов Гордей, возможно, это его кличка. Другие участники группы мне лично

неизвестны. Знаю, что их всего 6–7 человек, так как видел их перед отправкой в советский тыл.

Вопрос: Вы не ответили, в каком именно месте Вологодской области работает эта группа и куда должна быть сброшена типография?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Выше Вы заявили об отсутствии конспирации в работе Крауса, теперь же, когда мы требуем от Вас ответа о местах, где находятся агенты германской разведки, Вы пытаетесь уклониться от него, ссылаясь на свою неосведомленность. Не понятно, когда Вы говорите правду и когда лжете.

Ответ: Я в обоих случаях показываю правду. Если бы в то время это для меня представляло какой-либо специальный интерес, то я мог бы узнать об этом от Крауса, но меня это не интересовало.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания об известных Вам планах германской разведки.

Ответ: Как я уже показал выше, Филистинский на одном из ужинов заметил, что отсутствие необходимых транспортных средств тормозит работу рижской команды «Цеппелина». На это Краус ответил, что если сейчас не хватает транспортных самолетов, то, видимо, скоро не хватит людей для выброски. Объясняя это, Краус заявил, что германская разведка намерена изменить свою тактику. До последнего времени, говорил Краус, выбрасывались мелкие группы по 3–4 человека, которые в лучшем случае могли повредить рельсы и на некоторое время вывести из строя какой-нибудь железнодорожный перегон. Такая тактика не оправдывает себя. По словам Крауса, немцы намечают теперь выброску крупных групп для диверсионных целей. Краус доказывал, что многочисленная группа в областном или районном центре сумеет перебить местное руководство и совершить крупную диверсию.

Вопрос: Какие именно группы подготовлены к выброске?

Ответ: Со слов Крауса мне известно, что к выброске подготовлен ряд крупных групп, численностью свыше 100 человек каждая. Эти группы намечаются к выброске в районах Волги и Камы, с тем чтобы одновременно взорвать мосты через эти реки и отрезать на некоторое время Урал от фронта. Это, по словам Крауса, должно будет немедленно отразиться на боеспособности действующей Красной Армии, хотя бы на короткий период.

Вопрос: Перечислите известные Вам группы германских агентов, подготовленных к выброске в район Волги и Камы.

Ответ: Мне известны четыре такие группы. Первая группа во главе с агентом германской разведки Георгием Кравцом

готовится к выброске с задачей совершения крупных диверсионных актов в оборонной промышленности г. Молотова.

Вопрос: Кто такой Кравец?

Ответ: Кравец – русский, сын генерала царской армии, бывший летчик гражданского воздушного флота СССР. В 1933 г. изменил Родине, перелетев на самолете в Латвию. После этого длительное время проживал в Германии. С начала войны активно используется немцами в разведывательных органах на Восточном фронте.

Вопрос: Назовите состав остальных групп.

Ответ: Вторая группа в составе свыше 100 человек возглавляется Кином, настоящая фамилия его мне неизвестна. Знаю, что он казак, добровольно перешел на сторону немцев и зарекомендовал себя перед ними многочисленными зверствами над коммунистами и советскими партизанами.

Вопрос: В какой район должна быть переброшена эта группа?

Ответ: Точно мне неизвестно. Знаю лишь, что группа Кина также предназначена для выброски в районы Волги и Камы

Третью группу возглавляет Рудченко. Эта группа также насчитывает свыше 100 человек. Рудченко до войны являлся преподавателем истории одного из ленинградских институтов. Во время войны он под Ленинградом перешел на сторону немцев и с тех пор активно работает в немецких разведывательных органах.

Четвертая группа в составе более 200 человек возглавляется Мартыновским.

Вопрос: Что Вам известно о Мартыновском?

Ответ: Это бывший капитан Красной Армии. Попав в плен к немцам, стал сотрудничать с германской разведкой и вел активную борьбу с советскими партизанами. Германская разведка с большим доверием относится к Мартыновскому, он награжден тремя Железными крестами. Группа Мартыновского готовится к переброске в район Астрахани.

Со слов Крауса мне также известно, что для руководства всеми перечислениями группами после их приземления в районе Волги и Камы туда должен быть переброшен бывший полковник Красной Армии Леман. Лемана я знаю лично, он немец Поволжья, во время войны перешел на сторону немецких войск, в Замбергском лагере он возглавлял «Особую команду» германских разведчиков, о которой я показал выше.

Вопрос: Какие известные Вам группы германских разведчиков подготавливаются для переброски в советский тыл?

Ответ: Я назвал все известные мне группы. По ряду фактов я могу сделать вывод о том, что немцы готовят много таких групп для переброски через линию фронта.

Вопрос: О каких фактах Вы говорите?

Ответ: За последнее время в Риге в портняжные мастерские СД доставлено большое количество материала для пошивки красноармейского обмундирования и погон. Судя по количеству этого материала, можно на глаз определить, что он предназначен для пошивки многих сотен комплектов обмундирования военнослужащих Красной Армии. Кроме того, со слов бывшего командира Красной Армии, ныне офицера СС Якушева, занимающегося в рижской команде «Цеппелина» изготовлением фиктивных советских документов, мне известно, что такие документы изготавливаются в последнее время в очень большом количестве.

Вопрос: Каким образом Якушев стал офицером СС?

Ответ: Со слов Якушева мне известно, что весной 1944 г., будучи на командной должности на Западном фронте, он добровольно перешел на сторону немцев, после чего был принят на работу в СД…

Допросили: Начальник отдела НКВД СССР
по борьбе с бандитизмом —
комиссар Госбезопасности 3-го ранга (Леонтьев)
Зам. начальника 2-го управления НКГБ СССР
комиссар Госбезопасности (Райхман)
Начальник отдела ГУКР СМЕРШ НКО
полковник (Барышников).

Источник: *Чуев С.* Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 2. М., 2003. С. 302–306.

Примечания

1 *Штейнберг М.* Спецназ в России и на Западе // Зеркало недели. 1996. 30 нояб. – 6 дек. № 48 (113).

2 *Боргезе Ю.В., Беккер К.* Подводные диверсанты во Второй мировой войне. М., 2002.

3 Диверсанты Третьего рейха. М., 2004. С. 75.

4 *Мадер Ю.* По следам человека со шрамом. М., 1964. С. 4–5.

5 Короли диверсий. М., 1997. С. 4.

6 *Скорцени О.* Секретные задания. Ростов-на-Дону, 1999.

7 Отто Скорцени и секретные операции Абвера. М., 2000.

8 *Скорцени О.* Диверсии – мое ремесло. Смоленск, 2001.

9 Отто Скорцени и секретные операции фюрера. М., 2004.

10 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012.

11 *Телицын В.* Отто Скорцени, или Коммандос – опасное ремесло. Смоленск, 2000. С. 2.

12 *Паплю Ж.-П.* Арденны. Пейпер и Скорцени. М., 2003.

13 *Аннусек Г.* Операция «Дуб». Звездный час Отто Скорцени. М., 2012.

14 *Семенов К.* Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М., 2014.

15 *Гудрик-Кларк Н.* Оккультные корни нацизма. М., Бг. С. 5.

16 Цит. по: *Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970. С. 24.

17 *Бургер Р.* Антифашисткий карнавал // Интеллектуальный Форум. 2002 г. Вып. 11. Режим доступа: if.russ.ru/2002/11/20021226_byr.html.

18 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 91.

19 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 10.

20 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 10.

21 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 10–11.

22 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 10.

23 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 11.

24 *Семенов К.К.* Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М., 2014. С. 7.

25 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 11.

26 Фашистский путч в Австрии // Правда. 1931. 14 сент. Режим доступа: http://www.russ.ru/ist_sovr/express/1931_37.html.

27 *Райсберг А.* Австрия, февраль 1934 года. М., 1975. С. 186–187.

28 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 13.

29 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 14.

30 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 15.

31 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 106–107.

32 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (193–1945). М., 1973. С. 107.

33 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 69–74.

34 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 76–84, 111–112, 123, 150–151.

35 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 89, 165.

36 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 91–92.

37 *Штрассер О.* Гитлер и я. М., 2005. С. 26.

38 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 243.

39 Абшнит Режим доступа: http://secondwar.voenkomat.ru/kriatonpage.php?s=&pageid=434&goto=previouspage.

40 Австрийский легион Режим доступа: http://www.rspu.ryazan.ru/~dante/Mirrors/hrono/organ/avstr_legion.html.

41 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 243.

42 *Гладков Т.* Тайны спецслужб III Рейха. М., 2004. С. 127.

43 *Гладков Т.* Тайны спецслужб III Рейха. М., 2004. С. 127.

44 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 27.

45 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 243–244; *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 28–29.

46 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 28.

47 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 244–245.

48 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 30–31.

49 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 245–246.

50 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 93–94.

51 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 46.

52 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 31.

53 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 46.

54 *Бояджи Э.* История шпионажа: в 2– т. Т. 1. М., 2003. С. 517.

55 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М.,

2005. С. 246.

56 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 47–49.

57 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 96.

58 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 49.

59 Там же. С. 49–51.

60 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 96.

61 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 49–51.

62 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 247.

63 *Бояджи Э.* История шпионажа: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 516.

64 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 51–52.

65 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 98–99.

66 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 51–52.

67 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 247.

68 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 51–52.

69 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 101–103.

70 *Хене Х.* Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005. С. 247–248.

71 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 52–53.

72 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 99–100.

73 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 54–55.

74 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 78.

75 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 55–61.

76 *Бояджи Э.* История шпионажа: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 517.

77 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 16.

78 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 16.

79 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 61–63.

80 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 68–71.

81 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 71.

82 Энгельберт Дольфус. Режим доступа: http://www.vojnik.org/dolfus.htm.

83 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 71–73.

84 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 73–74.

85 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 16.

86 *Румянцев Ф.Я.* Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972. С. 6–7.

87 *Гейден К.* История германского фашизма. М.; Л., 1935. С. 110.

88 *Бухгайт Г.* Абвер – щит и меч III Рейха. М., 2003. С. 41–43.

89 *Байуотер Г.* Морская разведка и шпионаж (1914–1918 гг.). СПб., 1996. С. 24–36.

90 *Найтли Ф.* Шпионы XX века. М., 1994. С. 28.

91 *Найтли Ф.* Шпионы XX века. М., 1994. С. 29.

92 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 126–127.

93 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 79.

94 Папен Франц фон. Режим доступа: http://persona.rin.ru/cgi-bin/rus/view.pl?a=f&idr=6&id=33717; *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе: биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 503–505.

95 *Бояджи Э.* История шпионажа: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 517.

96 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 99–100.

97 *Хеттль В.* Секретный фронт. Воспоминание сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938–1945. М., 2003. С. 35.

98 *Бояджи Э.* История шпионажа: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 521.

99 *Хеттль В.* Секретный фронт. Воспоминание сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938–1945. М., 2003. С. 35.

100 *Румянцев Ф.Я.* Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972. С. 8.

101 *Батурин Ю.М.* Досье разведчика: опыт реконструкции судьбы. М., 2005. С. 390–391.

102 *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 286.

103 *Чертопруд С.* НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 27–28.

104 *Батурин Ю.М.* Досье разведчика: опыт реконструкции судьбы. М., 2005. С. 394–398.

105 *Батурин Ю.М.* Досье разведчика: опыт реконструкции судьбы. М., 2005. С. 418–426.

106 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 102.

107 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 103.

108 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 104.

109 *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе: биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 504.

110 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 107–108.

111 *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 162–163.

112 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 108–109.

113 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 109.

114 *Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1998. С. 220.

115 Нюрнбергский процесс: сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954. С. 106.

116 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 80–81.

117 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 33.

118 *Ширер У.* Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М., 2002. С. 81.

119 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 81–82.

120 *Колвин И.* Двойная игра; *Пинто О.* Охотник за шпионами. М., 1996. С. 34–35.

121 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 85–86.

122 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 37.

123 *Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис – «железный» адмирал. М.; Смоленск, 1998. С. 272–273.

124 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 128–129.

125 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 86–87.

126 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 129.

127 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 87–88.

128 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 130.

129 *Мельников Д., Черная Л.* Адольф Гитлер – преступник № 1. М., 2004. С. 351.

130 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 131–133.

131 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 88–89.

132 *Бачо Я.* Нацизм. М., 2004. С. 133–134.

133 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 89.

134 *Колвин И.* Двойная игра; *Пинто О.* Охотник за шпионами. М., 1996. С. 36–37.

135 *Абжаген К.Х.* Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, 1998. С. 173–174; *Колвин И.* Двойная игра; *Пинто О.* Охотник за шпионами. М., 1996. С. 37.

136 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С.90.

137 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 39.

138 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 91–94.

139 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 95.

140 *Фест И.* Гитлер: биография. Т. 1. Пермь, 1993. С. 97.

141 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 98–99.

142 *Бухгайт Г.* Абвер – щит и меч III Рейха. М., 2003. С. 188.

143 *Фест И.* Гитлер: биография. Т. 3. Пермь, 1993. С. 98–101.

144 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 99–101.

145 *Путлиц В.* По пути в Германию. М., 1957. С. 215.

146 *Полтавский М.А.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973. С. 43.

147 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 101.

148 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 140.

149 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 102–103.

150 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 140.

151 *Бернась Ф.* Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992. С. 103.

152 *Скорцени О.* Неизвестная война. М, 2012. С. 21–22.

153 *Шунков В.* Солдаты разрушения. М., Минск, 2001. С. 38–40.

154 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 32.

155 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 43.

156 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 56.

157 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 74–75.

158 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 79.

159 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 78.

160 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 78.

161 *Кусов В.С.* Бородино. 1941 // Московский журнал. 2001. № 5.

162 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 85.

163 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 85.

164 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 86.

165 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 93.

166 *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004. С. 264–265; *Залесский К.* РСХА. М., 2004. С. 236–244.

167 *Залесский К.* РСХА. М., 2004. С. 217.

168 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 93.

169 *Хаген В.* Фальшимонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». – М., 2004. С. 113.

170 *Неподаев Ю.* Спецназ адмирала Канариса. М., 2004.

171 *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004. С. 269–270.

172 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 95.

173 *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004. С. 270.

174 Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2012. С. 515–520.

175 *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 204–205; *Семенов К.К.* Войска СС. М., 2004. С. 271–277.

176 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2004. С. 140, 141.

177 *Соколов П.* Ухабы. Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/31.htm.

178 *Соколов П.* Ухабы. Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/27.htm.

179 Великая Отечественная война: провал операции «Ульм». Режим доступа: https://59.mvd.ru/news/item/974728.

180 *Кашин В.* Урал под прицелом. Операция «Ульм». Нижний Тагил, 2015.

181 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 145–146.

182 *Щербаков С.* Эсэсовский десант // Братишка. 2010. № 2; *Сергиенко А.М.* Эхо победы в наших сердцах. Белгород, 2006. С. 13–29; *Азаров А.* Маршал Тито: тайна за семью печатями // Крымское время. 2010. 13 мая; *Йоргенсен К.* Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. М., 2012. С. 145–147.

183 *Сергиенко А.М.* Эхо победы в наших сердцах. Белгород, 2006. С. 32–33.

184 *Аннусек Г.* Операция «Дуб». Звездный час Отто Скорцени. М., 2012. С. 376–378.

185 *Хаген В.* Фальшимонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». М., 2004. С. 154–161.

186 *Хаген В.* Фальшимонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». М., 2004. С. 162.

187 *Хаген В.* Фальшимонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». М., 2004. С. 164.

188 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 110

189 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 110–111.

190 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 114.

191 Fiezeler Fi.103 Reichenberg. Режим доступа: http://topwar.ru/47264-fiezeler-fi103-reichenberg.html.

192 *Йоргенсен К.* Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. М., 2012. С. 144.

193 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2012. С. 114.

194 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2004. С. 269–270.

195 Садовский Борис Александрович (1881–1952) – русский поэт, писатель, критик, прославившийся в годы Серебряного века. Находился под постоянным наружным и внутренним (агентуры) наблюдением советских органов госбезопасности. Хотя Лубянку

интересовал не сам «парализованный, глубокий инвалид, передвигающиеся на коляске» старик, а посещавшие его люди – противники существующего строя. В документах Лубянки он фигурировал под псевдонимом «Поэт».

196 Агент «Старый» – Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978). Профессор, доктор искусствоведческих наук. С органами госбезопасности сотрудничал с 1928 года. За активное участие в операции «Монастырь» награжден орденом «Знак почета».

197 Агент «Мир» – Вера Сергеевна Сидорова. За активное участие в операции «Монастырь» награждена медалью «За боевые заслуги».

198 Агент «Гейне» – Александр Петрович Демьянов (1910–1975). За активное участие в операции «Монастырь» награжден орденом Красной Звезды.

199 Агент «Борисова» – Татьяна Борисовна Березенцова (1912–1995). За активное участие в операции «Монастырь» награждена медалью «За боевые заслуги».

200 План оперативных мероприятий по агентурному делу «Монастырь» от 20 января 1942 года. Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 46–51.

201 Задание 2-го отдела 4-го Управления НКВД СССР агенту «Гейне» на установление контакта с германской разведкой от имени легендированной организации «Монастырь» от 31 января 1942 г. Цит. По: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 90–94.

202 Докладная записка начальника 4-го Управления НКВД СССР П.А. Судоплатова заместителю народного комиссара внутренних дел СССР о результатах направления в спецорганы противника агента «Гейне» от имени легендированной организации «Монастырь» от 28 марта 1942 г. Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 303–304.

203 *Мартенс В.* Конрад Лоренц в Красногорске // Твое собачье дело. 2001. № 1.

204 *Шарапов Э.* Судоплатов против Канариса. М., 2004. С. 99–101.

205 *Михайлов В.* Операция «Березино» // Советская Белоруссия. 2005. 18 июня. № 115 (22272)..

206 *Скорцени О.* Неизвестная война. М., 2004. С. 270–272.

207 Служба внешней разведки СД – IV управление РСХА,

начальник Вальтер Шелленберг.

208 Цит. по: *Озеров С.* Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

209 *Михайлов В.* Операция «Березино» // Советская Белоруссия. 2005. 18 июня. № 115 (22272).

210 Цит. по: *Озеров С.* Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

211 Цит. по: *Шарапов Э.* Судоплатов против Канариса. М., 2004. С. 92–94.

212 Цит. по: *Анкудо Е.* Молчаливая война // БелГазета. 2005. 5 мая. № 48 (486).

213 Цит. по: *Озеров С.* Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

214 Цит. по: *Озеров С.* Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

215 Цит. по: *Михайлов В.* Операция «Березино» // Советская Белоруссия. 2005. 18 июня. № 115 (22272).

216 Цит. по: *Озеров С.* Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

217 *Смирнова М.* Свой среди своих // Независимое военное обозрение. 2000. 10 нояб.

218 *Безыменский Л.А.* Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М., 1995. С. 64–65.

219 *Зданович А.А.* «Смерш» на пути к победе. М., 2014. С. 104.

220 *Ленчевский Ю.* Провал акций «Цеппелина» // Граница России. 2007. Март. № 10, 11.

221 *Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В.* Провал акции «Цепеллин» // Фронт без линии фронта: сборник. М., 1970. С. 356–375.

222 *Веденеев Д.В.* Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Киев., 2008. С. 265–268.

223 Протокол допроса Таврина Петра Ивановича. Цит. По: *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 2. СПб.; М., 2003. С. 286–314.

224 *Шлаен А.* Волчья охота // Зеркало недели. 2000. 23 дек.

225 Сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР № 4126 в ГКО о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. 30 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 года). М… 2007. С. 376–379.

226 *Михайлов А.Г., Томаровский В.И.* Обвиняются в шпионаже.

М., 2004. С. 65.

227 *Турченко С.* Он должен был убить Сталина // Труд-7. 2000. 10 авг.

228 *Шелленберг В.* Лабиринт. М., 1991.

229 *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

230 *Шелленберг В.* Лабиринт. М., 1991. С. 3–4.

231 По утверждению отдельных авторов, дуэт «немецких агентов-террористов» вез с собой более чем пять сотен экземпляров документов (всевозможные служебные удостоверения, паспорта, трудовые книжки, командировочные предписания, отпускные билеты, денежные и продовольственные аттестаты, шоферские права, дипломы вузов и техникумов и т. д. и т. п.); сто двадцать печатей военных и государственных учреждений, ручные прессы с объемными штемпелями различных ведомств.

232 Пропуск в тексте документа.

233 Пропуск в тексте документа.

234 Пропуск в тексте документа.

235 Пропуск в тексте документа.

236 Сообщение НКВД СССР, НКГБ СССР и ГУКР «Смерш» НКО СССР № 4126 в ГКО о задержании немецких агентов, заброшенных в советский тыл с целью совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства. 30 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 года). М… 2007. С. 376–379.

237 План агентурно-оперативных мероприятий НКГБ, НКВД и ГУКР «Смерш» НКО СССР по борьбе с агентами – террористами немецкой разведки. 25 сентября 1944 года // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 года). М… 2007. С. 355–357.

238 *Вайс А.* Охота на Сталина // АиФ – долгожитель. 2004. 16 июля.

239 *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 215–217.

240 *Иванов Л.Г.* Правда о «Смерше». М., 2007. С. 155–156.

241 *Макаров В., Тюрин А.* «Дело Таврина» и радиоигра «Туман» // Военно-промышленный курьер. 2008. 13–19 авг.

242 *Веденеев Д.В.* Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Киев, 2008. С. 268.

243 *Макаров В., Тюрин А.* «Дело Таврина» и радиоигра «Туман» // Военно-промышленный курьер. 2008. 13 авг.; *Пронин*

А. Охота на Сталина // Батишка. 2003. № 8; *Борисов Т.* Провал «Цеппелина». 2007. 20 дек.

244 *Зданович А.А.* «Смерш» на пути к победе. М., 2014. С. 73.

245 *Шпаен А.* Волчья охота //Зеркало недели. 2000. 23–29 дек.

246 *Гуськов А.М.* Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004. С. 142–146.

247 *Безыменский Л.А.* Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М., 1995. С. 82.

248 Заключение Главной военной прокуратуры по делу Шило (Таврина) Петра Ивановича и Шиловой (Адамчик) Лидии Яковлевны. Цит. по: *Звягинцев В.Е.* Трибунал для героев. М., 2005. С. 252–254.

249 *Соколов П.* Ухабы. Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/31.htm.

Список источников

Абжаген К.Х. Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, 1998.

Азаров А. Маршал Тито: тайна за семью печатями // Крымское время. 2010. 13 мая.

Анкудо Е. Молчаливая война // БелГазета. 2005. 5 мая. № 48 (486).

Аннусек Г. Операция «Дуб». Звездный час Отто Скорцени. М., 2012.

Байуотер Г. Морская разведка и шпионаж (1914–1918 гг.). СПб., 1996.

Батурин Ю.М. Досье разведчика: Опыт реконструкции судьбы. М., 2005.

Бачо Я. Нацизм. М., 2004.

Безыменский Л.А. Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. М., 1995.

Беляев А., Сыромятников Б., Угринович В. Провал акции «Цепеллин» // Фронт без линии фронта: сборник. М., 1970.

Бернась Ф. Убийцы с Вильгельмштрассе. М., 1992.

Боргезе Ю.В., Беккер К. Подводные диверсанты во Второй мировой войне. М., 2002.

Борисов Т. Провал «Цеппелина». 2007. 20 дек.

Бояджи Э. История шпионажа: в 2 т. Т. 1. М., 2003.

Бухгайт Г. Абвер – щит и меч III рейха. М., 2003.

Вайс А. Охота на Сталина // АиФ – долгожитель. 2004. 16 июля.

Веденеев Д.В. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Киев, 2008.

Волков А., Славин С. Адмирал Канарис – «железный» адмирал. М.; Смоленск, 1998.

Гейден К. История германского фашизма. М.; Л., 1935.

Гладков Т. Тайны спецслужб III рейха. М., 2004.

Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. М., бг.

Гуськов А.М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1998.

Диверсанты Третьего рейха. М., 2004.

Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Залесский К. РСХА. М., 2004.

Зданович А.А. «Смерш» на пути к победе. М., 2014.

Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. М., 2005.

Иванов Л.Г. Правда о «Смерше». М., 2007.

Йоргенсен К. Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. М., 2012.

Кашин В. Урал под прицелом. Операция «Ульм». Нижний Тагил, 2015.

Колвин И. Двойная игра; *Пинто О.* Охотник за шпионами. М., 1996.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. М., 2000.

Короли диверсий. М., 1997.

Кусов В.С. Бородино. 1941 // Московский журнал. 2001. № 5.

Ленчевский Ю. Провал акций «Цеппелина» // Граница России. 2007. Март. № 10, 11.

Мадер Ю. По следам человека со шрамом. М., 1964.

Макаров В., Тюрин А. «Дело Таврина» и радиоигра «Туман» // Военно-промышленный курьер. 2008. 13–19 авг.

Мартенс В. «Конрад Лоренц в Красногорске» // Твое собачье дело. 2001. № 1.

Мельников Д., Черная Л. Адольф Гитлер – преступник № 1. М., 2004.

Михайлов В. Операция «Березино» // Советская Белоруссия. 2005. 18 июня. № 115 (22272).

Михайлов А.Г., Томаровский В.И. Обвиняются в шпионаже. М., 2004.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.

Неподаев Ю. Спецназ адмирала Канариса.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: в 2 т. Т. 2. М., 1954.

Озеров С. Операция «Березино» // Военно-промышленный курьер. 2005. 12–18 янв. № 1 (68).

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 года). М., 2007.

Остряков С.З. Военные чекисты. М., 1979.

Отто Скорцени и секретные операции Абвера. М., 2000.

Паплю Ж.-П. Арденны. Пейпер и Скорцени. М., 2003.

Полтавский М.А. Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938–1945). М., 1973.

Пронин А. Охота на Сталина // Батишка. 2003. № 8.

Путлиц В. По пути в Германию. М., 1957.

Райсберг А. Австрия, февраль 1934 года. М., 1975.

Ратнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в

конце XIX века. М., 1970.

Румянцев Ф.Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972.

Семенов К.К. Войска СС. М., 2004.

Семенов К. Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М., 2014.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Сергиенко А.М. Эхо победы в наших сердцах. Белгород, 2006.

Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979.

Скорцени О. Диверсии – мое ремесло. Смоленск, 2001.

Скорцени О. Неизвестная война. М., 2012.

Скорцени О. Секретные задания. Ростов-на-Дону, 1999.

Смирнова М. Свой среди своих // Независимое военное обозрение. 2000. 10 нояб.

Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2012.

Телицын В. Отто Скорцени, или Коммандос – опасное ремесло. Смоленск, 2000.

Турченко С. Он должен был убить Сталина // Труд-7. 2000.

Фест И. Гитлер: биография. Т. 1. Пермь, 1993.

Хаген В. Фальшимонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». М., 2004.

Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2005.

Хеттль В. Секретный фронт. Воспоминание сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938–1945. М., 2003.

Чертопруд С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005.

Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. II. СПб.; М., 2003.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. М., 2004.

Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.

Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М., 2002.

Шлаен А. Волчья охота // Зеркало недели. 2000. 23 дек.

Штейнберг М. Спецназ в России и на Западе // Зеркало недели. 1996. 30 нояб. – 6 дек. № 48 (113).

Штрассер О. Гитлер и я. М., 2005.

Шунков В. Солдаты разрушения. М., Минск, 2001.

Щербаков С. Эсэсовский десант // Братишка. 2010. № 2.

Ямпольский В.П. …Уничтожить Россию весной 1941 г. (А. Гитлер 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и

Германии. 1937–1945 годы. М., 2008.